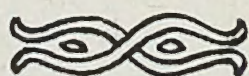

В.К. ЯКОВЛЕВА

ЯЗЫК ЙОРУБА

ИВЛ

**ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ**

*Под общей редакцией
проф. Т. П. Сердюченко*

В.К. ЯКОВЛЕВА

ЯЗЫК ЙОРУБА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

1 9 6 3

Ответственный редактор
Л.Б. НИКОЛЬСКИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа В.К. Яковлевой «Язык йоруба» входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, например: «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки» и др.

В большей части очерков описываются конкретные живые языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малайлам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, среднеперсидский, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии «Языки зарубежного Востока и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Место языка йоруба среди западноафриканских языков и история его изучения

Согласно существующей классификации языков Африки, язык йоруба относится к одной из групп языков Судана.

Проблема классификации западноафриканских языков до сих пор окончательно не разрешена. Это объясняется недостаточной изученностью многих из суданских языков и их типологическим разнообразием.

Среди языков Судана можно выделить более или менее компактные группы, характеризующиеся сходными чертами в морфологии и общностью словарного состава. Это языки группы манде, языки бантоидной группы и языки гвинейского побережья (так называемая группа языков «ква»).

Примечание: Термин «ква» впервые предложенный в 1885 г. исследователем Т.А.Краузе, а впоследствии широко употребляемый крупнейшим немецким лингвистом Д.Вестерманом, происходит от корня «KWA» («K W»), который во многих языках этой группы входит в слова со значением «народ», «люди».

Кроме этих трех более или менее четко выделяющихся языковых групп, некоторые ученые выделяют еще кордофанские, нилотские языки и языки канури, а также группу неклассифицированных языков Центрального Судана¹.

¹ См. «Народы Африки», под ред. Д.А.Ольдерогге, И.И.Потехина, М., 1954.

Важнейшими языками гвинейской группы, кроме йоруби, описанию которого посвящен данный очерк, являются:

эве (с диалектами авуни, го, гу и др.) — распространен в южных районах Дагомейской Республики и республики Того и в юго-восточных областях республики Гана.

ибо (с диалектами оверри и опитша) — в Юго-Восточной Нигерии.

нупе (с диалектами гбари, игбира, басса-нго и др.) — в Центральной Нигерии.

эдо, или бини (с диалектами биби, собо и кукуруку), — в районе Бенина и в провинциях Нигерии Уарри и Оидо. (Язык древнего государства на территории Нигерии — Бенина, славившегося своим искусством и культурой).

акан (семья нескольких родственных языков: ашанти, фанти, тви (тши или чи), гуанг, аньи, баули и др.) — в южных и центральных районах Ганы, в юго-восточных областях республики Берег Слоновой Кости и в небольших пограничных районах на северо-востоке Ганы и северо-западе Того.

га-адангме (с диалектами га, адангме и кробо) — на побережье Гвинейского залива в районе Аккры (Гана).

Язык лагун, или лагуинный язык (с диалектами гва, абуре, кйама, метьбо, ари, ахизи), — в юго-восточной области Берега Слоновой Кости.

За пределами гвинейского побережья к группе языков ква, по всей вероятности, относится язык сонгаи (племена, говорящие на этом языке и его диалектах сосредоточены в районах среднего течения Нигера). Однако, поскольку язык сонгаи еще изучен недостаточно, вопрос о принадлежности его к этой группе не решен.

Языки группы ква характеризуются некоторыми общими фонетическими особенностями, а также известной общностью грамматического строя и лексики.

Наиболее характерная фонетическая особенность этих языков — наличие музыкальных тонов, количество которых варьирует от

трех до девяти в разных языках. Высота тона в отдельных языках группы ква является не только средством различения слов (так называемые лексические тоны), но и средством различения грамматических форм слов (грамматические тоны).

В большинстве языков имеется от семи до девяти гласных звуков, различающихся по качеству, а не по долготе или краткости. Для многих языков характерны носовые гласные. Типичны для большинства языков ква сложные согласные двойной артикуляции — губнозадняязычные *kp*, *gb*, характеризующиеся наличием двойной преграды. Преграда образуется за счет смыкания губ и поднятия задней части спинки языка до соприкосновения с мягким небом. В некоторых языках имеются лабиализованные согласные *tw*, *gw*, *dw* и др.

В области грамматики отличительной особенностью этих языков можно считать отсутствие грамматического рода и грамматических классов²

Множественное число имен существительных образуется не путем флективного изменения слова, а при помощи различных аффиксов (в одних языках — префиксы, в других — суффиксы) либо при помощи личного местоимения 3-го лица множественного числа.

² Тем не менее некоторые грамматические явления в ряде языков ква дают основания предполагать, что в более ранние периоды в этих языках, по-видимому, существовала система грамматических классов. Так, имеющиеся в языках эве и тви префиксы *o-* (для единственного числа) и *a-* (для множественного числа) оформляют только определенную категорию имен существительных, которая в языках банту обозначает «класс людей». Однако черты грамматических классов в языках ква очень скудны, и сама гипотеза о некогда существовавшей системе грамматических классов и о ее распаде не подкрепляется достаточно убедительным фактическим материалом.

Временные формы глагола образуются посредством ряда частиц или удвоением глагольной основы. Удвоение вообще является широко распространенным средством не только словоизменения, но и словообразования. (Например, посредством удвоения глагольных основ могут образовываться имена прилагательные или от прилагательных — наречия).

Во всех языках группы ква отсутствуют какие-либо морфологические средства выражения синтаксической связи слов (склонение имен существительных и местоимений, согласование существительного и прилагательного, спряжение глагола по лицам и числам). Средствами выражения связи слов в словосочетаниях и предложениях являются фиксированный порядок слов и служебные слова (предлоги, союзы, частицы).

В атрибутивных сочетаниях обычно определение следует за определяемым словом; в посессивных оборотах при выражении принадлежности предлоги, как правило, не употребляются — два существительных непосредственно примыкают одно к другому, причем для большинства языков (в том числе йоруба и ибо) характерно постпозитивное положение управляемого существительного по отношению к управляющему (например, на языке йоруба — *lúé bábá* 'книга отца'). Для языков эве и нупе характерен обратный порядок расположения членов в посессивных оборотах (управляющее существительное следует за управляемым: на языке эве — *lúá xó* 'дом вождя'; букв. 'вождя дом').

Помимо наличия общих корней слов, отличительной чертой для языков группы ква является определенная общность в структуре самих корней. По крайней мере до последнего времени считалось, что в языках гвинейской группы преобладают односложные корни, представляющие собой сочетания согласного и гласного звуков. На этой основе, а также в связи с мнением некоторых исследователей о том, что эти языки являются аморфными и не имеют частей речи, родилась теория о примитивности языков ква. Одним из сторонников этой теории был немецкий лингвист Мейнхоф. Однако

в последние годы моносиллабичность языков ква была подвергнута сомнению. Сравнение языков эве, гуан и тви, а также исследование других западноафриканских языков показало, во-первых, что на современном этапе более распространенными являются двусложные корни, состоящие из двух открытых слогов, и, во-вторых, что от более древних двусложных корней путем контракции (отпадения второго слога) могли образовываться односложные корни³.

В процессе исследования языка йоруба мы также пришли к выводу, что односложные корни не являются преобладающими в этом языке; двух- и трехсложные основы имеют самое широкое распространение в йоруба, а односложные корни нередко являются результатом отпадения слогов от этих двух- и трехсложных основ. Процесс контракции слов (выпадения гласных или согласных и отпадение слогов) продолжает действовать в языке йоруба и в настоящее время.

На языках гвинейской группы имеются более или менее значительная литература оригинального и переводного характера. Среди оригинальной литературы много произведений на религиозные темы, большое количество поэтических произведений, описаний этнографического и исторического содержания и записей фольклорных текстов (сказок, поговорок, преданий и пр.). Среди литературы переводного характера — переводы Ветхого и Нового Завета с английского и французского языков.

Общие историко-этнографические сведения о народе йоруба

Современная наука не располагает достаточно полными сведениями о народах, говоривших на языке йоруба и его диалектах.

³ См. Wm. E. Welmers, *Are West African languages monosyllabic?*, - «Journal of the American Oriental Society», 1949, vol. 69, N 3.

Первые письменные сообщения по истории народов, населяющих территорию современной Нигерии, Дагомеи и Того, принадлежат португальским и голландским мореплавателям XV-XVI вв. Для восстановления более ранних периодов истории служат устные предания туземных историков-арокинов. Эти предания, однако, обобщают скорее полуполюгендарный, чем исторический материал. Известно о существовании древнейших государств в нижнем и среднем течении Нигера: Бенина, Йоруба и Нупе. Археологические раскопки последних лет свидетельствуют о древней высокой культуре народа Йоруба. Скульптура головы одного из царей Йоруба Обалофона II, сделанная неизвестным мастером в XIII в. н.э., является замечательным произведением искусства: по мастерству и тонкости исполнения ее можно сравнить с лучшими произведениями мировой скульптуры. Среди бронзовых барельефов, терракотовых статуэток и каменных фигур, найденных в стране Йорубов, имеются произведения, совершенные по технике исполнения и качеству отливки, не уступающие бронзовому художественному литью египетских и европейских мастеров. Они датируются X-XIII вв. Особенно славились работы мастеров города Ифе (Ifé), который до настоящего времени у народа Йоруба считается священным. Ифское бронзовое литье, как это было недавно установлено, наиболее древнее. Еще в IX-X вв. правители Бенина приглашали к себе ифских мастеров, создавших подлинные шедевры, по которым учились бенуэские мастера. (В Бенине были найдены замечательные бронзовые изображения местных царей и европейских мореплавателей).

Точное время возникновения древних государственных объединений Йорубов неизвестно. Предполагают, что они возникли до начала европейской работорговли. Рабство в этих государствах было широко распространено и, по всей вероятности, государства Йорубов были первыми поставщиками рабов.

Внутреннее устройство йорубских государств стало известно только в XIX в. В стране йорубов в XIX в. существовало несколько крупных государственных объединений; наиболее могущественными

из них были — Ойо, Ифе и Эгба. Правители, стоявшие во главе этих государств, носили различные титулы. Глава государства Ойо назывался алафин. Он славился своим могуществом и считался старшим над всеми другими царями Йорубов. Власть алафина ограничивалась советом из представителей знатных семей. Интересной особенностью системы управления городов было участие женщин в управлении; женщине, являвшейся представительницей городской власти, подчинялись все женщины города.

С начала XIX в. в северных районах страны Йорубов большая часть населения начала исповедовать ислам, но на юге и западе, несмотря на насаждение христианства европейскими колонизаторами, сохранилась древняя Йорубская религия, основанная на тотемизме и культе предков. Мифические предки Йорубов назывались «орише». По преданиям, орише было 401; они, согласно верованиям Йорубов, спустились с небес на землю и превратились в камни, которым и поклонялись народы Йоруба.

Начало колонизации англичанами побережья Гвинейского залива относится к середине прошлого столетия. В конце XIX в. Великобритания завершила захват территорий, населенных народами Йоруба, ибо, хауса, фульбе и др., и создала на них свою колонию, которая с 1914 г. стала называться «Колония и протекторат Нигерия». Огнем и мечом, варварской эксплуатацией и грабежом утвердили колонизаторы, провозгласившие себя носителями европейской цивилизации, британское господство в Нигерии. Колонизация внесла большие изменения в жизнь народов Нигерии. Возникла резкая классовая дифференциация — появились богатые плантаторы, местная буржуазия и сельскохозяйственный пролетариат. Широкие массы населения попали под тройную эксплуатацию — колониальных властей, новой местной буржуазии и представителей прежней феодальной верхушки.

Вековое господство английских колонизаторов превратило Нигерию в одно из самых отсталых государств мира с очень низким процентом грамотности и низким уровнем жизни населения.

1 октября 1960 г. Нигерия получила независимость, выйдя из системы Британского Содружества Наций и начав свое существование как суверенное государство — Федерация Нигерии⁴.

В апреле 1961 г. были установлены дипломатические отношения между Нигерией и Советским Союзом.

В настоящее время Нигерия по территории больше Франции и Великобритании вместе взятых, а по населению — самая многочисленная страна в Африке (более 35 млн. человек).

Основными группами племен Нигерии являются йоруба (запад и юго-запад), ибо (восток) и хауса (север) и, соответственно, тремя главенствующими языками страны — йоруба, ибо и хауса, причем на языке йоруба говорит около 32% населения, на языке ибо — около 28% и на языке хауса — около 40%⁵.

Кроме йоруба, ибо и хауса, в северных и восточных районах Нигерии живут фульбе, говорящие на языке фульфульде, и канури, говорящие на языке канури.

Различия между племенными группировками прослеживаются как в области экономики, культуры, обычаев и нравов, так и в языковом отношении.

Язык йоруба и его диалекты

Язык йоруба распространен главным образом в Нигерии (западные и юго-западные районы страны). Кроме того, на языке йоруба говорит население центральных и западных областей Да-

⁴ Республика Того и Дагомейская Республика, в состав населения которых входят народы йоруба, также получили независимость: Того — 27 апреля 1960 г.; Дагомея — 1 августа 1960 г.

⁵ Сведения взяты из сообщения представителя Нигерии С. Галладанси (г. Кано, Провинциальный департамент просвещения) на международном семинаре по вопросу о двуязычии в образовании, проходившем в г. Абериствите (Великобритания) в августе 1960 г.

гомейской Республики и восточных районов среднего Того. Есть отдельные поселения йорубов в Гане и Камеруне.

Согласно материалам переписи населения 1952–1953 гг., на языке йоруба в Нигерии говорило 6 млн. человек, в Дагомее и Того — более 200 тыс. человек. По последним приблизительным данным, на языке йоруба говорит 32% населения Нигерии, что составляет более 11 млн. человек.

На языке, очень близком языку йоруба, говорят также представители одной из небольших народностей Кубы. Этот язык, как и народ, говорящий на нем, называется лукуми. Имеется ряд данных, свидетельствующих о том, что лукуми являются потомками завезенных на Кубу рабов из Западной Африки, в частности из Нигерии⁶.

Язык йоруба распадается на ряд диалектов (основных диалектов — 8). Различия между ними в основном фонетические. Деление на диалекты приблизительно соответствует племенному делению, а в Нигерии — в какой-то степени современному делению на провинции. Важнейшие диалекты:

ойо (или собственно йоруба) — центральная провинция Нигерии Ойо с крупным административным центром Ибаданом, насчитывающим 500 тыс. жителей;

ифе (или ифе-илеша) — восточная часть провинции Ойо;

иджебу — провинция Иджебу; здесь расположен второй по величине и численности населения город и столица Нигерии — Лагос (364 тыс. жителей);

эгба — провинция Абеокута (к западу от Иджебу), в центре которой находится крупный город Абеокута;

экити и ондо — к востоку от области распространения диалектов ифе и иджебу;

⁶ См. D.L. Olmsted, *Comparative notes on Yoruba and Lucumi*, «Language», 1953, vol. 29, N 2.

и гага — провинция Кибба, на крайнем востоке Нигерии (этот диалект граничит с языком эдо);

наго и анаго — юго-восточные, северо-восточные и центральные районы Дагомейской Республики, прилегающие к ней центральные области Того (район г. Атакламе и его окрестности) и пограничные с Дагомейской Республикой западные области Нигерии;

игбона, йагба, буну и аворо — северо-восточные районы Нигерии.

Более мелкие диалекты и говоры — ове, акоко, йагба, гбедде и другие мало изучены или совсем не изучены.

Язык йоруба с давних пор применялся в среде торговцев, что способствовало его быстрому распространению и проникновению не только в отдаленные районы современной Нигерии, Дагомеи и Того, но и в другие смежные территории.

В настоящее время йоруба, ибо и хауса признаются тремя официальными языками Нигерии.

Английский язык в Нигерии продолжает оставаться языком государственного аппарата. Фактически он является достоянием только узкой прослойки населения — местной интеллигенции (в особенности тех представителей ее зажиточных слоев, которые получили образование за границей). На английском языке говорит не более 10% населения; основная же масса населения Нигерии, где в целом общий процент грамотности очень низок, не только не знает английского языка, но не может читать и писать и на своем родном языке.

В настоящий момент перед молодым независимым государством среди других насущных вопросов политического и экономического развития возник вопрос о том, какой язык может в дальнейшем стать государственным языком страны и языком межнационального общения.

В стране, где насчитывается до 250 различных этнических групп, решение этой проблемы чрезвычайно сложно. Среди местной интеллигенции есть представители явно проанглийских настро-

ний, которые стараются доказать необходимость оставить английский язык в качестве государственного языка и обязательного языка в средних и высших школах. Их противники из среды молодой национальной буржуазии ратуют за то, чтобы государственным языком был один из трех крупнейших национальных языков страны, причем, поскольку на хауса говорит большее количество населения, предпочтение отдается ему. Как будет разрешена эта проблема — сказать трудно. Это зависит от решения ряда общих политических и экономических проблем. В настоящее время в пределах западной и юго-западной Нигерии на языке йоруба выпускаются журналы и газеты и ведется радиовещание. Йоруба вводится в преподавание в начальных и средних учебных заведениях, этот язык также введен в новом Нигерийском университете в г.Изука. В Нигерии среди местной интеллигенции немало йорубов — деятелей культуры и политических деятелей страны.

На языке йоруба имеется оригинальная литература фольклорного, религиозного, общеобразовательного, этнографического и исторического характера.

Краткие сведения по истории изучения языка йоруба

Изучение языков Центральной и Южной Нигерии представляет исключительную важность, во-первых, потому что на этих языках говорит многомиллионное население, и, во-вторых, потому что культура таких древних народов, как йоруба и ибобо, сыграла большую роль в истории народов Западной Африки. Имеющаяся за рубежом литература по этому языку скудна и рассчитана, как правило, на узко практическое применение. Теоретические исследования единичны и носят фрагментарный характер, поскольку они посвящаются отдельным частным вопросам. Предлагаемый очерк — первое описание языка йоруба на русском языке.

Первым исследователем языка йоруба был священник из Сьерра-Леоне, миссионер Самуэль Аджаджи Краусер. В 1843 г.

он опубликовал англо-йорубский и йоруба-английский словарь, а в 1852 г. — грамматику языка йоруба⁷.

Приблизительно в эти же годы была издана грамматика языка йоруба американского миссионера Бауэна⁸.

Обе работы имеют много общего в толковании грамматических особенностей языка.

Словарь и грамматика Краусера явились первой попыткой дать описание языка йоруба и создать письменность йоруба на основе латинского алфавита.

Работа Бауэна содержит географическое и историческое описание страны йорубов, этнографические сведения об этом народе и описание их религии, обычаев и нравов. В языковой части имеется краткое описание звуков и тонов и дается общая характеристика частей речи. В качестве текстуального материала приводится отрывок из Библии («Изгнание блудного сына» — перевод с английского на йоруба) и ряд пословиц и поговорок на йоруба. К текстам дается словарь, содержащий около 3 тыс. слов и составленный, как и сама грамматика, на основе работ Краусера.

В 1894 г. вышла книга Эллиса⁹ о народах западноафриканского побережья, говорящих на языке йоруба, в которой собран большой материал исторического и этнографического характера. Языковой

⁷ S.A. Crowther, *Vocabulary of the Yoruba language*, pt I. *English and Yoruba*; pt II. *Yoruba and English*, London, 1843; S.A. Crowther, *A grammar of the Yoruba language*, London, 1852.

⁸ T.J. Bowen, *A grammar and dictionary of the Yoruba language with and introductory description of the country and people*, Washington, 1858.

⁹ A.B. Ellis, *The Yoruba speaking peoples of the Slave coast of West Africa*, London, 1894.

раздел в ней, однако, очень невелик по сравнению с общим объемом книги. Автор приводит вкратце самые общие сведения о языке йоруба, даже не упоминая о наличии в нем тонов.

В 1913 г. в Лондоне вышел «Словарь языка йоруба»¹⁰, составленный на основе первого словаря Краусера, но значительно переработанный и дополненный. Впоследствии он неоднократно переиздавался (пятое издание вышло в 1957 г.). В эти же годы появляется «Грамматика йоруба», написанная двумя авторами — Гейе и Бикрофтом¹¹. Грамматика носит чисто практический характер — после самых кратких сведений об алфавите йоруба и о тонах дается общая характеристика частей речи. В книге имеются упражнения, тексты и краткий словарь к ним. В описании частей речи и их характеристике чувствуется влияние английского языка, причем в теоретической части много неточностей, ошибочных и противоречивых положений (например, выделяются не свойственные языку йоруба артикли, хотя текстуальный материал не подтверждает этого). Однако несмотря на недостатки, книга содержит много ценного, в частности большой языковой материал в упражнениях и текстах. Поскольку эта грамматика до настоящего времени фактически остается единственным учебником по языку йоруба, она неоднократно переиздавалась, без каких-либо изменений и дополнений.

Небольшая работа Акинтана¹² «Современная грамматика языка йоруба» составлена также с чисто практической целью. В ней дано большое количество различных упражнений по грамматике и ряд грамматических правил практического характера.

Из остальных работ, связанных с изучением языка йоруба, наибольший интерес представляют: пособие типа разговорника,

¹⁰ «A dictionary of the Yoruba language», ed. 5, London, 1957.

¹¹ J. A. de Gaye and W. S. Beecroft, *Yoruba Grammar*, London, 1951.

¹² E. A. Akintan, *Modern grammar of Yoruba language*, Lagos, 1949.

составленное в форме вопросов и ответов¹³, сборник упражнений по языку Йоруба¹⁴ и «Введение в изучение языка Йоруба» Иды Ворд¹⁵. Работа Иды Ворд задумана как фонетико-грамматический очерк, причем основное внимание уделено вопросу о тонах и тональной характеристике частей речи. Однако смерть помешала автору закончить это очерк. После некоторой доработки и исправлений, сделанных английским специалистом по западноафриканским языкам Е.Роуландзом, книга была опубликована, хотя в целом сохранила фрагментарный характер. Наиболее ценное в работе — анализ тонов в основных частях речи, а также большой оригинальный языковой материал, собранный Идой Ворд во время ее поездки в Нигерию и в процессе работы с нигерийскими студентами в Лондонском университете.

Кроме упомянутых работ, следует назвать недавно вышедший англо-йорубский словарь, составленный Р.Абрахамом¹⁶. В этом словаре впервые применяется предложенная автором новая система обозначения тонов, которая наиболее полно и подробно отражает различные типы тонов, имеющихся в языке Йоруба.

Из статей, посвященных изучению тех или иных частных проблем языка Йоруба, необходимо указать появившиеся в последние годы статьи Б.Смертсеми о фонемном составе, тональности и

¹³ E.L. Işẹbikan, *Learning Yoruba*, Lagos, 1949.

¹⁴ E.L. Işẹbikan and L.I. Lewis, *A Yoruba revision course*, London, 1949.

¹⁵ Ida Ward, *An introduction to the Yoruba language*, Cambridge, 1952.

¹⁶ R.C. Abraham, *Dictionary of modern Yoruba language*, London, 1958.

ударении¹⁷. Интересны также сообщения Е.Роуландза о характере среднего тона в йоруба и о контракции слов при соединении их в словосочетания¹⁸.

ФОНЕТИКА

Характеристика гласных и согласных звуков

Исходя из общепринятых в фонетике принципов классификации гласных, мы выделяем в языке йоруба передние, средние и задние гласные (в зависимости от того, какая часть языка действует при их образовании) и открытые и закрытые гласные (в зависимости от степени подъема языка), а именно — семь чистых гласных: *i, e, ɛ, a, ɔ, o, u*; из них три гласных переднего ряда — *i, e, ɛ*, один гласный среднего ряда — *a* и три гласных заднего ряда — *ɔ, o, u*.

Гласный *i* характеризуется очень сильным поднятием передней части спинки языка к небу: это нелабиализованный, предельно узкий гласный, более закрытый, чем русский «*и*».

¹⁷ B. Siertsema, *Some notes on Yoruba phonetics and spelling*, - BIFAN, 1958, N 3-4; *Stress and tone in Yoruba word composition*, - «Lingua», vol. VIII, 1959, N 4; *Problems of phonetic interpretation. Nasalized sounds in Yoruba*, - «Lingua», vol. VII, 1958, N 1; *Problems of phonetic interpretation. Long vowels in a tone language*, - «Lingua», vol. VIII, 1959, N 1.

¹⁸ E. S. Rowlands, *The mid tone in Yoruba*, - «Afrikanistische Studien. Herausgegeben von J. Lukas», 1955; *Types of word junction in Yoruba*, - BSOAS, vol. XV, 1954, pt 2.

Гласные ϵ и e различаются по степени подъема: e является более закрытым звуком по сравнению с ϵ , хотя оба они — гласные среднего подъема (e — наиболее узкая разновидность гласного среднего подъема; ϵ — наиболее широкая разновидность гласного среднего подъема); e — уже русского «э», ϵ — шире русского «э».

a — нелабиализованный открытый гласный среднего ряда нижнего подъема (очень близкий русскому «а»).

u — закрытый гласный заднего ряда верхнего подъема, сильно лабиализованный (более закрытый, чем русский «у»).

Гласные o и φ различаются между собой, как и гласные e и ϵ , по степени открытости. Гласный φ — более открытый задний звук по сравнению с более закрытым o ; гласный φ — заднего ряда нижнего подъема, лабиализованный; гласный o — заднего ряда верхнего подъема, сильно лабиализованный (φ — значительно более открытый по сравнению с русским «о»; o — более закрытый гласный, чем русский «о»).

Помимо чистых гласных, в йоруба имеются носовые гласные — $\tilde{i}$, $\tilde{a}$, $\tilde{\epsilon}$, $\tilde{\varphi}$, $\tilde{u}$, которые являются не позиционными вариантами чистых гласных, а самостоятельными фонемами, играющими смысло-различительную роль¹.

Носовые гласные отличаются от чистых не только наличием назализации, т.е. особого носового тембра, но и принципиально новым качеством — они являются более открытыми, широкими

¹ Поскольку тильда $\sim$, посредством которой в фонетике принято обозначать носовые гласные, служит в языке йоруба для обозначения скользящих тонов (см. далее «О графическом изображении тонов»), носовые гласные в йоруба стали обозначаться диграфом — соответствующей буквой, передающей гласный, + n (например, *fin* 'дуть').

гласными по сравнению с соответствующими чистыми гласными, а некоторые из них — более передними звуками².

Согласные йоруба по способу образования преграды разделяются на две большие группы — смычные и шелевые, внутри которых в зависимости от конкретного характера размыкания преграды или образования щели, выделяются взрывные согласные, аффрикаты, шелевые-шумные и, соответственно, смычные и шелевые сонанты.

По активному органу выделяются губные, губно-зубные, язычные, фарингальные, а также очень своеобразные двухфокусные согласные — губно-задвезычные.

По работе голосовых связок согласные делятся на звонкие и глухие.

В зависимости от положения мягкого нёба выделяются ротовые и носовые согласные. Всего согласных звуков в языке йоруба — 19 (см. табл.).

При произнесении взрывных *t*, *d* передняя часть языка поднимается до полного соприкосновения с внутренней поверхностью зубов и их десен; самый кончик языка может быть слегка опущен (дорсальная артикуляция). При произнесении *k*, *g* действуют зад-

² По этой причине в йоруба отсутствует носовой гласный (*an*), так как в результате расширения и продвижения вперёд открытого *q* при получении им носового тембра эти два звука сливаются в один и качественно в живой речи не различаются. Приобретению новой качественной характеристики носовыми гласными послужило основанием для предположения, что в языке йоруба возможно выделить всего четыре или даже три носовые гласные фонемы (см. статью: B. Siertsema, *Problems of phonetic interpretation. Nasalized sounds in Yoruba*, - «Lingua», vol. VIII, 1958, N 1). Эта точка зрения требует проверки посредством экспериментального исследования.

Таблица классификации согласных

По активному органу По способу образования				Губные		Язычные				Губно-задние-язычные	Фарингальные	
				губно-губные	губно-зубные	Переднеязычные			Средне-язычные			Задне-язычные
						дор-саль-ные	апи-ка-льные	каку-ми-наль-ные				
Смычные	Шум-ные	Взрывные	b		t, d				k, g	k ^h , g ^h		
		Аффриката				dʒ						
		Носовые сонанты	m		n				ŋ			
Щеле-вые	Шум-ные	Одно-фоку-сные	С плоской щелью	f							h	
		С круглой щелью			s							
		Двух-фоку-сные	С плоской щелью				ʃ					
	Сонан-ты	Срединные	w				r	j				
		Боковой					l					

няя часть спинки языка, которая поднимается и смыкается с поднятым мягким нёбом, образуя полную преграду.

При образовании взрывного *b* плотно смыкаются чуть растянутые и напряженные губы. Глухой взрывной губно-губной согласный в йоруба отсутствует.

При образовании взрывных *kp*, *gb* действуют два активных органа (язык и губы) и, соответственно, в полости рта преграда образуется в двух местах — плотно сжимаются губы и задняя часть спинки языка смыкается с мягким нёбом. Под давлением струи воздуха из легких обе преграды мгновенно размыкаются, при этом размыкание губ сопровождается легким характерным призвуком, получающимся в результате небольшого всасывающего движения губ («всасывающее размыкание»); размыкание задней преграды происходит в тот момент, когда осуществляется всасывание при произнесении *p*, *b*, поэтому отдельного взрыва при произнесении *k*, *g* не слышно.

Согласный *dʒ* представляет собой смычный, шумный, переднеязычный, звонкий звук, при произнесении которого размыкание преграды, образованной концом языка, прижатым к альвеолам, происходит не моментально, как при *t*, *d*, а постепенно: полная преграда, размыкаясь, переходит в щель, образуя таким образом второй шумообразующий фокус. Соответствующая глухая аффриката в йоруба отсутствует.

Согласный *f* — щелевой губно-зубной однофокусный глухой согласный с плоской щелью. Звонкого губно-зубного щелевого согласного в йоруба нет.

Согласные *s* и *ʃ* близки по произношению соответствующим русским согласным «с» и «ш»; *s* — переднеязычный щелевой шумный однофокусный глухой согласный с круглой щелью; *ʃ* — переднеязычный щелевой двухфокусный глухой согласный.

Оба этих согласных также не имеют своих соответствующих звонких переднеязычных.

Щелевой *h* резко отличается от русского «х»; он образуется не в ротовой полости, а в гортани: воздушная струя с легким трением проходит через сближенные, но не напряженные голосовые связки.

Сонанты языка йоруба в зависимости от характера преграды подразделяются на смычные и щелевые.

Смычные сонанты являются носовыми — при их произнесении мягкое нёбо опущено, воздушная струя проходит через нос; *m* — губно-губной смычный носовой сонант, *n* — переднеязычный дорсальный смычный носовой сонант, *ɲ* — заднеязычный смычный носовой сонант.

Щелевые сонанты представлены боковым *l* — воздух проходит по боковым краям языка, кончик языка прижимается к альвеолам; срединным *w* — губно-губным, щелевым сонантом со вторым задним фокусом и *j* — среднеязычным, щелевым сонантом, напоминающим русское «й», и сонантом *r*, произношение и артикуляция которого варьирует — в одних диалектах йоруба преобладает дрожащий сонант, сходный с вариантом русского «р» в интервокальном положении, в других диалектах встречается срединный сонант, напоминающий английский щелевой *r*. По утверждению Иды Ворд, для литературного произношения характерны оба варианта *r*. В произношении информатора, с которым работал автор очерка, был зафиксирован срединный какуминальный сонант *r*.

Таким образом, артикуляционная база языка йоруба в сравнении с артикуляционной базой русского языка характеризуется следующими чертами:

1. При произнесении звуков йоруба мышцы языка и губ более напряжены, чем при произнесении русских звуков; степень округления губ и выдвижения их вперед также значительно большая.
2. Для гласных йоруба характерно отсутствие противопоставления гласных звуков по долготе и краткости и наличие акустической равномерности гласных. В этом отношении гласные йоруба сходны с русскими гласными. В нормальных условиях гласные

Йоруба обладают относительной длительностью и их качество не меняется в процессе произношения.

3. Для языка йоруба характерно наличие носовых гласных.

4. Согласные йоруба характеризуются отсутствием попарного распределения твердых и мягких согласных звуков, тогда как фонематическое противопоставление твердых и мягких согласных — отличительная черта русского консонантизма.

5. Специфическая особенность языка йоруба — наличие согласных особой двойной артикуляции, при произнесении которых действуют два активных органа (язык и губы), образуя уклад, совершенно не свойственный русскому языку.

Слог и слоговоеделение

Слог языка йоруба может состоять из одного или двух звуков.

Если слог состоит из одного звука, то этим звуком в подавляющем большинстве бывает гласный, например: *adé* 'корона' (слово состоит из двух слогов — *a-dé*, первый из которых образован одним гласным звуком). Согласные (смычные или щелевые) самостоятельно никогда не образуют слогов. Некоторые сонанты в положении перед согласными могут быть слогообразующими — это носовой губно-губной *m*, носовой переднеязычный *n* и носовой заднеязычный *ɲ*. Способность носовых сонантов самостоятельно образовывать слог объясняется более высокой степенью их сонорности и тем, что они могут иметь в слове свой собственный музыкальный тон, например: *nɔɔn mbɔ* 'они возвращаются'; *nɔɔn ɲsɛn* 'они спят'; *nwɔn hɛd mi ɲibi* 'они встречают меня здесь'.

Во всех трех примерах носовые сонанты *m*, *n* и *ɲ* образуя первый слог, произносятся на высоком тоне голоса в отличие от следующих за ними вторых слогов, которые произносятся на низком тоне голоса.

Если слог состоит из двух звуков, то он представляет собой сочетание согласного и гласного. Слог никогда не может оканчиваться на согласный звук, а в слове два согласных звука никог-

да не могут следовать один за другим (за исключением сочетаний сонанта с согласными). Например, слово *ко́ко* 'какао' состоит из двух слогов *ко - ко*; слоговая граница проходит после гласного о первого слога.

Два гласных звука, стоящие рядом, не образуют одного слога, они представляют собой два равноценных слога. В слоге, состоящем из согласного и гласного, слогообразующим, естественно, является гласный звук как обладающий наибольшей сонорностью. Каждый слог характеризуется определенным нарастанием и спадом громкости.

Таким образом, слоги языка йоруба в большинстве случаев открытые (кроме слогов, образованных носовыми сонантами).

Односложные и двусложные слова преимущественно составляют основной словарный фонд языка йоруба и значительную часть его словарного состава. Трех- и четырехсложные слова менее многочисленны. Пяти- и шестисложные слова встречаются еще реже.

Слоги произносятся не только с различной силой голоса, но и на разной высоте или с разным тоном. Отсюда следует, что привычное для русского слуха выделение слогов в слове отсутствует в языке йоруба, для которого типично не экспираторное, а тоновое, или музыкальное, ударение. Каждому слогу здесь присуща своя мелодика, которую принято называть тоном или тональностью.

Система тонов

В каждом языке имеется свой ритмико-мелодический рисунок, который так же важен для характеристики данного языка, как и его звуковой состав.

В языках гвинейской группы (йоруба, ибо, эве, эдо, эфик, акан, нупе и др.) значение слов или их форм может зависеть от высоты тона голоса, с которым произносятся данное слово или

слоги, составляющие его. Для этих языков характерно тоновое (музыкальное, или мелодическое) ударение, которое достигается не столько за счет большей или меньшей силы голоса, сколько за счет движения голосового тона (высокого, низкого, восходящего, нисходящего, комбинированного) на фоне нейтрального (среднего) тона в остальных слогах. Хотя сила звука, его качество и количество могут изменяться в потоке связной речи, эти изменения являются не определяющими, а лишь сопутствующими признаками основной характеристики звуков — изменения высоты их тона.

Слова характеризуются своей мелодией, слог — своим музыкальным тоном, поэтому в живой речи слышится постоянные повышения и понижения голоса. Музыкальность, богатство и разнообразие мелодики африканских тональных языков неоднократно подчеркивались многими лингвистами, которые отмечали в этих языках легкость стихосложения и переложения стихов и прозы на музыку.

Для языков гвинейской группы наличие тонов имеет исключительно большое значение, хотя бы потому, что основная масса исконных слов этих языков представляет собой односложные или двусложные корневые слова. Число таких коротких слов, естественно, не может быть большим уже потому, что количество звуков, из которых складываются корневые слова, не безгранично. Наличие же тонов, во-первых, увеличивает возможности языковых образований, во-вторых, устраняет опасность смешения слов различного значения, полностью совпадающих по своей звуковой оболочке и различающихся только тональностью. Кроме того, в силу полного отсутствия морфологических средств выражения отношений между словами или очень ограниченного их применения в этих языках тоны могут выполнять в предложении грамматическую роль, выражая синтаксические отношения между словами. Следовательно, в тональных языках высота голоса, с которой произносится слог или слово, используется как средство передачи лексического или грамматического значения. Изменение тона может привести к

изменению лексического значения слова и в определенных условиях его грамматической категории, а иногда лишить слово вообще всякого смысла. Внутри слога основным носителем тона в большинстве случаев является гласный (реже — сонант). Примеры:

язык йоруба: *aba* (— —) 'часть', 'кусок', *aba* (— —) 'склад', 'хранилище', *aba* (— —) 'предложение', 'положение', *aba* (— —) 'порода дерева'; *idi* (— —) 'орел', *idi* (— —) 'почка'; *idi* (— —) 'основа', 'корень';

язык ибо:³ *akwa* (— —) 'крик', *akwa* (— —) 'яйцо', *akwa* (— —) 'покрывало', 'скатерть', *akwa* (— —) 'мост'; *onezu* (— — —) 'он крадет', *onezu* (— — —) 'он крадет?', *onezu* (— — —) 'он не крадет';

язык эве: *havi* (— —) 'поросенок', *havi* (— —) 'друг'; *tso* (—) 'брать'; *tu* (—) 'оружие', *tso tu* (— —) 'возьми оружие';

язык тви: *wafa* (— —) 'он взял'; *mawafa* (— — —) 'пусть он возьмет'.

Количество тонов в африканских тональных языках различно. Оно колеблется от трех до девяти и более тонов; наиболее типично наличие пяти тонов, из которых три (низкий, средний и высокий) — основные.

Характер тонов и принципы их сочетаемости в словах также различны. По характеру, т.е. по типу движения глоса или по направлению высоты голоса, тоны могут быть равными (статическими, или однородными), сохраняющими один уровень высоты голоса, и скользящими, уровень высоты голоса которых меняется.

³ Примеры из языков ибо, эве и тви заимствованы из книг: D. Westermann and Ida Ward, *Practical phonetics for students of African languages*, London—New York—Toronto, 3-ed, 1957, p. 135-137; Ida Ward, *An introduction to the Ibo language*, Cambridge, 1952, p. 18; D. Westermann, *Grammatik der Ewe-Sprache*, S. 32.

В языке йоруба каждое слово имеет свой мелодический рисунок. Например слово *Yorùbá* состоит из трех слогов, первый из которых произносится на среднем, второй на низком и третий на высоком тоне⁴.

В языке йоруба используются как статические, так и скользящие тоны.

Вопрос о качестве и количестве тонов в йоруба является спорным. Наибольшие разногласия вызвал вопрос о характере и природе скользящих тонов. Д.Олмстед⁵, например, устанавливает три статических тона, называя их ровными контурами («level contours») и шесть скользящих тонов — меняющихся контуров («changing contours»). Среди скользящих тонов он различает три восходящих (от низкого к высокому уровню, от среднего к высокому и от уровня ниже среднего к уровню несколько выше среднего) и три нисходящих (аналогично, но в обратном направлении).

В другой работе⁶ выделяется также девять тонов, но иного характера — кроме трех основных (низкого, высокого и среднего), выделяются второй средний тон (несколько ниже среднего уровня) и пять различных скользящих тонов (высоко-низкий, высоко-средний и т.д.). Л.Джеймс⁷ различает четыре тона (высокий,

⁴ По предложению Б.Сиертсемы, высокий тон произносится с наибольшей силой выдоха. (см. B. Siertsema, *Stress and tone in Yoruba word composition*, - «Linguæ», vol. VIII, 1959, N 4.

⁵ D. Olmsted, *The phonemes of Yoruba*, - «Word», vol. 7, 1951, N 3.

⁶ H.G. Melzian, *Beobachtungen über die Verwendung der Töne in der Yoruba Sprache*, - MSOS, 1934.

⁷ L. James, *The tones of Yoruba*, - BSOS, t. 3, N 1.

средний, низкий и составной). Ида Ворд⁸ устанавливает три типа тонов в йоруба: ровные, или однородные, тоны («level tones»), скользящие тоны («glides») и так называемые «двойные скользящие тоны» («double glides»); внутри каждой группы различается несколько частных тональных подтипов. Р. Абрахам⁹ в предисловии к словарю языка йоруба, помимо трех статических тонов и нескольких скользящих, выделяет еще четвертый статический тон, который он называет «привлеченным», «вызванным магнитом» («magnetised»), считая, что этот тон по высоте находится где-то между средним и низким; в отличие от трех постоянных статических тонов он не существует независимо, а только появляется позиционно в определенном тональном окружении, а именно, когда два знаменательных слова следуют одно за другим и являются среднетональными.

В настоящее время на основании начатого нами экспериментального исследования мы можем утверждать, что в языке йоруба отчетливо выделяются три статических тона, уровень которых сохраняется неизменным в пределах данного слога, а именно: высокий тон (характеризуется ровной, однородной мелодией, произносимой на высоком уровне), низкий тон (ровная мелодия на низком уровне голоса) и средний тон (ровная мелодия на среднем, нейтральном уровне голоса).

При этом необходимо учитывать, что высота тонов в йоруба, как и в любом другом тональном языке, не абсолютная, как в музыке или пении, где высота данной ноты всегда остается одной и той же, независимо от того, на каком инструменте или каким голосом она воспроизводится (эта высота обуславливается определенным числом звуковых колебаний в единицу времени). В тональном языке высота тонов относительная, так как исходным

⁸ I. Ward, *An introduction to the Yoruba language*.

⁹ R.C. Abraham, *Dictionary of modern Yoruba*, London, 1958.

моментом служит не действительная высота тона каждого слога в отдельности, а отношение высоты тона одного слога к высоте тона другого слога¹⁰.

Три статических тона составляют основу тональной структуры языка йоруба, они присущи огромному большинству слов и являются такой же неотъемлемой частью слов, как сами звуки, составляющие слова¹¹.

Кроме трех основных однородных тонов, как уже указывалось, в йоруба используются различные по характеру скользящие тоны. Их характер определяется не только по направлению скольжения голоса, но и по интервалу между началом и концом скольжения. По направлению скольжения голоса скользящие тоны, используемые в йоруба, подразделяются на восходящие (характеризуются скольжением голоса от низкого к высокому уровню) и нисходящие (характеризуются обратным скольжением голоса от высокого к низкому уровню).

При восходящем тоне наиболее часто встречающимся интервалом является подъем от низкого к высокому уровню; встречаются также низко-средние и средне-высокие тоны.

Из нисходящих скользящих тонов чаще всего встречаются также тоны с полным интервалом, т.е. высоко-низкие скользящие тоны; слова с высоко-средним скользящим тоном и средне-низким встречаются реже.

Помимо этих скользящих тонов, возможен еще один тип скольжения — двойное скольжение с полным интервалом (полное паде-

¹⁰ По данным некоторых экспериментальных исследований, интервал между высоким и средним тоном в йоруба приблизительно равен одному полному музыкальному тону.

¹¹ В этом смысле наиболее точен термин «врожденные» тоны («inherent tones»), данный Идой Ворд («An introduction to the Yoruba language», p. 34).

ние голоса сопровождается вторичным полным падением без прерыва в звучании или, наоборот, за полным подъемом немедленно следует вторичный полный подъем голоса; так образуются высоко-высокий и низко-низкий тон двойного скольжения).

Природа и характер скользящих тонов еще точно не установлены. Пока можно высказать предположение, что статический тон всегда заключен в рамки одного слога (его носителем, как уже указывалось, является один гласный, образующий данный слог). Вопрос о скользящих тонах остается неясным (гласные, которые произносятся со скользящим тоном, явно удлиняются). Это явление дало основание Р.Абрахаму изображать гласные со скользящими тонами диграфом ($\acute{a}\acute{a}$, $\acute{a}\acute{a}$, $\acute{a}\acute{a}$ и др.)¹².

О происхождении скользящих тонов

Предполагается, что причинами появления скользящих тонов в Йоруба могли быть или чисто фонетические (комбинаторные) условия, или исторические изменения, происходившие в словах в ходе развития языка, или то и другое вместе. К причинам исторического характера можно отнести очень распространенное, действующее и в настоящее время, своеобразное явление контракции, или сокращения слов. Это явление могло иметь место как в простых словах (которые исторически могли быть сложными и подверглись в результате такого сокращения своеобразному «упрощению»), так и при словосложении и при сочетании слов в предложении. Оно заключается в выпадении из слов целых слогов или отдельных гласных и согласных звуков. Иногда контракция сопровождалась явлениями ассимилятивного характера. Оставшиеся гласные уподоблялись гласным, стоящим за или перед выпавшим слогом. При таком выпадении присущие выпавшим слогам статические тоны обычно сохранялись и соединялись с тонами предшествующих или последующих слогов, образуя сложные скользя-

¹² R.C. Abraham, *Dictionary of modern Yoruba*.

шие тоны. Аналогичное явление мы наблюдаем в языках эве, тви, эфик, га. На это указывали Д. Вестерман, Ида Ворд и другие лингвисты¹³.

Подтверждением этого предположения могут служить примеры из современного языка йоруба: *òíq'* 'правда' является сокращенной формой от *òííq'*. Эта форма иногда употребляется наряду с сокращенной. Слог *í* выпал, но его тон сохранился и соединился с тоном предшествующего гласного (о). Таким образом, в слове образовался низко-высокий скользящий тон (*oíq' / òóíq'*). Аналогичным путем образовались краткие формы слов: *òtú* из *òtútú* 'холод', *òré* из *òréré* 'просека', 'тропика', *túku* из *túnkú* 'дикий кабан' и др. В слове *òtú* у гласного образовался средне-высокий скользящий тон из первоначального среднего тона этого гласного и высокого тона выпавшего слога *tú* (*òótú*). В слове *òré* образовался низко-высокий скользящий тон из сложения низкого тона гласного и высокого тона выпавшего слога *ré* (*òóré*). В слове *túku* образовался высоко-низкий скользящий тон из высокого тона гласного и низкого тона выпавшего слога *kú* (*túúkú*).

Из условий чисто фонетического характера, которые могли быть причиной возникновения скользящих тонов, назовем следующие: влияние ассимилятивного характера тона последующего слога и определенные комбинаторные условия, например наличие некоторых согласных или сонантов, следующих за данным гласным, образующим слог, или стоящих перед ним. Так, глухие взрывные согласные (например, *k* или, в особенности, сложный звук *kp*) требуют большого мускульного усилия; в ротовой полости в результате образования преграды резко меняется резонатор, голосовые связки не работают, и струя воздуха направляется из легких с

¹³ D. Westermann, *Grammatik der Ewe-Sprache*, S. 3-7; D. Westermann and I. Ward, *Practical phonetics for students of African languages*, p. 129-131.

большой силой на разрыв преграды (в особенности двойной). Все это могло вызывать спад в высоте глоса или понижение глоса в конце гласного перед следующим за ним глухим согласным, или, наоборот, в начале гласного после предшествующего ему глухого согласного. Так могли образоваться нисходящие скользкие тоны (в особенности, если последующий слог имел низкий или средний тон).

В то же время наличие звонких, не требующих больших усилий звуков — сонантов (таких, как *m, n, l, r* и иногда *y, w*), могло вызывать подъем в голосовом тоне, т.е. восходящий тон, в особенности, если тон последующего слога был также высоким,

Кроме того, само наличие наибольшего разрыва по высоте между двумя крайними уровнями тона (высоким и низким) вызывало в ряде случаев естественное скольжение глоса, т.е. постепенный переход от одного уровня к другому.

Нередко фоветические и исторические тенденции действовали одновременно (в одном направлении или, напротив, сталкиваясь между собой), что приводило к очень сложным тональным образованиям, происхождение которых возможно объяснить только после специального тщательного исследования.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Первая попытка создать письменность языка йоруба была предпринята английскими миссионерами. В начале 40-х годов прошлого столетия была организована экспедиция в страну йорубов под руководством священника Генри Таунсенда. До этого времени язык йоруба, как и большинство африканских языков, не имел письменности.

Для составления алфавита йоруба решили использовать латинскую графику. К работе были привлечены некоторые крупней-

шие в то время европейские филологи и лингвисты (профессор Кембриджского университета Ли, профессор Берлинского университета Лепсиус, лектор Лондонского университета Норрис). В работе активное участие принимал Самуэль Аджаджи Краусер, который ездил по стране и в результате тесного контакта с местным населением собрал большой лингвистический материал. В 1856 г. был выработан «Стандартный алфавит йоруба»; этот алфавит, впервые примененный в работах Краусера, сохранился почти без изменений до настоящего времени¹⁴. Алфавит был составлен на основе латиницы. Для обозначения некоторых звуков использовались диграфы по образцу английского языка. Впоследствии они были заменены специальными дополнительными графемами (например, вместо изображения шипящего диграфом «sh» была введена буква «ṣ», пишущаяся с точкой или вертикальной черточкой внизу).

Алфавит современного языка йоруба включает 25 знаков¹⁵:

Aa /á/	Bb /bí/	Dd /dí/	Ee /é/	Ẹẹ /ẹ/
Ff /fí/	Gg /gí/	Gb gb /gbí/	Hh /hí/	Ii /í/
Jj /d͡ʒí/	Kk /ká/	Ll /lí/	Mm /mí/	Nn /ní/
Oo /o/	Ọọ /ọ/	Pp /kpí/	Rr /rí/	Ss /sí/
Ṣṣ /ṣí/	Tt /tí/	Uu /ú/	Ww /wí/	Yy /jí/

¹⁴ В 30-е годы XX в. Лондонским институтом африканских языков были разработаны алфавиты для многих западно-африканских языков (первая памятная записка Института была опубликована в 1929 г. — «Memorandum I of the International institute of African languages»). В алфавит йоруба были внесены незначительные изменения.

¹⁵ В квадратных скобках рядом с буквами даются названия букв.

В алфавите используется один диграф «Gb» для передачи звонкого губно-заднеязычного согласного. Глухой губно-заднеязычный *k*р передается обычным символом «p», поскольку губно-губной глухой взрывной *p* в йоруба отсутствует. Для открытых *ɛ* и *ɔ*, а также для *ɔ̃* внизу под буквами ставятся или точки или вертикальные черточки («ɛ̣», «ɔ̣», «ɔ̣̣» / «ɛ̣̣», «ɔ̣̣», «ɔ̣̣̣»).

О графическом изображении тонов

Для языков с политональным фонетическим строем большое значение приобретает вопрос о графическом изображении тонов.

В современной орфографии йоруба тоны изображаются при помощи различных надстрочных знаков. Графическое изображение статических тонов не вызывает затруднений: ' обозначает высокий тон, ˘ — низкий тон; отсутствие надстрочного значка над буквой означает, что данный слог произносится в среднем тоне. Подобное обозначение тонов, казалось бы, совершенно необходимо, поскольку в языке йоруба существует большое количество слов разного значения, полностью совпадающих по своему звуковому составу и отличающихся только высотой голоса, на которой они произносятся, например *ɔ́* 'ломать', 'разбивать', *ɔ̀* 'мыть', 'скоблить', *ɔ̃* 'говорить', 'разговаривать' и т.п.

Тем не менее в современной орфографии йоруба графическое изображение тонов не только не обязательно, но, как правило, вообще не производится. В книгах специального назначения (в частности, в школьных учебниках) принято употреблять знаки, изображающие тоны, но лишь в тех случаях, которые, по мнению авторов, могут вызвать сомнение или двусмысленное толкование.

Скользкие тоны в современной орфографии обозначаются диакритическим знаком (тильдой) [~], который ставится над буквой, обозначающей слогаобразующий звук.

Этот знак был введен составителями алфавита йоруба еще в 1856 г. и, несмотря на то что впоследствии неоднократно подчеркивалась необходимость изменить его, он продолжает употребляться и в настоящее время. По меткому выражению Р. Абрахама,

этот символ «...хуже, чем бесполезен» («...worse than useless»)¹⁶, так как, во-первых, под ним подразумеваются все виды скользящих тонов, независимо от их направления и характера интервала; во-вторых, посредством этого диакритического знака в фонетике принято обозначать носовые гласные (этот знак был принят Международной фонетической ассоциацией, а в некоторых языках Западной Африки он был перенесен и в орфографию, например в эве, тви и га). Для того чтобы избежать путаницы, в орфографии йоруба носовые гласные стали обозначаться посредством диграфов (соответствующая буква для обозначения гласного + n). Однако многозначность этого символа в отношении обозначения всех скользящих тонов не была устранена и создает до сих пор значительные трудности при чтении текстов.

Например, без достаточно ясного контекста невозможно установить, какое слово имеется в виду — $\tilde{o}g\tilde{u}n$ 'солнце' или $\tilde{o}g\tilde{u}n$ 'запах'. В первом случае тильда $\tilde{\sim}$ обозначает средне-низкий скользящий тон; во втором случае — низко-высокий скользящий тон. Есть еще третье слово — $\tilde{o}g\tilde{u}n$ 'сон', которое орфографически отличается от первых двух только отсутствием значка низкого тона над вторым слогом, а фактически в нем тильдой обозначен один из тонов двойного скольжения.

Можно привести большое количество аналогичных примеров.

Лinguисты, занимавшиеся изучением языка йоруба, неоднократно пытались вводить новые способы графического изображения тональной системы этого языка, например обозначения тонов в виде цифр 1, 2, 3 и т.д., написанных под буквой (t_1 — высокий тон: y_2 — средний тон и т.п.)¹⁷. Неоднократно изображение тонов пере-

¹⁶ R. C. Abraham, *Dictionary of modern Yoruba*, p. XI.

¹⁷ D. Olmsted, *The phonemes of Yoruba*, - «Word», vol. 7, 1951, N 7.

носилось на пятидневную нотную запись, применяемую в музыке¹⁸. Ида Ворд¹⁹ изображала тоны посредством горизонтальных или наклонных штрихов в скобках рядом со словом: *ogbe* / — /; *pa* / — / 7 и т.д. Однако ввиду сложности изображения эти способы не получили распространения. В «Словаре современного языка йоруба», составленном Р.Абрахамом, помимо общепринятого обозначения статических тонов, аналогичным образом обозначаются и скользящие тоны; тильда совершенно исключена, а звуки, которые произносятся со скользящим тоном, передаются диграфом, например: вместо *áàlṣ* — *ááàlṣ*. Средний уровень в скользящих тонах обозначается горизонтальным значком (*áṛṛṇ > áàṛṇ*).

Мы считаем, что система, предложенная Р.Абрахамом, достаточно проста и могла бы принести несомненную пользу, поскольку она устраняет многозначность символа *~* (тильда и более или менее точно отображает сложный характер скользящих тонов.

В настоящее время эта система не получила должного распространения, и в текстах, которые послужили материалом для данной работы, она не применяется.

ЛЕКСИКА

Краткая характеристика словарного состава

В словарном составе современного языка йоруба можно выделить два неравных лексических слоя: 1) собственно йорубские слова, простые и сложные, которые выражают необходимые конкретные и отвлеченные понятия и составляют основу лексики йоруба;

¹⁸ J. Loyd, *The tones of Yoruba*, - BSOS, t. 3, 1923, N 1.

¹⁹ I. Ward, *An introduction to the Yoruba language*.

2) заимствования из других языков, главным образом из английского, хауса и арабского языка.

К первому, основному, слою лексики относятся все местоимения, большинство знаменательных слов (имен существительных, глаголов, прилагательных и числительных), а также служебные слова. Собственно йорубские знаменательные слова служат базой для образования новых, производных слов.

Для большинства глаголов (в особенности простых) характерна многозначность. Например, односложный глагол *fá* имеет следующие значения: 1) «тащить»; 2) «толкать»; 3) «ползти»; 4) «утихать», «ослаблять»; 5) «уменьшать»; 6) «привлекать», «притягивать», «соблазнять». Глагол *dá* может означать: 1) «лить», «наливать»; 2) «плавить»; 3) «растворять»; 4) «становиться», «превращаться»; 5) «преследовать», «гнать»; 6) «предать», «подрывать доверие». Для имен существительных многозначность характерна в меньшей степени.

В языке йоруба широко распространена омонимия. Имеется значительное количество полных омонимов (слова, полностью совпадающие по звуковой форме и тональности, но различающиеся по семантике, например: *bèrè* 'начинать' и *bèrè* 'наклоняться', *fé* 'любить', 'нравиться' и *fé* 'дуть'). Особенно многочисленны слова, полностью совпадающие по звуковому составу, но имеющие различную тональную характеристику. Например:

gbá, произнесенное с высоким тоном, означает «лаять»; *gbà* — с низким тоном, — «трясти»; *gbó* — со средним тоном, — «выжимать», «выкручивать»; *igbó* — со средним и высоким тоном, — «куст»; *ìgbò* — с двумя низкими тонами, — «столкновение»; *igbo* — с двумя средними тонами, — «длинная веревка» и т.д.

Такие слова можно назвать тональными омонимами.

Большинство слов языка йоруба обладает свободным значением и как следствие этого — широкой сочетаемостью. Только сравнительно небольшая группа слов, обозначающих признак признака (наречия), характеризуется наличием связанных значений и

ограниченной лексической сочетаемостью. Например, наречие *biri-biri* может относиться только к прилагательному *ʒu* 'темный' или к глаголу *ʒu* 'быть темным', 'темнеть'. Это наречие подчеркивает степень темноты — *o ʒu biri-biri* 'стало совсем-совсем темно (очень темно)' и т.д.

Собственно йорубская лексика характеризуется богато развитой системой словообразования. Наиболее типичными способами словообразования являются префиксация и словосложение. Суффиксация для языка йоруба не характерна. Широкое распространение получил также способ редупликации. В словообразовании отдельных частей речи имеются сходные черты (например, некоторые общие типы словосложения), однако продуктивные способы и их специфика проявляются различно, поэтому подробное описание словообразовательных моделей мы даем при характеристике каждой части речи в отдельности.

Среди заимствованной лексики наибольший удельный вес имеют английские слова, которые вошли в язык йоруба в период английского господства.

Так, из английского языка были заимствованы слова, обозначающие новые для йорубов бытовые понятия, различные предметы домашнего обихода и т.п. Примеры:

kɔ̀bù 'чашка' (англ. *cup*), *ʃidí* 'поле' (англ. *field*), *sáàsí* 'ножницы' (англ. *scissors*), *háàà* 'молоток' (англ. *hammer*), *tábílì* 'стол' (англ. *table*), *táwélì* 'полотенце' (англ. *towel*), *táí* 'галстук' (англ. *necktie*), *kíʃínì* 'кухня' (англ. *kitchen*), *gíláàsì* 'зеркало' (англ. *glass* 'стекло'), *kééjì* 'клетка' (англ. *cage*), *bééṣì* 'пари', 'ставка' (англ. *bet*) и т.д.

Из английского языка заимствованы также некоторые прилагательные:

búlúú 'голубой' (англ. *blue*); *ʃírí* 'свободный' (англ. *free*); *gòólú* 'золотой', 'золото' (англ. *gold*); *lílì* 'лилейный', 'белый' (англ. *lily*); *dóṣí* 'грязный' (англ. *dirty*); *lẹ́ṣì* 'ленивый', 'небрежный' (англ. *lazy*).

Английские слова, в особенности общественно-политическая, научно-техническая и общеобразовательная терминология, заимствовавшаяся в течение нескольких последних десятилетий, продолжают заимствоваться и в настоящее время. Примеры:

gómínq̃n 'губернатор' (англ. *governor*); kóólù 'суд' (англ. *lawcourt, court*); báákì 'банк' (англ. *bank*); òffisì 'учреждение' (англ. *office*); rakéṣṣi 'ракета' (англ. *racket*); móto 'автомобиль' (англ. *motorcar*); gádà 'металлический мост' (англ. *girder*); sínimq̃n 'кино' (англ. *cinema*); dókítà 'доктор' (англ. *doctor*); lq̃yà 'адвокат' (англ. *lawyer*); b́ríkì 'кирпич' (англ. *brick*); b́ríkílà 'каменщик' (англ. *bricklayer*); lébírà 'носильщик' (англ. *labourer*); tíṣà 'учитель' (англ. *teacher*); sùkùrù или sùkúù 'школа' (англ. *school*); lṣṣdí 'карандаш' (англ. *lead* 'графит'; *lead pensil* 'карандаш'); (англ. *lead* 'графит'; *lead pensil* 'карандаш'); f́ótq̃ 'фотография', 'фотографировать' (англ. *photograph*) и т.д.

Заимствования из хауса и арабского языков менее многочисленны, они относятся к более раннему периоду. Арабские слова проникли в язык йоруба не непосредственно, а главным образом через язык хауса. Многие из этих слов связаны с распространением мусульманства, некоторые — с названием тех предметов быта и реалий, которые стали известны йорубам в результате контактов с хауса. Примеры:

bàníṣ 'набедренная повязка' (из хауса); lāwàní 'тюбан' (из хауса); iḡbì 'широкие штаны' (предмет женской одежды от араб, *thaub*, вошедшего в язык хауса); ḿp̃ngàjì 'наследник' (хауса *mág̀d̀jì*); yíḡl 'мусульманский праздник' (хауса *idì*, заимствовано из арабского языка); lādānì 'музезин' (слово арабского происхождения вошло в хауса); dúkíà 'собственность' (из хауса); jù-m̀-ḡùḡ 'длинная тыква' (надеваемая женщинами на руки, чтобы предохранить свежую краску хну, которой они красят руки) (хауса *zùḡgùru*); bílḡḡ 'кнут из кожи' (из хауса); rākunm̀ 'верблюд' (хауса *ra kuba*); f́iilà 'лампа' (хауса *f́iilḡ*); iḡdāā или iḡdāwà 'чернила' (два последних слова арабского происхождения) и т.д.

Интересно отметить, что среди заимствованных слов, имеющих отношение к религии, встречаются, с одной стороны, хаусанские и арабские заимствования, связанные с распространением ислама, с другой стороны, — английские заимствования, отражающие процесс насаждения христианства. Примеры:

m̃q̃s̃áálsí 'мечеть' (хауса *másállácfí*; *àdúrà* 'молящийся' (хауса *ad̃a'a*); *l̃ɛ̃p̃ɔ̃ñt̃ɔ̃ñ* 'служитель мечети' (араб.); *k̃ɛ̃f̃ɛ̃r̃i* или *k̃ɛ̃ñf̃ɛ̃r̃i* 'неверующий' (араб.) *ʃ̃q̃q̃ʃ̃i* 'церковь' (англ. *church*); *k̃ɛ̃ñs̃i* 'Христос' (англ. *Christ*); *ángélíí* 'ангел' (англ. *angel*); *Bíbélí* или *Bíbélí* 'Библия' (англ. *Bible*).

Из указанных языков вошли в йоруба несколько устойчивых выражений: *àd̃ò-ñ-kíyá* (или *àd̃q̃-ñ-kíyá*) 'мне все равно' (англ. *I don't care*); *g̃áf̃ar̃á* 'извините меня!' (из хауса); *s̃áb̃á* 'иметь привычку делать что-то' (из хауса); *às̃um̃b̃áá* 'на рассвете' (из хауса).

Наблюдаются случаи, когда параллельно употребляются заимствования из двух языков, обладающие одним и тем же значением, например: араб. *b̃il̃l̃s̃i* 'дьявол', 'сатана' и англ. *s̃at̃áñi* 'сатана'; араб. *id̃áw̃á* 'чернила' и англ. *ỹíñk̃i* 'чернила'.

Иногда наряду с заимствованными словами употребляются слова собственно йорубского происхождения.

Например, в названиях дней недели слова *al̃áñs̃i* 'четверг' и *j̃ít̃ɔ̃ñ* 'пятница' заимствованы через хауса из арабского языка, но параллельно продолжают употребляться и йорубские названия: *q̃j̃q̃k̃at̃íñ ɔ̃s̃ɛ̃* 'четверг' (букв. 'день пятый недели') и *q̃j̃q̃k̃ɛ̃f̃à ɔ̃s̃ɛ̃* 'пятница' (букв. 'день шестой недели'). В значении «четверг» употребляется еще словосочетание *q̃j̃q̃q̃ T̃ós̃id̃é* (йорубск. *q̃j̃q̃* 'день' и англ. *W̃ed̃ñes̃d̃ay* 'четверг').

Слова *s̃f̃h̃d̃é* 'воскресенье', *m̃f̃h̃d̃é* 'понедельник' и *s̃at̃id̃é* 'суббота' вошли из английского языка (ср. *sunday, monday, Saturday*), но параллельно существуют и слова йоруба: *q̃j̃q̃ ɔ̃s̃ɛ̃* 'воскресенье' (букв. 'день недели'), *q̃j̃q̃k̃ɛ̃j̃i ɔ̃s̃ɛ̃* 'понедельник' (букв. 'день второй недели'), *q̃j̃q̃k̃ɛ̃j̃e ɔ̃s̃ɛ̃* 'суббота' (букв. 'день седьмой недели').

Лексические заимствования подвергаются различным фонетическим видоизменениям в соответствии с особенностями фонетики языка йоруба. В фонетическом «приспособлении» заимствованных слов наиболее заметно выявляется специфическая черта структуры йорубского слова — отсутствие закрытых слогов и невозможность стечения согласных внутри слова. Этим и объясняется появление добавочных гласных *u* и *i* как внутри, так и в конце заимствованных слов: *ˈsílíkì* 'шелк' (англ. *silk*), *ˈÁfíríkà* 'Африка' (англ. *Africa*), *ˈbíroʃì* 'щетка' (англ. *brush*) и т.п. Добавочный гласный *u* присоединяется, как правило, к губным согласным (*kóʔbù* 'чашка' — англ. *cup*), в остальных случаях обычно присоединяются *i* (*béʔéti* 'пари', 'ставка' — англ. *bet*).

Иноязычные гласные и согласные в составе заимствованных слов передаются сходными по звучанию звуками языка йоруба: *káádì* 'карты' (англ. *cards*); *róbà* 'резина' (англ. *rubber*); *ˈzísì* 'шесть пенсов' (англ. *sixpense* 'монета'); *ˈtáwɛ̀lì* 'полотенце' (англ. *towel*); *bílísì* 'дьявол' (араб. *iblis*) и т.д.

Английский конечный нейтральный гласный *ə* обычно передается посредством йорубского гласного *a*: *lɛ́tá* 'письмо' — англ. *letter*; *dókítá* 'доктор' — англ. *doctor*. Английский придыхательный *h* вообще не сохраняется в заимствованных словах (*ˈáńkásíʃì* 'платок' — англ. *handkerchief*; *ámóʔkù* 'гамак' — англ. *hammock*).

Поскольку в языке йоруба губно-губной взрывной глухой согласный *p* отсутствует, в заимствованных словах с этим звуком обычно происходит его озвончение: *béʔá* 'бумага' — англ. *paper*; *kóʔbù* 'чашка' — англ. *cup*.

Ударные слоги в заимствованных словах обычно передаются в йоруба высоким тоном (*róbà* 'резина' — англ. *rubber*).

МОРФОЛОГИЯ

Язык йоруба можно отнести к языкам так называемого изолирующего типа. В нем полностью отсутствуют синтетические формы

словоизменения, и, следовательно, формы слов в составе предложения не могут указывать на отношения между членами предложения. Синтаксические отношения выражаются главным образом порядком расположения слов в предложении и при помощи служебных слов. Частные грамматические категории (число имени, время, вид, наклонение глагола) передаются также аналитически — при помощи различных служебных формантов.

Однако отсутствие флексий и синтетического формообразования не означает, что слова в языке йоруба представлены только как неизменяемые корни. Этот язык характеризуется достаточно богатой и развитой системой словообразования. Имеются различные словообразовательные аффиксы, посредством которых от корневых морфем образуются производные слова.

При объединении слов в лексико-грамматические разряды (т.е. части речи) и противопоставлении их друг другу мы исходили не из узко морфологических признаков, а из совокупности морфологических, синтаксических, лексических и семантических признаков, в которых раскрывается грамматическая характеристика слова как части речи.

К таким определяющим признакам частей речи относятся: структурные особенности слова и особенности системы словообразования; способность образовывать те или иные грамматические категории; синтаксические функции и место в предложении; сочетаемость с другими разрядами слов; лексическое значение.

Так как в языке йоруба словоизменительные категории отсутствуют, на первый план при выделении частей речи выдвигаются синтаксические признаки, т.е.: 1) способность слова выступать в роли того или иного члена предложения и занимать при этом определенное место в предложении; 2) сочетаемость со словами других разрядов и выражение грамматических значений при помощи определенного круга служебных слов или формальных показателей. Словообразовательные особенности играют также существенную роль при характеристике частей речи.

На основании этих признаков выделяются прежде всего две большие группы слов — имена существительные и глаголы, четко различающиеся как по своей семантике и структуре, так и по своим функциям.

Кроме этих двух больших разрядов слов, выделяются местоимения, прилагательные, числительные и наречия.

Наиболее сложным является вопрос о выделении в качестве самостоятельной части речи имени прилагательного, поскольку к словам, выражающим качественную характеристику или признак предметов, относятся не только прилагательные, но и большая группа качественных глаголов и глаголов состояния. Некоторые из этих глаголов отличаются от прилагательных синтаксически и структурно; другие совпадают с именами прилагательными по форме и различаются только по синтаксическим функциям; и, наконец, имеются слова, которые в одной и той же форме могут выступать в зависимости от контекста как в функции имен прилагательных, так и в функции глаголов.

В то же время с прилагательными могут формально совпадать отглагольные имена существительные, образованные от качественных глаголов способом редупликации. В связи с этим в некоторых случаях четкое разграничение между прилагательными и глаголами и между прилагательными и существительными провести невозможно.

Помимо знаменательных слов, выделяется категория служебных слов, куда входят предлоги, союзы, связки, некоторые приглагольные частицы и форманты видо-временного и модального характера.

Части речи

Имя существительное

Слова языка йоруба, относящиеся к разряду имен существительных, имеют предметное значение, что и отличает их в семантическом плане от глаголов, выражающих идею действия.

Грамматически это принципиальное различие существительных и глаголов проявляется в неспособности имен существительных самостоятельно, без помощи связки, выступать в функции сказуемого. Существительные в противоположность глаголам не могут непосредственно сочетаться с модальными и видо-временными показателями.

Кроме того, имена существительные представляют собой отличный от глаголов структурный тип слов, характеризующийся особенностями словообразования.

У имени существительного отсутствуют категория грамматического рода и категория склонения. Множественное число выражается аналитическим способом — путем присоединения особого грамматического показателя.

Словообразование и структурные особенности имен существительных

Наиболее характерной структурной особенностью имен существительных в отличие от глаголов является почти полное отсутствие в языке йоруба односложных существительных. Односложные глаголы, напротив, — широко распространенный структурный тип слов.

Наибольшее распространение имеют двусложные и трехсложные имена существительные. Четырехсложные, пятисложные и шестисложные существительные встречаются реже.

В качестве еще одной отличительной особенности имен существительных можно отметить то, что существительные йоруба всегда начинаются с гласных звуков¹.

Исключение составляют существительные иностранного происхождения (например, *gábasi* 'восток', заимствовано из языка хауса; *bóqólù* 'мяч', заимствовано из английского языка) и отно-

¹ Конечными звуками всех слов также всегда являются гласные.

сительно небольшая группа существительных, образованных способом редупликации (например, *kíkq'* 'учение', *lúq* 'ходьба').

Для системы словообразования имен существительных характерно:

а) преобладание префиксации (для глаголов способ префиксации не характерен);

б) богато развитое словосложение, которое может выступать в чистом виде или осложняется префиксацией (глаголам свойственно только словосложение в чистом виде);

в) образование слов путем редупликации (способ редупликации свойствен глаголам в значительно меньшей степени).

Префиксация

Наиболее распространенными продуктивными префиксами имен существительных являются односложные префиксы *а-*, *о-*, *р-*, *и-*, *о-*, *р-*, которые образуют от глаголов имена существительные со значением имени действия, деятеля, орудия действия и существительные с абстрактным значением.

Префикс *а-* в зависимости от семантики производящего глагола образует обычно имена существительные со значением имени действия: *ábq* 'приезд', 'прибытие' (от *bq* 'приезжать', 'прибывать'), *álq* 'отъезд', 'уход' (от *lq* 'ходить', 'уходить', 'уезжать'), или имена с абстрактным значением и значением орудия действия: *ayq* 'радость', 'счастье' (от *yq* 'радоваться'), *afé* 'любовь', 'радость' (от *fé* 'любить'), *abé* 'нож', 'бритва' (от *bé* 'резать'), *áké* 'резак', 'топор' (от *ké* 'рубить').

Префикс *о-*, как и другие односложные префиксы, обычно произносится со средним или низким тоном; глаголы, к которым они присоединяются, как правило, сохраняют свой исконный лексический тон.

Иногда префикс *о-* оформляет имена существительные со значением деятеля, образованные способом словосложения глаголов и существительных: *arapla* 'убийца' (*a* + *pa* 'убивать' + *épla* 'че-

лове́к', 'существо'), *akṛik* 'клерк', 'писатель' (*a + kṛ* 'писать' + *ik* 'книга').

Префиксы *ə-* и *ṛ-* образуют от глаголов имена существительные со значением имени действия или результата действия: *ṣḍḍ* 'просьба' (от *bḍ* 'просить'), *ṣṣṣ* 'грех', 'преступление' (от *ṣṣ* 'совершать преступление', 'грешить'), *ṣṛṇ* 'тяжесть', 'ноша' (от *ṛṇ* 'нести', 'тащить'), *ṣṛḍ* 'мысль' (от *ṛḍ* 'думать') и т.п.

Указанные префиксы могут оформлять также имена существительные, образованные от односложных глаголов путем редупликации: *ḍibiḍi* 'рвота' (от *bḍ* 'страдать рвотой', 'извергать'), *ḍidiḍi* 'затычка', 'пробка' (от *dḍ* 'преграждать', 'задерживать'), *aṣṣṣṣ* (*aṣṣṣṣṣ*) 'ветер' (от *ṣṣ* 'дуть').

Префикс *ḥ-* очень продуктивный. При помощи этого префикса от глаголов образуются имена существительные со значением имени действия и результата действия: *ḥḥḥ* 'ходьба', 'шаг' (от *ḥḥ* 'ходить'), *iṣṣ* 'работа', 'дело' (от *ṣṣ* 'выполнять', 'совершать'), *ḥḥḥḥ* 'визит', 'посещение' (от *bḥḥḥ* 'посещать'), *ḥḥḥ* 'подсчет', 'расчет' (от *kḥḥ* 'считать', 'подсчитывать') и т.п.

Существительные с этим префиксом могут иметь абстрактное значение (например, название чувств, ощущений и пр.): *ḥḥḥḥ* 'злость', 'гнев' (от *bḥḥḥ* 'злиться'), *ḥḥḥḥ* 'страх' (от *bḥḥḥ* 'бояться'), *iṣṣ* 'любовь' (синоним к *aṣṣ*, от *ṣṣ* 'любить'), *ikḥḥ* 'смерть' (от *kḥḥ* 'умирать'), *ḥḥḥḥ* 'знание' (от *tḥḥ* 'знать').

Очень часто префикс *ḥ-* оформляет сложные имена существительные, образованные посредством сложения существительного и глагола или двух глаголов. Они могут обозначать орудие действия (*ḥḥḥḥ* 'совок' < *ḥḥḥ* 'собирать' + *iḥḥ* 'земля', *ḥḥḥḥḥ* 'метла' < *ḥḥḥḥ* 'чистить' + *iḥḥ* 'земля'), место действия (*ḥḥḥḥḥḥ* 'место сборищ', 'суд' < *ḥḥḥḥḥ* 'слушать' + *eḥḥḥ* 'дело', 'тяжба'), деятеля (*ḥḥḥḥḥḥ* 'слуга', 'посыльный' < *ḥḥḥḥ* 'посылать', *ṣṣṣ* 'выполнять'), результат действия (*ḥḥḥḥḥḥ* 'рыболовство', 'рыбная ловля' < *ḥḥḥḥ* 'убивать' *ḥḥḥḥ* 'рыба').

Префиксы *o-* и *q-* — продуктивные; они служат для образования имен существительных со значением деятеля или с абстрактным значением. Существительные с абстрактным значением обычно образуются от качественных глаголов или глаголов состояния: *otíu* 'холод' (от *íu* 'быть холодным'), *dué* 'ум', 'талант' (от *ué* 'быть умным, талантливым').

Существительные со значением действующего лица могут быть образованы как от глаголов, так и посредством глагола и существительного: *ɖia* 'стрелок' (от *ia* 'пронзать'), *ɖdɛ* 'охотник' (от *dɛ* 'заманивать', 'ловить'), *ɖɛɛ* 'друг' (от *ɛɛ* 'объединяться', 'дружить'), *ɖɛqlé* 'строитель' (*ɖ+ɛq* 'строить' + *ilé* 'дом') и т.п.

Двусложные префиксы — *ati-*, *abu-*, *ada-*. Посредством этих префиксов образуются имена существительные как от глаголов, так и от других существительных.

При присоединении к существительным в результате стечения двух гласных — конечного гласного префиксов и начального гласного существительного — один из гласных (обычно гласный существительного) выпадает: *adaɛɛq* 'судья' (<*ada* + *ɛɛq* 'дело', 'тяжба').

Префикс *ati-* образует от односложных глаголов существительные преимущественно со значением имени действия: *atilq* 'расставание', 'уход' (от *lq* 'идти'), *atibɔ* 'возвращение' (от *bɔ* 'возвращаться'), *atidé* 'прибытие' (от *dé* 'прибывать') и т.д.

Примечание. Не лишено основания предположение, что некогда эти префиксы были самостоятельными словами, образованными от глагольных основ посредством префиксации гласных. Поэтому иногда существительные с префиксами *ati-*, *abu-*, *ada-* рассматриваются как сложные слова. Однако в современном языке знаменательных слов *ati*, *abu*, *ada* не имеется.

Префикс *ai-* образует имена существительные от глаголов, производных существительных и от сложных существительных, воз-

ниших в результате сложения глагола и существительного. Существительные, образованные при помощи префикса *di-*, обозначают понятия, антонимичные понятиям, выраженным производящим именем или глаголом: *diḡbṛṛṛṇ* 'непослушание', 'непокорность' (от *ḡbṛṛṇ* 'послушание', 'покорность' < *i + ḡbṛ* 'слушать' ṛṇ 'дело'), *diṣṛṇ* 'невежество' (от *iṣṛṇ* 'знание'), *diḡbāḡbṛ* 'наверие', 'отсутствие веры' (от *ḡbāḡbṛ* 'вера'), *diḏuṇ* 'неприятность' (от *ḏuṇ* 'быть приятным', 'услаждать'), *diḏāḡa* 'безобразие', 'уродство' (от *ḏāḡa* 'быть красивым'), *diṣṣṛ* 'бессердечие' (от *ṣṣṛ* 'любить'), *diḏṛṣṣṛ* 'неблагодарность' (от *ḏṛṣṣṛ* 'благодарить'), *diḡḡṛṇ* 'смелость', 'отвага' (от *ḡḡṛṇ* 'бояться'), *diḡḡṇ* 'бессмертие' (от *ḡḡṇ* 'умирать') и т.д.

Префикс *di-* очень продуктивный, практически от любого глагола или существительного при помощи этого префикса можно образовать новое существительное с полярным значением.

Префикс *oni-* также очень продуктивен. В отличие от рассмотренных выше префиксов он выступает в нескольких формах (*oni-// oli-// olu-// ḡlṛ-// elṛ-*). В своей основной форме *oni-* обнаруживается только в словах, начинающихся с согласных или гласного *i*: *oniḡaḏa* 'сапожник' (от *bata* 'обувь', 'туфля'), *oniḡode* 'таможенный чиновник' (от *bode* 'таможня'); *oniḡṛṇ* 'трус' (от *ḡṛṇ* 'бояться'), *oniḡa* 'борец' (от *iḡa* 'борьба').

Если слово, к которому присоединяется префикс, начинается с гласного звука, то один из гласных может выпадать: *oniḡi* 'торговец лесом' (от *igi* 'дерево'), *oniḡe* 'домовладелец' (от *ile* 'дом').

Если слово начинается с гласного (кроме *i*), то *n* префикса переходит в *l*²; конечный *i* в префиксе обычно выпадает: *olowo* 'богач' (от *owō* 'деньги').

² Чередование носового *n* и латерального *l* — широко распространенное фонетическое чередование в йоруба.

При этом, если существительные начинаются с гласных *e* и *ɛ*, префикс, присоединяясь к ним, подвергается наиболее сильным фонетическим изменениям. Начальный гласный префикса полностью уподобляется начальному гласному того слова, к которому префикс присоединяется (конечный гласный префикса выпадает или также уподобляется гласному существительного): *elére* 'весельчак' (от *eré* 'игра', 'веселье'), *eléeke* 'лжец' (от *èké* 'ложь'), *elégú* 'обманщик', 'ловкач' (от *égú* 'обман'), *eléjò* 'лицо, являющееся заинтересованной стороной в судебном разбирательстве' (от *ɛjɔ* 'дело', 'тяжба'), *eléja* 'рыболов' (от *ɛja* 'рыба'), *eléti* 'продавец или владетель пальмового вина' (от *ɛti* 'пальмовое вино').

Префикс *oní-* может принимать форму *olu-*, в которой он присоединяется преимущественно к глаголам: *olúfɛ́* 'любимый', 'тот, кого любят' (*ɛɛ fɛ́* 'любить'), *olúgbó* 'слушатель' (от *gbó* 'слушать').

Примечание.

Возможно, этот префикс исторически восходит к глаголу *ní* 'иметь', 'обладать', который в свою очередь принял глагольный префикс *o-* и стал присоединяться к другим частям речи для образования сложных слов. В настоящее время слова с *oní-* не воспринимаются как сложные, *oní-* превратился в приставку, регулярно присоединяемую к другим словам для образования существительных. Однако оттенок значения, связанный с исконным значением глагола *ní* в нем сохранился.

Существительные, образованные посредством всех фонетических вариантов префикса *oní-*, объединяются общей семантикой — они обозначают деятеля, лицо, занимающееся определенной профессией, или лицо, обладающее признаком, выраженным производящим словом (глаголом или именем существительным).

Некоторые сложные существительные, оформленные этим префиксом, идиоматичны. Значение таких сложных слов не является простой суммой значений составляющих компонентов, например:

olbʒukap 'одноглазый человек' (от *olʒi* 'глаз' + *kap* 'один'). Сочетание существительного и числительного («глаз» + «один») оформляется в сложном слове единым словообразовательным элементом (префиксом), придающим этому сложному существительному значение носителя признака — «одноглазый человек».

Словосложение

Словосложение в йоруба сводится к соположению слов в более сложные лексические единицы. Так как морфологические показатели полностью отсутствуют, сложные слова не отличаются от словосочетаний. Границы между ними подвижны. Тем не менее некоторые критерии разграничения сложного слова и словосочетания существуют: от сложного слова может быть произведено новое слово при помощи префикса, который оформляет все слово в целом, а не только его первый компонент; компонент внутри сложного слова нельзя менять местами и, кроме того, в сложном слове значение целого, как правило, доминирует над значением его частей. Однако эти критерии редко проявляются четко, поэтому проведение различия между сложным словом и словосочетанием представляет большие трудности³.

Сложные имена существительные в отличие от свободных словосочетаний могут обладать идиоматичным значением: *iyèméjì*⁴

³ Нередко компоненты сложных слов продолжают сохранять свою семантическую независимость, которая иногда выражается и грамматически. Это свойство сложных слов наглядно проявляется в сложных глаголах, в связи с чем бывает невозможно провести четкое разграничение сложных глаголов и словосочетаний (см. раздел «Морфологическая структура и словообразование глагола»).

⁴ Единого орфографического принципа написания сложных слов в языке йоруба не существует. Возможно их слитное или раздельное написание, а также написание компонентов сложного слова через дефис. В данной работе в каждом отдельном случае сохраняется орфография использованных источников.

'сомнение' (*iye* 'мысль' + *meji* 'два', букв. 'мысли две'), *iyɔ̀-ɔ̀yinbɔ* 'сахар' (*iyɔ̀* 'соль' + *ɔ̀yinbá/ɔ̀ibá/ɔ̀yibɔ* 'европеец', 'белый человек', букв. 'соль белого человека'). Этимология последнего сложного слова объясняется тем, что сахар был завезен в Нигерию европейцами и назван по внешнему сходству с солью — «солью белого человека».

Между компонентами сложных слов языка йоруба обнаруживаются те же синтаксические связи, которые мы находим в словосочетаниях (отношения определения к определяемому и отношения действия к объекту действия). Грамматическим выражением этих связей является порядок расположения компонентов внутри сложного слова, соответствующий нормам синтаксиса.

Атрибутивной связью компонентов характеризуются сложные имена существительные, образованные посредством сложения двух существительных, существительного и прилагательного, существительного и числительного. Второй компонент в них выступает в качестве определения к первому компоненту: *ilɔ̀-owo* 'банк' (*ilɔ̀* 'дом' + *owo* 'деньги'), *ilɛ̀wé* 'школа', 'библиотека' (*ilɛ̀* 'дом' + *wé* 'бумага', 'книга'), *ojúwé* 'вход', 'парадное' (*ojú* 'глаз' + *ilɛ̀* 'дом'), *okuninú* 'энергия' (*okun* 'сила' + *inú* 'живот'), *babanlá* 'предок' (*baba* 'отец' + *nlá* 'большой', 'великий'), *ɛ̀nirere* 'достойный человек', 'уважаемое лицо' (*ɛ̀ni* 'существо', 'человек' + *rere* 'хороший'), *ɛ̀nikèjì* 'партнер', 'сосед' (*ɛ̀ni* 'существо', 'человек' + *èkèjì* 'второй').

Как видно из приведенных примеров, на стыке компонентов сложных слов могут происходить различные изменения фонетического характера: выпадение гласных (*ɛ̀nikèjì* < *ɛ̀ni* (è) *kèjì*), уподобление одних гласных другим в результате регрессивной ассимиляции (*ilɛ̀wé*, *ojúwé*).

Объектные отношения между компонентами обнаруживаются в сложных именах существительных, образованных сложением глагола и существительного, обозначающего объект действия, выраженного в глаголе. Такие сложные существительные всегда

оформляются тем или иным префиксом: *ato ko* 'зомлошшоц', 'фермер' (*a* + *to* 'мотыжить', 'разрыхлять' + *oko* 'поло', 'форма'), *afja* 'рыболов' (*a* + *ra* 'убивать' + *ɟja* 'рыба'), *ɪgbáɪɔ* 'метла' (*ɪ* + *gbá* 'чистить' + *ɪɪ* 'земля') и т.п.

Редупликация

Редупликация (удвоение) широко распространена во многих языках гвинейской группы. По мнению некоторых африканистов, этот способ словообразования является наиболее древним способом образования слов и форм слов, специфичным для западно-африканских языков⁵.

В языке Йоруба редупликация может заключаться в повторе слова без каких-либо изменений, в повторе слова 'или его части) с некоторыми фонетическими изменениями, а также в повторе слова, сопровождаемом инфиксацией между повторяемыми единицами соединительного элемента.

Иногда, в особенности при удвоении с инфиксацией, имена существительные, образованные этим способом, приобретают эмпатическое, усилительное значение. Однако в большинстве случаев значение редулицированного существительного непосредственно выводится из значения того слова, от которого оно образуется, и эмпатический оттенок значения отсутствует: *nín* 'зрение' (от *ní* 'видеть'), *fófo* 'пена' (от *fó* 'плавать', 'держаться на поверхности').

Удвоение может сопровождаться различными фонетическими изменениями. Так, при удвоении односложных глаголов вместо коренного гласного глагола в первом слого часто употребляется гласный *i*, второй слог представляет производящий корень без

⁵ См. 'A. Ellis, *The Yoruba speaking people of the Slave coast of West Africa*, London, 1894, p. 203.

изоморфия: *áldùñ* 'боль', 'болозив' (от *dùñ* 'болеть', 'испытывать боль'), *gíga* 'высота' (от *ga* 'быть высоким'), *lílq* 'ходьба' (от *lq* 'ходить'), *rírq̣* 'мягкость' (от *rq̣* 'быть мягким'), *mími* 'жидкость' (от *mi* 'пить'). При удвоении двусложных глаголов может удваиваться не весь глагол, а только его первый слог с сохранением гласного этого слога или с заменой его на гласный *i*, в результате удвоение является неполным или усеченным: *kíkírú* или *kúkírú* 'краткость' (от *kúrú* 'быть коротким'), *dídara* 'добродетель', 'хорошее качество' (от *dára* 'быть хорошим', 'быть красивым').

Путем редупликации сложных глаголов, образованных сложением непроизводных глаголов и существительных, производятся многосложные имена существительные: *kólékólé* 'вор', образуется путем удвоения глагола *kólé* 'воровать', который в свою очередь произведен путем сложения простого глагола *kó* 'собирать' и существительного *ilé* 'дом'.

Аналогично образованы многосложные существительные *ja-gunjagun* 'солдат', *gbéñàgbéñà* 'работник по дереву', 'плотник' и др.

Посредством удвоения, осложняемого инфиксацией соединительного элемента, сложные имена существительные обычно образуются от непроизводных имен существительных: *ayérayé* 'важность' (от *ayé* 'мир'), *ohunkóhunk* 'любая, всякая вещь' (от *ohun* 'вещь'), *ɕiyɕkɕiyiɕ* 'птица любой породы' (от *ɕiyɕ* 'птица'), *ɖniakɖnɪɖ* 'всякое живое существо' (от *ɖnia* 'существо', 'человек') и пр.

О роде имен существительных

Имена существительные в языке йоруба не обладают грамматической категорией рода.

Для обозначения пола живых существ к выражающим их именам существительным присоединяются слова, указывающие на

принадлежность к мужскому или женскому роду. Так образуются сложные имена существительные, в которых компоненты, указывающие на пол, могут занимать препозитивное или постпозитивное положение.

В сложные существительные, обозначающие людей, в качестве компонента входят слова *okpnrin* 'мужчина' и *obinrin* 'женщина', например: *ɛ́lɛ́kpnrin* 'слуга', 'раб', *ɛ́lɛ́binrin* 'служанка', 'рабыня', *ɔ́tɔ́kpnrin* 'сын', 'мальчик', *ɔ́tɔ́binrin* 'дочь', 'девочка' и т.п.

В названиях животных употребляются слова *akɔ* 'самец' и *abo* 'самка', например: *akɔ-máɪú* 'бык', *abo-máɪú* 'корова', *akɔ-ɛ́lɛ́dɛ́* 'боров', *abo-ɛ́lɛ́dɛ́* 'свинья', *akɔ-ɛ́ɛ́in* 'жеребец', *abo-ɛ́ɛ́in* 'кобыла', *akɔ-adɛ́* или *akɔ-euɛ́* 'петух', *abo-adɛ́* 'курица' и пр.

Кроме того, существует ряд определенных существительных — терминов, постоянно употребляемых для обозначения лиц разного пола:

ɪyà 'мать', *baba* 'отец', *aya* 'жена', *qkɔ* 'муж', *oró* 'вдова', *aróp* 'вдовец', *àgbò* 'баран', *àgutàn* 'овца', *àkúkɔ* 'петух', *àgbébdò* 'курица', *òbúkɔ* 'козел', *ewíɛ* 'коза' и т.п.

Категория числа

Имя существительное в языке йоруба в своей словарной форме в отличие от языков флективного строя (например, русского) не выражает ни единичности, ни множественности. Поэтому в контексте эта единая словарная форма имени существительного может иметь значение как единственного, так и множественного числа.

Если идея единичности или множественности предметов, о которых идет речь, ясна из общего смысла всего высказывания, имя существительное не осложняется формальными показателями. Например, в следующих двух предложениях: *Baba rɛ̀ nì q̀ba* 'Отец его /есть/ вождь' и *O sì nì ráíákò nì ɛ̀sɛ̀* (*Alawiye*, 5) 'Он также имеет копыта на ногах' имена существительные *q̀ba*, *ráíákò* и *ɛ̀sɛ̀* употреблены в своей словарной форме. Из первого предложения

очевидно, что речь идет об одном лице; из второго предложения, а также всего предшествующего ему контекста, в котором дается описание буйвола, ясно, что подразумевается животное, имеющее не одну ногу с одним копытом, а четыре ноги и четыре копыта.

Таким образом, единственное число никогда не получает грамматического оформления. Множественное число может быть грамматически выражено, если из контекста неясно, об одном или о многих предметах идет речь. В качестве показателя множественного числа выступает личное местоимение 3-го лица множественного числа *awɔn* 'они', которое ставится перед именем существительным. Местоимение *awɔn* употребляется как перед одушевленными, так и перед неодушевленными именами существительными: *awɔn qmɔ Oduduwa* 'дети Одудувы'; *awɔn ere Ile Ife* 'статуи (города) Иле Ифе' (Т.К., 1); *Okun nini awɔn fanko ti o ba a wi bayi ni ɔrɔlɔ* (Alawiyu, 5) 'Одним из животных, которые укоряли его так, была лягушка'.

Примечание. Ранее уже указывалось, что в современной орфографии йоруба графическое изображение тонов, как правило, вообще не производится или производится частично. В текстах и словарях наблюдаются значительные различия не только в графическом изображении тонов, но и в орфографии слов (например, в написании местоимений, числительных и т.д.). В примерах, приведенных в очерке, сохранена орфография слов и способы изображения тонов использованных источников (за исключением способа изображения тонов в виде штрихов, который применяется в работе Иды Ворд).

При существительных, обозначающих неодушевленные предметы, вместо личного местоимения *awɔn* в качестве показателя множественного числа может употребляться указательное местоимение множественного числа *wɔnyi* 'эти', которое ставится после существительного: *ibi wɔnyi* 'места', *ile wɔnyi* 'дома'. Такие случаи, однако, в языке не получили широкого распространения.

Когда число предметов, выраженных именем существительным, определяется лексически (имя сочетается с числительными или со словами типа *riro* 'многие', *gbogbo* 'все'), местоимение *awon*, как правило, опускается: *O ni duo meji ni ori re* (Alawiye, 5) 'Он имеет рога два на голове своей'; *O si pe bgogbo franko igbe iq* (Alawiye, 6) 'И она пригласила всех животных на место состязания'.

Существительные, обозначающие парные предметы или предметы, количество которых ограничено (например, глаза, уши, зубы, руки, ноги, ножки стола и т.п.), всегда употребляются без каких-либо показателей. Употребление в таких случаях местоимений вызывается необходимостью подчеркнуть противоположную мысль — например, противопоставление человека с двумя руками однорукому инвалиду и т.п.

Таким образом, строгой закономерности в образовании множественного числа посредством показателей *awon* или *wunni* не наблюдается. На основании изложенного выше мы приходим к выводу, что число у имен существительных йоруба является лексико-грамматической категорией.

Собственные имена существительные

Собственные имена существительные занимают особое место среди имен существительных йоруба. Они отличаются прежде всего своей структурой.

Большинство имен собственных создается посредством лексикализации словосочетаний, смысл которых обычно связывается с теми обстоятельствами, при которых дается имя.

Различия по полу в именах людей, как правило, не соблюдаются, поэтому большинство имен собственных относится к лицам обоего пола. Вместе с тем встречаются собственно женские и собственно мужские имена. Например, имя *Taiwo* представляет собой обособленное, лексикализованное словосочетание *ta' ai' uwo*, которое буквально означает «увидеть (попробовать) свет,

жизнь» (дается близнецу, появившемуся на свет первым); *Kɛhinde*, букв. 'приветствовать позже, в конце концов' (дается второму близнецу); *Abɔwaba*, букв. 'то, что встречают по возвращении' (дается детям обоего пола, родившимся в отсутствии отца); *Baba-tun-de*, букв. 'отец приходит вновь' (дается мальчику, родившемуся после смерти его деда); *Iku-ma-rau* — мужское имя, означающее «смерть, не убивай этого».

Ряд собственных имен включает в свой состав существительное *ade* 'корона': *Adɛ-biyi*, букв. 'корона породила этого'; *Adɛ-bɔ*, букв. 'корона пришла'; *Adɛ-dewe*, букв. 'корона подорвана, поколеблена' (женское имя).

Помимо лексикализации словосочетаний, имена собственные образуются посредством словосложения: *Adɛ-ifɛ*, букв. 'корона любви' (мужское имя); *Adɛ-yɔ*, букв. 'корона счастливая' (женское имя).

При помощи лексикализации словосочетаний и словосложения образованы также некоторые географические названия: *Ibadan* (*ɛba + dan*), букв. 'край, граница + равнина, покрытая травой' — Ибадан (название одного из крупных городов Нигерии); *Kɛ-yɔ*, букв. 'умирать — отодвинуть' (название места к юго-западу от г.Абеокута) с *Adɛ-yi-n-ka*, букв. 'Корона эта окружила меня' (название места в районе Иларо).

Хотя при образовании имен собственных происходят различные фонетические изменения (выпадение звуков или изменения ассимилятивного характера), они сравнительно легко разлагаются на свои составные части, и происхождение большинства имен собственных можно установить.

О категории определенности и неопределенности

В нормативных грамматиках по языку йоруба, составленных английскими авторами, по аналогии с английским языком при имени выделяется артикль как сложившаяся грамматическая ка-

тегория⁶. Неопределенным артиклем считается числительное *kan* (сокращенная форма от *qkan* 'один'), а определенным — указательное местоимение *ṇā* (*ni*) 'тот', 'та', 'то', занимающие положительное положение по отношению к имени.

Действительно, после имен существительных возможно употребление *ṇā* (*ni*) и *kan*:

Ẹnuin qmde, qrq kan wà ti a fẹ sq fun yin loni (Т.К., 1) 'Вы, дети, слово одно есть, которое мы хотим сказать вам сегодня...';
Nigbatì nuwṇ kq de ilu ṇā l' o si jẹ 'ilu kini ti nuwṇ tẹ do (Т.К., 1)
 'Когда они впервые прибыли в город тот, он и был городом первым, который они основали'.

Однако в отличие от артикля употребление местоимения *ṇā* (*ni*) и числительного *kan* не является обязательным и регулярным. Кроме того, *ṇā* и *kan* в сочетаниях с именами существительными, как правило, сохраняют свое полное лексическое значение и выступают в предложении в функции определения. О сохранении лексического значения свидетельствует, в частности, тот факт, что при постановке этих слов в предложение общий смысл высказывания меняется. Например, в предложении *Mo tun ikḍkò tabà* 'Я курю трубку' числительное *kan* при существительном *ikḍkò tabà* отсутствует, хотя в аналогичной ситуации в других языках (например, в английском) употребляется неопределенный артикль. Если поставить слово *kan*, то предложение приобретет следующий смысл: «Я курю одну (а не две) трубки». Если же поставить местоимение *ṇā* (*ni*) после существительного *ikḍkò tabà*, то предложение получит новый смысловой оттенок: «Я курю именно ту (а не эту) трубку». Аналогичные смысловые изменения происходят в предложениях *Qdẹ ra ẓiyẹ* 'Охотник убил птицу'; *Qdẹ ṇā ra ẓiyẹ* 'Тот охотник убил птицу'; *Qdẹ ṇā ra ẓiyẹ kan* 'Тот охотник убил одну птицу'.

⁶ См. J. A. Gaye and W. S. Beecroft, *Yoruba grammar*, London, 1951.

Отсутствие у имен существительных йоруба категории определенности и неопределенности подтверждается и тем, что сами йорубы, говорящие на английском языке, часто опускают артикли. В местном варианте английского языка, сложившемся на западном побережье Центральной Африки (Гвинея, Либерия, Нигерия), опущение артиклей считается нормальным (так называемый Krio-English).

О категории склонения

В нормативных грамматиках языка йоруба по аналогии с английским языком у имени существительного выделяются три падежа: именительный, объектный и притяжательный (или родительный)⁷. При выделении категории падежа английские лингвисты исходят из семантико-функционального критерия и совершенно не учитывают критерий формальный. В этом проявляется тенденция навязывания языку йоруба чуждых ему грамматических категорий, что вызывает возражения даже некоторых английских лингвистов.

Так, например, С. Джонсон в вводной части к грамматическому разделу своей книги «История йорубов» критикует авторов нормативных грамматик, переносящих грамматические категории английского языка в язык йоруба. Однако в вопросе о падежах он также придерживается традиционной точки зрения о наличии трех падежей у существительного йоруба, хотя и подчеркивает, что морфологического выражения падежи не имеют. Только авторы «Грамматики йоруба» Гейе и Бикрофт указывают на отсутствие в языке йоруба падежей у существительного⁸. Однако это положение авторами не раскрывается и в сущности опровергается дальнейшим изложением материала.

⁷ A.B. Ellis, *The Yoruba speaking peoples...*, p. 205.

⁸ J.A. Gaye and W.S. Beecroft, *Yoruba grammar*, p. 9.

Падеж как грамматическая категория, находящая выражение в формах словоизменения имени, в языке йоруба отсутствует. Падежные, т.е. синтаксические отношения имен к другим словам в предложении, здесь выражаются порядком слов и при помощи предлогов (см. ниже раздел «Синтаксис»).

Глагол

В отличие от имени глаголы языка йоруба обозначают действие или состояние предмета.

Синтаксически этот основной признак глаголов проявляется в том, что они самостоятельно, без помощи связки, выполняют функцию сказуемого и могут непосредственно сочетаться с видо-временными формантами, показывающими характер протекания действия и отношение его ко времени. Наличие самостоятельной предикативности — специфическая черта глагола как части речи.

Глаголы отличаются от имен существительных также структурно и по способам словообразования.

Морфологическая структура и словообразование глагола

Фонетическим признаком глаголов является то, что они всегда начинаются с согласного звука.

По морфологическому составу глаголы можно разделить на две большие группы: первообразные (непроизводные) и производные, образованные посредством словосложения.

По отношению к объекту действия глаголы делятся на переходные и непереходные.

К первообразным глаголам относятся, прежде всего, односложные глаголы типа *bá* 'встречать', *bé* 'прыгать', *bi* 'рождать', *bò* 'покрывать', *bó* 'кормить', *bi* 'оскорблять', 'злоупотреб-

лять', *dd* 'создавать', *dé* 'приходить', *dè* 'связывать', *di* 'становиться' и т.д.

Среди таких глаголов имеется значительное количество «тональных омонимов», полностью совпадающих по звуковому составу и различающихся только тоном:

dé — с высоким тоном означает «приходить», «приезжать»; *dè* — с низким тоном, — «связывать»; *rd* — с низким тоном, — «думать», «рассказывать»; *ro* — со средним тоном, — «обрабатывать землю» и т.д.

К первообразным глаголам принадлежат также двусложные глаголы, этимология компонентов которых в современном языке затемнена, например: *bísi* 'увеличиваться', *bóii* 'слабеть', 'терять силы' и т.д.

Производные глаголы представляют собой сложные слова, образованные посредством сложения различных частей речи.

Отличительная особенность словообразования глагола йоруба — отсутствие префиксации как способа словообразования. Суффиксация, как и у имени существительного, совершенно не свойственна глаголу. Единственным средством образования глаголов является словосложение и в очень небольшой степени редупликация.

Компоненты сложных глаголов могут быть именного, глагольного, адвербиального и предложного характера.

В зависимости от лексико-грамматической природы составляющих компонентов можно выделить следующие структурные типы сложных глаголов:

1. Очень многочисленную группу сложных глаголов составляют глаголы, образованные посредством сложения первообразного глагола и имени существительного (без предлога или с предлогом). Между компонентами таких сложных слов сохраняется объектная связь (отношение действия к объекту действия): *borí* 'презвзойти', 'одержажь победу' (*bo* 'покрывать', *orí* 'голова'); *dáḡùn* 'отвечать' (*dá* 'делать', *ohùn* 'голос'); *íḡjù* 'заботиться' (*íḡ* 'направлять', *ojù* 'глаз'); *ḡiḡḡ* 'работать' (*ḡe* 'делать',

işş 'работа'); *ijj* 'стыдиться' (*li* 'закрывать', *ojj* 'глаз'); *sq-* *ijj* 'держат', 'сохранять' (*sq* 'положить', *li* предлог «в», *qij* 'место') и т.п.

При сложении компонентов в таких сложных глаголах обычно происходит выпадение гласного, чаще — начального гласного существительного, реже — конечного гласного глагола.

В сложных глаголах этого типа лексический тон первообразного глагола, входящего в их состав обычно сохраняется, если не выпадает конечный гласный глагола: *şmñn* 'терять дорогу', 'путаться', 'совершить ошибку' (*ş* 'ошибаться', *ñn* 'дорога'), но *dəgbà* 'расти' (*d* 'становиться', *əgbà* 'старший').

Изменение лексического тона первообразного глагола при сложении с существительным может происходить только у низкотональных глаголов (даже в случае, если гласный глагола не выпадает): *uqşq* 'носить одежду', 'одеваться' (*uq* 'одевать', *şq* 'одежда'); *ijj* 'стыдиться' (*li* 'закрывать', *ojj* 'глаз').

Ранее уже отмечалось, что в йоруба нельзя провести резкой грани между сложными глаголами и словосочетаниями, потому что многие сложные глаголы имеют окказиональный характер. Компоненты сложных глаголов часто продолжают сохранять свою семантическую независимость. Грамматически эта особенность сложных глаголов проявляется в том, что второй (именной) компонент может сочетаться со своим собственным определением, независимо от первого компонента, выраженного глаголом.

Например, глаголы *kóŋga* 'ненавидеть', *gbádùn* 'наслаждаться', *féṛṛ* 'любить' в предложении не сочетаются с прямыми дополнениями, выраженными личными местоимениями в объектной форме, так как именные компоненты этих глаголов — *ìŋga* 'ненависть', *dídùn* 'удовольствие' и *ṛṛn* 'предмет', 'содержание', 'вещество' требуют не дополнений, а определений, выраженных притяжательными местоимениями: *Mó kóŋga rẹ* 'Я ненавижу его' (букв. 'я встречаю ненависть его'); *Mó gbádùn rẹ* 'Я наслаждаюсь

им' (букв. 'я беру наслаждение его'); *Mo fẹ́ràn rẹ́* 'Я люблю его' (букв. 'я люблю вещество его')⁹ и т.д.

Семантическая независимость компонентов глаголов этого типа проявляется также и в том, что при наличии дополнения оно может вставляться между глагольными компонентами, расщепляя таким образом сложный глагол на его составные части и превращая его в словосочетание. При этом перед вторым компонентом, выраженным существительным, обычно ставится предлог *ni* (или фонетический его вариант *lì*). Примеры:

dáhùn 'отвечать' — *Dá mi l'ohùn* 'Отвечай мне'; *jìyà* 'страдать', 'наказывать', 'быть наказываемым' (*jẹ́* 'есть', 'поглощать' + *yà* 'наказание') — *O jẹ́ mi ni yà* 'Он наказал меня'; *gbàwọ́* 'здороваться', 'пожать руку' (*gbà* 'брать' *ọwọ́* 'рука') — *O gbà mi l'ọwọ́* 'Он пожал мне руку' ('он поздоровался со мной') и т.д.

Непереходные сложные глаголы этого типа, не требующие дополнения, естественно, не подвергаются расщеплению: *ṣunkún* 'плакать' (*ṣun* 'течь' + *ékún* 'слеза'); *sọrọ́* 'разговаривать' (*sọ* 'говорить' + *rọ́* 'слово'); *kúnlẹ́* 'вставать на колени' (*kún* 'склоняться', 'преклонять колени' + *ilẹ́* 'земля'); *díra* 'вооружаться' (*dí* 'связывать', 'обвязывать' + *ara* 'тело') и т.п.

2. Вторую группу сложных глаголов составляют так называемые двойные, или составные, глаголы, образованные в результате сложения двух первообразных глаголов (Ида Ворд называет глаголы этого типа «double verbs», «split verbs» или «verbal combinations»). Эти глаголы образованы по типу копулятивной связи (их компоненты нередко имеют синонимичное значение).

⁹ *Kóríra* < *kò* 'встречать' + *íríra* 'ненависть'; *gbádùn* < *gbà* 'брать', 'получать' + *dídùn* 'удовольствие', 'наслаждение'; *fẹ́ràn* < *fẹ́* 'любить', 'желать' + *rẹ́* 'предмет', 'содержание', 'вещество'.

Семантически такие составные глаголы выражают одно действие и пишутся слитно (в такой форме они обычно подаются в словарях). Однако в предложении они легко превращаются в словосочетания: между глагольными компонентами может вставляться дополнение, расплюя таким образом сложное слово на два простых. (Постановка дополнения между компонентами не обязательна для всех сложных глаголов этого типа, но для большинства глаголов такая конструкция является нормой.) Глаголы этого типа можно также назвать окказиональными сложными словами.

В качестве компонентов таких сложных глаголов чаще всего выступают первообразные односложные глаголы: *n'gbà* 'получать' (*n'* 'получать', 'приобретать' + *gbà* 'брать', 'получать'). В предложении *Mo n'owó gbà* 'Я получил деньги' в связи с постановкой между глагольными компонентами прямого дополнения, выраженного именем существительным *owó* 'деньги', глагол превращается в словосочетание. Аналогичному расщеплению подвергается глагол *gbàlá* 'спасать' (*gbà* 'брать', 'получать', *lá* 'спасать') в предложении *O gbàláwò láti gbà òrè rè lá* (G.B., 57) 'Он пытался спасти своего товарища'. Прямое дополнение, выраженное существительным и притяжательным местоимением *òrè rè* 'друга своего', вставляется между глагольными компонентами. Глагол *gbéàdè* 'поднимать' расщепляется дополнением на *gbé* 'взять' и *dè* 'стоять': *Ó gbé mi dè* (Abg., 239). 'Он поднял меня' и т.д.

Нередко семантику компонентов двойных сложных глаголов бывает трудно установить, так как в качестве компонентов выступают слова, которые в современном языке являются полисемантическими и могут употребляться как в качестве глаголов, так и в качестве предлогов или наречий, а некоторые из них самостоятельно в современном языке вообще не употребляются. Их глагольное происхождение, однако, несомненно, поскольку при расщеплении сложных глаголов они могут сочетаться с видовременными глагольными формантами как обычные глаголы.

Например, в качестве первых компонентов часто выступают *fi*, *ii*, *iín*, *bá*. В современном языке *bá* и *ii* употребляются как предлоги со значениями — *bá* 'с', *ii* 'от', 'из'. *Bá* употребляется также как глагол со значением «присоединять», «встречать»: *iín* употребляется как наречие со значением «снова», «опять»; *fi* употребляется как глагол в значениях «брать», «взять», «использовать», «положить», «ставить» и как предлог с инструментальным значением.

В качестве вторых компонентов могут выступать *fún*, *mún* (*mún*), *si*, *íqún* (*ián*). Элемент *mún* употребляется в современном языке как глагол со значением «придерживаться», «быть связанным с чем-то» и как предлог со значением «рядом», «около», «против», «напротив»; *fún* — как глагол со значением «давать» и как предлог «для»; *íqún* — как глагол со значением «кончить»; *si* может употребляться как глагол со значением «быть», «существовать» и как предлог со значением «к», «в». Примеры:

fifún 'давать' — *Ó fi ɛní fún mí jókó* (Абр., 225) 'Он дал мне цинковку, чтобы сесть' (букв. 'Он взял цинковку дал мне сесть'); *fitún* 'добавлять', 'присоединять', 'прикреплять' — *O fi okún mún* (Абр., 244) 'Он прикрепил веревку'; *fisílẹ̀* 'покидать', 'оставлять' — *O fi Ekó sílẹ̀* (Абр., 216) 'Он покинул (уехал из) Лагос'; *báwí* 'обвинять' — *Dajudaju o yẹ ki a ba a wi fun iṣe buburu rẹ̀* (Г.В., 57) 'Конечно, он понял, что они обвиняли его за его плохую работу'; *balq* 'проводить', 'сопровождать', 'идти с...' — *Máṣe ba mí lq* (Г.В., 75) 'Не проводи меня'.

В предложении указанные выше компоненты могут сочетаться с видо-временными глагольными формантами: *O nba mí lq* 'Он идет со мной (сейчас)'; *O ii ba a lq* 'Он шел с ним'; *O nfi òbẹ́ ke igi* 'Он срезает ножом дерево'; *O ii fi òbẹ́ ke igi* 'Он срезал ножом дерево'; *Yio fi òbẹ́ ke igi* 'Он срежет ножом дерево' и т.д.

Иногда видо-временные форманты добавляются не к первому, а ко второму компоненту глагола: *O iún nṣe e* (W, 109) 'Он снова делает это'. В этом случае функция первых компонентов как пред-

логов или наречий является совершенно отчетливо, и прямое дополнение, если оно имеется, следует за вторым компонентом, а не вставляется между компонентами: *O tɔn nɛ s e*, но *O ntɔn u ʒe* (W, 109).

3. В состав сложных глаголов могут входить более двух компонентов. Такие сложные глаголы образуются в результате лексикализации различных словосочетаний. Например, лексикализации могут подвергнуться: а) словосочетания, состоящие из первообразного глагола, существительного и прилагательного; при этом между глаголом и существительным сохраняется объективная связь, а между существительным и прилагательным — атрибутивная: *rohùngré* 'оплакивать', 'жаловаться', 'стенать' (*pè* звать + *ohùn* 'голос' + *gré* 'хороший'); *gbéráǵ* 'быть высокомерным', 'гордиться' (*gbé* 'нести' 'поднимать' + *ara* 'тело' + *ga* 'высокое'); б) словосочетания, состоящие из первообразного глагола и двух существительных (одно из них обычно с предлогом), из двух первообразных глаголов и двух существительных или из двух первообразных глаголов и существительного: *kíyèsára* 'быть заботливым, осторожным' (*kí* принимать + *iyè* 'мысль' + *sí* — предлог 'к' + *ara* 'тело'); *ʃaíb alè* 'почитать', 'поклоняться', 'верить в бога' (*ʃi* 'ставить' + *orí* 'голова' + *bà* 'ударяться', 'приходить в столкновение' + *ilè* 'земля'); *doríkodò* 'предаваться отчаянию', 'повесить голову' (*dá* 'ударять' + *orí* 'голова' + *kò* 'встречать' + *odò* 'низ', 'нижняя часть'); *debipa* 'умирать с голоду', 'голодать' (*dá* 'создавать' + *ebi* 'голод' + *pa* 'умирать'); *dèrùbà* 'пугать' (*dá* 'создавать' + *èrù* 'страх' + *bà* 'находить', 'оказаться') и т.п.

Помимо первообразных и сложных глаголов, можно выделить группу качественных глаголов, образованных посредством редупликации: *íúú* 'быть холодным', 'холодеть'; *díde* 'быть связанным, скованным'; *dúúú* 'быть черным', 'чернеть'; *pura* 'быть красным', 'краснеть'; *ʃúnʃun* 'быть белым', 'белеть', 'быть чистым' и др.

Однако слова типа *íúti*, *рира* и т.п. благодаря ряду особенностей занимают особое место не только среди глаголов, но и вообще среди других частей речи. В предложении эти слова могут выступать в функции сказуемых, на основании чего их можно причислить к разряду глаголов. Вместе с тем они могут употребляться в функции определений и именной части составных сказуемых, на основании чего их можно отнести к именам прилагательным. Кроме того, само значение этих слов (значение качества или признака) и их морфологическая структура также сближают их с именами прилагательными. Следовательно, с точки зрения принадлежности к определенной части речи их справедливо было бы выделить в особую группу так называемых переходных категорий слов, отнесение которых к той или иной части речи определяется в зависимости от речевого контекста.

При помощи удвоения образуется только эта группа слов. Для глаголов в целом способ редупликации не характерен.

Грамматические категории глагола

Глагол в языке йоруба характеризуется отсутствием категории залога, лица и числа. Во всех лицах единственного и множественного числа форма глагола остается неизменной. Значение лица и числа передается лексически (постановкой соответствующего личного местоимения).

Глаголу йоруба присущи категории времени, вида и наклонения, которые проявляются своеобразно и находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Средствами выражения глагольных категорий являются особые грамматические форманты.

Вопрос о глагольных категориях йоруба, так же как вопрос о природе самих формантов, различными авторами трактуется по-разному. Форманты или сравниваются с английскими вспомогательными глаголами и причисляются к разряду вспомогательных глаголов (*auxiliary verbs*) или просто называются частицами (*particles*).

О категории вида в нормативных грамматиках Йоруба, написанных англичанами, не говорится, но выделяется различное количество временных форм, в основном по типу системы времен английского глагола. Так, Гейе и Бикрофт¹⁰ основное противопоставление проводят в плане настоящего, прошедшего и будущего времени (present, past, future). С. Джонсон¹¹ также выделяет три времени, но называет их иначе: прошедшее (preterite) незаконченное (incomplete) и будущее (future). Акинтан¹², помимо настоящего, прошедшего и будущего, выделяет продолженное время (continuous) и завершённое (perfect). Делано¹³ называет все глагольные формы (в том числе формы наклонений и отрицательные формы каждого времени) временами (tenses), поэтому у него получается около 30 временных форм. Так или иначе, авторы грамматик считали все глагольные формы временными.

Анализ языкового материала приводит нас к выводу, что категория времени в языке Йоруба проявляется только в плане противопоставления будущего и небудущего времени (по отношению к моменту речи). Будущее время выражается посредством особых временных формантов — *yíó* (обычно сокращаемый в *ó*) и *á*. Примеры: *Èmi yíó wa lola* = *Èmi ó wa lola* (D, XXVI) 'Я приду завтра';

¹⁰ J. A. Gaye and W. S. Beecroft, *Yoruba grammar*, p. 40.

¹¹ S. Johnson, *The history of the Yorubas*, London, 1921, разд. «Tenses».

¹² E. A. Akintan, *Modern grammar of Yoruba language*, Lagos, 1949, разд. «Tenses».

¹³ I. O. Delano, *Aṣúmọ̀ Èdè Yoruba. A short Yoruba grammar and dictionary*, London, 1959, p. 23.

Awa á lq (Abr., 1) 'Мы пойдем'. Формант *yíó* (ó) более употребителен. Он употребляется в основных диалектах северных и центральных районов Нигерии. Формант *á* употребляется преимущественно в южных диалектах. В 3-м лице единственного числа *yíó* обычно не сокращается в *ó*, причем местоимение 3-го лица единственного числа *ó* ('он', 'она', 'оно') опускается: *yíó wa* 'он придет'.

Небудущее время (или настоящее-прошедшее) включает действия, происходящие в настоящем и прошедшем времени (по отношению к моменту речи). Это простейшая (нулевая, или словарная) глагольная форма, не имеющая специальных показателей; *èti lq* может означать и «я иду» и «я шел». Факт соотнесения с настоящим или прошедшим временем при употреблении этой формы может выражаться лексически (посредством наречий с временным значением или всем контекстом). Это форма часто употребляется в повествовании, обычно со значением прошедшего времени.

Остальные глагольные форманты (*ti*, *ń/m*, *mā*) являются видовыми (точнее, видо-временными), поскольку они указывают не только на соотнесенность действия со временем, но и на различный характер протекания действия (например, законченность или длительность, однократность или многократность, привычную повторяемость действия и пр.). Наличие видового значения в этих формах подтверждается тем, что они могут быть употреблены в предложениях, действия в которых происходят в плане того или иного времени.

Посредством этих формантов образуется система видо-временных форм глагола йоруба. Основное видовое противопоставление лежит в плане завершенности и незавершенности (длительности) действия.

Видовая форма завершенного действия («завершенный вид»). Образуется посредством форманта *ti*, сочетающегося с глаголом в форме будущего (настояще-прошедшего) или будущего времени. Эта форма выражает завершенность действия

(иногда результативную завершенность). Действие воспринимается как завершенное до какого-то момента в настоящем или прошедшем времени или как действие, которое будет закончено к какому-то моменту в будущем времени. Значение глагола с этим формантом приблизительно соответствует значению русского глагола совершенного вида. Примеры: *Nibo l'Ojo? O ti lq s'ile iwe* (W, 86) 'Где Оджо? Он пошел в школу'; *Nigbatì mo de ile o ti lq* (W, 94) 'Когда я приехал домой, он [уже] ушел'; *Èmi yíó ti kà ìwé nǎ* (L.G.) 'Я прочту ту книгу'.

Часто эта форма употребляется для выражения предшествования, т.е. для обозначения законченных действий, которые предшествовали каким-то другим действиям, проходившим в прошлом: *O ran eru rè ti nwon ti kq ila si lara si qba Qyqkoro* (Т.К. 22) 'Он послал раба своего, которому они [уже] нарисовали знаки на теле, к королю Ойокоро'.

Таким образом, эта форма сочетает в себе видовую характеристику действия (завершенность) с выражением временной соотношенности действия с другим действием, т.е. имеет также относительное временное значение.

Видовая форма незаконченного (длительного) действия («длительный вид»). Образуется путем префиксации к глаголу в форме небудущего времени форманта *ń/ń*. Эта форма обозначает действие в его течении как незаконченный процесс, протекающий до момента или в момент речи, или же — одновременно с каким-то другим действием. Значение глагола с этим показателем приблизительно соответствует значению русского глагола несовершенного вида. Примеры: *Kini nwon nse? Nwon ńjó* (W, 84) 'Что они делают сейчас? Они играют'; *Ó ń ẕiẕé níbè* (Abr., 267) 'Он работает там [сейчас]'; *Nigbatì mo de ile o ńjgun* (W, 77) 'Когда я добрался до дома, он кушал'; *Ko tilẹ gbq nkam ti nwon nsg* (Т.К., 20) 'Он даже не слышал ничего, что они говорили'.

Чаше всего эта форма обозначает действие, происходящее в момент речи: *Ó ń sun* (Abr., 433) 'Он спит [сейчас]'. Иногда эта

форма получает дополнительный оттенок обычно происходящего действия в плане настоящего времени: *Ó n kqjá nǐbí firi-firi* (Abr., 433) 'Он проходит здесь постоянно.'

Следовательно, эта форма сочетает в себе видовую характеристику действия (процессуальность) с временным соотношением действия (действие соотносится либо с моментом речи, либо с моментом совершения другого действия).

От формы длительного действия при помощи форманта *ti* образуется видо-временная форма «*ti n + глагол*». Эта форма обозначает действие, которое началось и длилось в течение какого-то времени в прошлом или началось в прошлом и еще не закончилось в настоящем. Примеры: *Ó nǐ mi mo ti n sùn* (Abr., 433) 'Он смотрел на меня, я спал'; *Şugbqn Şango ti nwa qna ati ko ijrba rɛ kuro ni ðkð* (Т.К., 19) 'Но Шанго искал способ [как] перенести королевство свое прочь из Око'; *Mo ti nşişɛ lati àárɔ* (R) 'Я работаю с самого утра' (т.е. начал утром и все еще работаю).

Таким образом, эта форма может указывать на длительность состояния, возникшего в результате совершения действия.

Кроме этих трех форм, выделяется еще форма с показателем *mā* (*amā*, *imā*). Она выражает действие как обычно совершающийся процесс (привычное, регулярно повторяющееся действие, которое может происходить в плане того или иного времени). Значение этой формы на русский язык точнее всего можно передать сочетанием наречия «обычно» с глаголом или словосочетаниями «иметь обыкновение, иметь привычку делать что-то».

При соотносении с настоящим временем показатель *mā* обычно употребляется в сочетании с показателем *n*: *Mo mā nǐlq nibi* (L.G.) 'Я обычно хожу здесь' (т.е. имею привычку ходить здесь).

При соотносении с прошлым временем показатель *mā* также может употребляться в сочетании с показателем *n* (указание на время при этом производится лексически):

Mo mā nǐlq kǐ i nǐ (R) 'Я обычно ходил приветствовать его прежде (когда-то)'.

Для того чтобы подчеркнуть, что привычное действие регулярно повторялось в течение какого-то длительного времени в прошлом, показатель *tā* может употребляться в сочетании с двумя показателями *n* и *ti*. *Mo ti tā n̄lq kī i lójojúntq láti oşù tẹ́fà sẹ́hìn* (R) 'Я обычно ходил приветствовать его ежедневно шесть месяцев тому назад': *Àti ọ́jọ nā tīti dī oni nī awoṣe ọmọ Alāfin Ọyọ tī tā nkọ ila teji si ara wọn* (Т.К., 22) 'С того дня до времени этого дети алафива Ойо обычно рисовали два знака на руках своих'.

Для выражения обычного, регулярно повторяющегося действия в будущем формант *tā* употребляется в сочетании с показателем будущего времени (*yíó* или *á*): *Ètí yíó tā lq* (*èti á tā lq*) ('Abg., 418) 'Я обычно буду ходить'.

Показатель *tā* может употребляться в сочетании с показателем *a* (*a* обычно предшествует показателю *tā*, значение их идентично). В отличие от показателя будущего времени *á*, произносимого с высоким тоном, этот показатель произносится со средним тоном: *Ètí a tā lq kī i lójojúntq* (R) 'Я обычно хожу приветствовать его каждый день'.

В определительных предложениях (после *tí*) и при эмфатическом выделении подлежащего (после *ní*) обычно вместо *a* употребляется показатель *í* в сочетании с *tā* или самостоятельно: *Òun ní í tā lq níhìn* (R) 'Это он [который] обычно ходит здесь': *ení tí í tā lq ...* или *ení tí í lq...* (R) 'человек, который обычно ходит'.

Примечание. Написание показателей *a tā* и *í tā* может быть слитным (*atā*, *itā*) или раздельным.

Категория наклонения

По вопросу о категории наклонения в языке йоруба имеется несколько точек зрения. Авторы «Грамматики языка йоруба» Гейе и Бикрофт¹⁴ выделяют пять наклонений (*indicative, imperative,*

¹⁴ J.A. Gaye and W.S. Beecroft, *Yoruba grammar*, p. 35.

subjunctive, potential, infinitive); Е.Акинтан в «Современной грамматике языка йоруба»¹⁵ выделяет четыре наклонения (mood of direct action, mood of condition, mood of command, mood of aim and object); С.Джонсон в очерке по грамматике в книге «История йорубов»¹⁶ выделяет шесть наклонений (indicative, subjunctive, potential, impetative, infinitive, participle).

Исходя из понимания категорий наклонения как категории, передающей отношение говорящего к действию, которое он может воспринять как реальное или нереальное, и учитывая наличие в йоруба формальных признаков передачи модальных значений, мы считаем возможным выделить три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное.

Изъявительное наклонение служит для простой констатации реального действия, его утверждения или отрицания. Понятие реального действия неизбежно связано с отнесением его к тому или иному моменту во времени, а также с раскрытием самого характера протекания действия. Следовательно, в видовых и временных глагольных формах уже выражается модальность — модальность изъявительного наклонения. (специальных показателей изъявительное наклонение, естественно, не имеет).

Сослагательное наклонение служит для выражения действия нереального, т.е. предполагаемого, возможного, желаемого, условного и пр. Реальность осуществления этого действия зависит от желания и возможности говорящего совершить его или от условий, которые могут привести к осуществлению этого действия. Показателями сослагательного наклонения в йоруба являются форманты *bá* или *ìbá*. Эти показатели могут употребляться в независимых предложениях для выражения возможного, желаемого, сомнительного, проблематичного действия [*Èmi ìbá fé ní i* (Abr., 90)]

¹⁵ Е.А. Akintan, *Modern grammar of Yoruba language*, p. 11.

¹⁶ S. Johnson, *The history of the Yorubas*, разд. «Moods».

'Я хотел бы увидеть его') или для выражения долженствования и необходимости с оттенком нереальности — действие должно было произойти, но не произошло (*Èmi bá lq* 'Я должен был бы пойти'). В этих случаях при глаголе, помимо *bá*, часто употребляется видовой показатель *ii* [*Èmi bá lq* = *Èmi bá ii lq* 'Я должен был бы пойти'; *ĩyɔr ìbá ii ʒé* 'Ты должен был бы сделать это' (Abg., 89)].

Показатели *bá* и *ìbá* могут также употребляться в условных предложениях для выражения нереального действия (обычно в сочетании с союзом *bí* 'если'): *Bi mo ba tete de emi iba gi i* (W. 143) 'Если бы я приехал рано, я бы увидел его'.

Примечание. Вопрос о значении показателей *bá* и *ìbá* в условных предложениях требует дальнейшего уточнения, поскольку в такстовом материале были зафиксированы примеры, в которых эти показатели употреблялись при выражении вполне реальных действий.

Повелительное наклонение выражает волю говорящего, побуждение совершить какое-то действие, приглашение к совместному действию или распоряжение относительно действия, которое ожидается от другого лица. Со стороны говорящего действие мыслится как реальное, но реальность его совершения зависит не от говорящего, а от лица, которое говорящий побуждает к действию. Повелительное наклонение в йоруба может выражаться глаголом без специальных показателей: *wá!* 'приходи!' (при обращении к нескольким лицам перед глаголом в повелительном наклонении ставится местоимение 2-го лица множественного числа в краткой форме: *ɛ wá!* 'приходите!'); посредством глагола в сочетании с показателем *mā*. Различие между данной и простой формой — видовое. Форма с показателем *mā* употребляется для выражения призыва к длительному действию или к продолжению какого-то действия: *mā lq* 'продолжай идти', 'иди дальше'; *mā jó-* 'продолжай танцевать'; *mā kawe* (L., 43) 'читай дальше!'. Кроме того, повелительное наклонение может выражаться посредством экспрессивно-модального показателя *ki* в сочетании с глаголом.

Эта форма употребляется для выражения просьбы, приказа или разрешения совершить какое-то действие, которое может относиться не только ко 2-му лицу единственного и множественного числа. В переводе на русский язык значение глаголов с показателем *ki* точнее всего передается словами «пусти», «пускай», «дайте»: *ki o wàl* 'пусть будет он!', *ki èti wà* 'пусть буду я!' ('дайте буду я!'). Показатель *ki* употребляется для выражения приказа или просьбы в косвенной речи (после глаголов «сказать», «приказать что-то сделать» и т.д.): *Ó ní ki ng lq si òdò dókíà* (R) 'Он сказал, пусть я пойду к доктору' ('Он сказал, чтобы я пошел к доктору').

Помимо рассмотренных показателей наклонения, модальность в языке йоруба может передаваться модальным глаголом *lè* и некоторыми сочетаниями модального характера. Глагол *lè* имеет следующие значения: 1) «уметь» (что-то делать); 2) «мочь» (в значении «уметь»); 3) «мочь» (в значении «можно», т.е. с оттенком разрешения на какое-то действие); 4) «справиться», «ухитриться что-то сделать», «удаваться» (в значении «суметь»). Хотя глагол *lè* имеет свои самостоятельные лексические значения, в сочетании с другим глаголом действия он не называет, а показывает только отношение к действию, которое выражается следующим за ним глаголом: *Mo lè gun ẹsin* (Abg.; 406) 'Я умею (могу) ездить верхом'; *O lè lq* (Abg., 407) 'Ты можешь идти' (разрешение); *Níbo la ó lè rà á?* (Abg., 406) 'Где мы ухитримся(сможем)купить это?' ('Где нам удастся купить это?').

Модальный глагол долженствования («должен», «обязан») в языке йоруба отсутствует. Идея долженствования («я должен, обязан что-то делать») выражается или своеобразной конструкцией с глаголом *lè*, имеющей двойное отрицание (букв. «не мог не сделать», т.е. «должен, обязан был сделать») или сочетанием гла-

глав-связки *lí + láí*¹⁷: *Ẹ́rín kò lè tádá wá* (Abr., 406) 'Они должны прийти' (букв. 'они не могут не прийти'); *Mó ní láí lẹ́* (Abr., 438) 'Я должен пойти'.

Образование отрицательной и вопросительной форм глагола

Отрицательная и вопросительная формы глагола йоруба образуются при помощи отрицательных и вопросительных частиц.

Для образования отрицательных форм в изъявительном и сослагательном наклонениях употребляются частицы *kò*, *ò*, *kì*, *kòí*. Они или непосредственно предшествуют глаголу или ставятся перед видовыми и временными показателями: *ng ó fẹ́ lẹ́* (L, 54) 'я не хочу идти'; *èmi kò tẹ́n = èmi ò tẹ́n* (Abr., 376) 'я не знаю'.

Если подлежащее выражено личным местоимением 3-го лица единственного числа, то при употреблении отрицательных частиц оно опускается: *ó fẹ́ í feresé* 'он открыл дверь': *kò fẹ́ í feresé* (L, 54) 'он не открывал двери'.

Для выражения отрицания в изъявительном наклонении (настоящего и прошедшего времени) чаще употребляются частицы *kò* или *ò*: *èmi kò wa = èmi ò wa* 'я не прихожу' или 'я не приходил'.

Для выражения отрицания в изъявительном наклонении будущего времени обычно употребляется частица *kì*: *emi kì ó wa* 'я не буду приходить'.

В формах длительного действия с показателем *ń/ń* для выражения отрицания, помимо частиц *kò* и *ò*, может употребляться частица *kì*.

¹⁷ *Láí* (фонетический вариант — *àí*) может употребляться: а) перед именами существительными как предлог со значением 'из', 'от'; б) перед глаголами как факультативный показатель инфинитива; в) в сочетании со связкой *lí* для выражения долженствования.

При употреблении частиц *kò* и *ò* показатель длительного действия *ń/ń* остается без изменения: *`emi ńkawe* 'я читаю': *`emi kò ńkawe* = *`emi ò ńkawe* 'я не читаю'.

При употреблении частицы *kì* показатель длительности действия *ń/ń* заменяется гласным *i*; таким образом, вся форма принимает следующий вид: *`emi kì ikawe* 'я не читаю'.

В формах с показателем *ti*, выражающих законченное или однократное действие, обычно употребляются частицы *ò* или *kò*; при употреблении частицы *kò* показатель *ti* опускается: *`emi ti kawe* 'я прочел'; *`emi kò kawe* 'я не прочел'.

В формах с видовыми показателями *ti ń/ń* и *ta(amā)* употребляется отрицательная частица *kò*; видовые показатели сохраняются без изменения: *`emi ti ńkawe* 'я читал'; *`emi amā kawe* 'я обычно читал'; *`emi kò ti ńkawe* 'я не читал'; *`emi kò mǎ kawe* 'я обычно не читал'.

В будущем времени в формах с показателями *ti* и *mǎ* употребляется частица *kì*; показатели *ti* и *mǎ* и показатель будущего времени сохраняются без изменения: *`emi kì ó ti kawe* 'я не прочту'; *`emi kì ó mǎ kawe* 'я не буду иметь обыкновения читать'.

В сослагательном наклонении обычно употребляются частицы *kì* и *kò*: *`emi kì bá kawe...* 'я не читал бы...'; *bi `emi kì (kò) bá kawe...* 'если бы я не читал...'.

Жители Лагоса и окрестных районов нередко употребляют двойное отрицание: *kò kì ńṣiṣé lójojúmó* (:R) 'он не работает каждый день'.

Для образования отрицательной формы повелительного наклонения употребляется частица *mǎ* (иногда *mǎ ʒe*): *mǎ joko* 'не садись!'

Примечание: В отличие от показателя обычного, повторяющегося действия *mǎ*, в котором гласный произносится на высоко-среднем скольльзящем тоне (*máá*), в отрицательной частице повелительного наклонения гласный произносится на высоко-низком тоне (*máà*) или высоком тоне (*má*).

Если в положительной форме повелительное наклонение было образовано при помощи показателя *mā*, после глагола ставится частица *má*: *mā jó* 'продолжай танцевать', *má jó mǫ* (L, 58) 'не танцуй больше!'

Для образования вопросительных форм глагола употребляются частицы: *bí* (или *ha...bí*), *ṣé* и *ḡjé*. Наиболее употребительной является частица *bí*. Она ставится в конце вопросительного предложения. Порядок слов в вопросительном предложении не меняется: *èmi ṣḡràṇ* 'я люблю'; *èmi ṣḡràṇ bí?* 'люблю ли я?'; *èmi tí ṣḡràṇ bí?* 'любил ли я?'; *èmi yíó ṣḡràṇ bí?* 'буду ли я любить?' и т.п.

Иногда частица *bí* употребляется в сочетании с частицей *ha*: обе конструкции имеют идентичное значение: *o rí i bí?* — *o ha rí i bí?* (Abg., 107) 'Ты видел это?'

Частицы *ṣé* и *ḡjé* предшествуют глаголу; они ставятся в начале вопросительных предложений: *ṣé o rí i?* (L, 41) 'Ты видишь это?'; *ṣé mo lq?* (Abg., 610) 'Я ходил?'; *ṣé a ó lq s' Eko?* (W, 117) 'Поедем ли мы в Лагос?'; *Njé o wa n'ile l' alḡ ana?* (L, 41) 'Ты был дома вчера вечером?'

Следовательно, для образования вопросительной формы глагола достаточно употребления одной из частиц. Независимо от того, какая частица употребляется и какое место она занимает в вопросительном предложении, порядок слов сохраняется неизменным. Если в вопросительном предложении имеются вопросительные слова (вопросительные местоимения или наречия), то вопросительные частицы при глаголе не употребляются: *Kini nwɔn nta n'ibḡ?* (W, 119) 'Что они продают там?'; *Kil' ó wí:* (L, 31) 'Что он говорит?'

Имя прилагательное

Основная трудность выделения имени прилагательного как самостоятельного лексико-грамматического разряда слов заключается в невозможности проведения четкой грани между прилага-

тельными и глаголами, с одной стороны, и между прилагательными и существительными, — с другой. Это объясняется тем, что признак предмета может выражаться в йоруба не только прилагательными, но и глаголами и существительными. По форме в ряде случаев эти части речи совпадают. Следовательно, при разграничении их нельзя исходить только из их семантико-морфологических признаков; необходимо учитывать их синтаксическую роль в предложении и способность сочетаться с другими словами.

Глаголы и прилагательные различаются главным образом по своим синтаксическим функциям.

Для прилагательного характерны функция определения (при имени) и функция именной части составного сказуемого. В отличие от глаголов имена прилагательные не могут самостоятельно, без связки, выступать в роли сказуемого и сочетаться с видо-временными глагольными показателями.

Исходя из этого, слова типа *kéré* 'быть маленьким', *kúú* 'быть коротким', *dára* 'быть хорошим, красивым', *íóbi* 'быть большим', *lé* 'быть сильным', *burú* 'быть плохим', *jìnnà* 'быть далеким' и другие мы не можем квалифицировать как имена прилагательные. Выражая качество или признак предмета, они синтаксически смыкаются с глаголами, поскольку в предложении выполняют функцию сказуемого и не могут выступать в функции определений. Выступая в функции сказуемых, они могут сочетаться с видо-временными глагольными показателями: *ó bínu* 'он [есть] злой'; *yíó bínu* 'он будет злым'; *ṣṣṣ wón* 'ребенок [есть] дорогой'; *ṣṣṣ tí wón* 'ребенок был дорогим' и т.п.

От большинства таких качественных глаголов посредством редупликации образуются слова, отличающиеся от глаголов не только своей редуплицированной формой, но и способностью выступать в функции определений или именной части составных сказуемых (при обязательном наличии связки): *kékeré* 'маленький'; *kúkúú* 'короткий'; *dídára* или *dáradára* 'хороший', 'красивый'; *tííóbi* 'большой'; *lílé* 'сильный'; *búburú* 'плохой'; *jíjìnnà* 'дале-

кий' и т.д. Примеры: *Aufa ɸɸɸ kékeré hííre* (L.G.) 'Дети миленькие играют'; *Ilu jíjinnà ní* (W, 73) 'Город далекий есть'

На основании указанных признаков эти слова следует считать именами прилагательными.

От некоторых качественных глаголов (*dàgbà* 'быть старым, взрослым', *darúgbó* 'быть старым', *yadí* 'быть глухим', *wóp* 'быть дорогим, любимым', *bíni* 'быть злым' и др.) имена прилагательные не образуются. Определения в данном случае передаются определительными придаточными предложениями, в которых качественный глагол выступает в функции сказуемого: *ƆmƆkonrin kan tí ó bíni tóbó* (L.G.) 'Человек один, который он [есть] злой, идет' (глагол *bíni* 'быть злым'). Атрибутивное сочетание «злой человек» можно выразить на йоруба только посредством определительного придаточного предложения.

Признаками прилагательных обладают непроеизводные слова типа *gere* 'хороший', *róboto* 'круглый', *lala* 'большой', 'великий' и др. (Некоторые из них, хотя и имеют редуцированную форму, но не являются производными от глаголов, потому что соответствующих им качественных глаголов в языке не имеется.) Эти слова в предложении употребляются в роли определений или при наличии связки образуют именные составные сказуемые: *Tabili róboto ní* (L.G.) 'Стол круглый есть'; *Tábìlì róboto wà nibi* (L.G.) 'Стол круглый находится здесь'.

Среди слов с качественным значением имеется также группа слов типа *pupa* 'быть красным', 'красный'; *tútù* 'быть холодным', 'холодный'; *dúú* 'черный', 'быть черным'; *dídè* 'связанный', 'быть связанным'; *funfun* 'белый', 'быть белым'. (Некоторые из них образованы путем дубликации от односложных, первообразных глаголов: *funfun* — от *fun* 'быть белым'; *dúú* — от *dú* 'быть черным'.) Эти слова в одной и той же неизменяемой форме могут выступать как в функции сказуемых, так и в функции определений или при наличии связки в роли именной части составного сказуемого: *Fílà pupa wà nibi* (L.G.) 'Шалка красная находится здесь'

(функция определения); *Fìlà yì rira* (L.G.) 'Шалка эта [есть] красная' (функция сказуемого); *Fìlà rira ni* (L.G.) 'Шалка красная есть' (функция именной части составного сказуемого).

Образование этих слов путем редупликации, способность выполнять функции определения или выступать в роли именной части составного сказуемого, а также указание на признак предмета, содержащееся в их семантике, позволяет отнести слова этого типа к именам прилагательным. Однако их способность выступать в функции сказуемых без связки дает основание и для отнесения их к глаголам.

Поскольку вне речевого контекста принадлежность этих слов к той или иной части речи установить невозможно, мы считаем, что справедливее было бы выделить их в особую группу так называемых переходных категорий слов, которые могут классифицироваться и как имена прилагательные и как глаголы в зависимости от контекста, в котором проявляются те или иные их признаки.

В разграничении имени прилагательного и имени существительного трудность заключается в том, что посредством редупликации образуются многие отглагольные имена существительные со значением отвлеченного качества и некоторые из них могут полностью совпадать по своей форме с именами прилагательными (например: *gíga* 'высота' и 'высокий' < *ga* 'быть высоким'; *rírò* 'мягкость' и 'мягкий' < *rò* 'быть мягким' и др.). Единственным критерием их разграничения опять-таки остается синтаксический. Однако в связи с тем, что имя существительное в йоруба может так же, как и прилагательное, выступать в функции определения, этот критерий оказывается ненадежным. Так, в следующем примере невозможно определить, исходя из синтаксического критерия, к какой части речи отнести слово *gíga*: *A rí òkè gíga* (L.G.) 'Мы видим гору высокую' (функция определения), хотя другой возможный случай употребления ясно указывает на то, что *gíga* —

имя существительное: *Gíga yi kà bā mí lérà* (I. G.) 'Высота эта не пугает меня'.

Тем не менее функция определения более типична для имени прилагательного, чем для имени существительного. Поэтому слова, выступавшие преимущественно в функции определений, следует рассматривать как имена прилагательные; слова, выступающие главным образом в функциях подлежащих и дополнений, — как имена существительные.

В некоторых случаях слова, образованные посредством редупликации от глаголов, могут иметь различия в характере самой редупликации или в оттенках лексического значения. Так, *kékeré* 'миленький' является прилагательным, образованным от глагола *kéré* 'быть миленьким'. Соответствующего редуплицированного существительного, полностью совпадающего с ним по форме и значению, нет. Имеется существительное *kíkéré*, соответствующее ему по значению («миленький человек», «существо» и пр.), но отличающееся характером редупликации. Другое имеющееся существительное *kékeré* совпадает с прилагательным по форме, но обладает иным оттенком значения — «детство».

Помимо редуплицированных имен прилагательных, имеется группа прилагательных, четко отличающихся как от имен существительных, так и от глаголов. Эти прилагательные образуются от существительных посредством префиксов *on-* и *al-* и употребляются только в функции определений или именной части составных сказуемых (например: *alágídí* 'упрямый' < *al-* + *agídí* 'упрямство').

Словообразование имен прилагательных

Наиболее продуктивный способ образования имен прилагательных — редупликация. посредством удвоения первого слога глагольной основы или всего глагола в целом образуются от глаголов большое количество качественных имен прилагательных: *áwá* 'быть сладким, приятным' — *ááwá* 'сладкий', 'приятный'; *gáá* 'быть высоким, длинным' — *gígáá* 'высокий', 'длинный';

ri 'быть грязным' — *riṛi* 'грязный'; *iṛ* 'быть прямым, ровным' — *iṛiṛ* 'прямой', 'ровный' и т.п.

Помимо редупликации, имена прилагательные образуются путем префиксации. Наиболее продуктивным префиксом прилагательных является префикс *ā-*. Посредством *ā-* от глаголов или других прилагательных образуются прилагательные с антонимичным значением: *wāra* 'поспешный', 'стремительный' — *āwāra* 'неторопливый', 'спокойный'; *dūrɛ* 'благодарить' — *ādūrɛ* 'не стоящий благодарности'; *ɕu* 'круглый' — *āɕu* 'некруглый'; *kā* 'считать' — *ākā* 'бесчисленный'; *kɔ* 'строить' — *ākɔ* 'недостроенный' и т.п.

Прилагательные производятся от глагола также при помощи префикса *ala-*. Значение производного прилагательного антонимично значению производящего глагола: *bɛru* 'бояться' — *alaibɛru* 'бесстрашный'; *kú* 'умирать' — *alaikú* 'бессмертный'; *ɛbó* 'зреть', 'поспевать' — *alaigbó* 'незрелый' и т.п.

Оба эти префикса, видимо, восходят к одной форме, на что указывает их одинаковое значение, а также наличие параллельных форм прилагательных с тем и другим префиксом (*alaibɛru* и *āibɛru* 'бесстрашный').

Продуктивными префиксами прилагательных являются также префиксы *on-* (в своей основной форме и в фонетических вариантах) и *al-*, посредством которых прилагательные образуются от имен существительных: *onlɔn* 'огненный', 'пламенный', 'горячий' < *oní + inɔn* 'огонь'; *olókun* 'сильный' < *olí + okun* 'сила'; *olúborí* 'победоносный' < *olú + ðorí* 'победа'; *alɔdɔn* 'трудолюбивый' < *alá + ɔn* 'прилежание', 'усердие'; *alɔdɔdɔbára* 'разноцветный', 'пестрый' *alɔlɔgɔbára* 'индивид', 'особенный, своеобразный человек' и т.д.

Имена прилагательные иногда образуются посредством словосложения, однако этот способ широкого распространения не имеет: *alaibɛru-ɔlɔru* 'безбожный', 'неблагочестивый', 'не поющий в бога' < *alaibɛru* 'бесстрашный' + *ɔlɔru* 'бог'; *ɛlɛsɛmɛrin* 'четвероногий' < *ɛlɛsɛ* 'пешеход' + *mɛrin* 'четыре'.

Степеней сравнения, выраженных синтетически, имя прилагательное не имеет. Идея сравнения может выражаться особой конструкцией при помощи глагола *jù* 'превосходить', 'превышать' или сочетанием глаголов *jù + lq* 'идти', а также описательно, всем контекстом.

Глаголы *jù* и *jù...lq* в сочетании с именами прилагательными или с качественными глаголами образуют своеобразные аналитические конструкции, передающие либо идею сравнения каких-либо качеств или признаков, либо выражающие высокую степень какого-то качества.

Глагол *jù* обычно ставится после слова, выражающего качество или признак, и имеет значение «слишком», «очень» («слишком много» или «слишком мало»); *o kéré jù* 'он мал слишком' ('он мал слишком') ('он очень мал'): *ó pẹ̀ jù* (Abr., 353) 'этого слишком много' ('этого очень много') и т.п.

Глагольное сочетание *jù...lq* структурно представляет собой двойной сложный глагол, образованный посредством двух первобразных глаголов. При выражении сравнения он может употребляться как в сочленном, так и в расчленном виде. В самостоятельном употреблении глагол *jùlq* не встречается.

Когда *jù...lq* употребляется в расчленном виде, *jù* ставится перед словом, обозначающим объект сравнения, а *lq* следует за этим словом, т.е. объект сравнения расщепляет его на составные компоненты; *Ojo gun jù Aina lq* (W, 172) 'Оджно выше (больше) Айны': *ṣugbọ́n o tobi ju málú lq* (Alawize, 5) 'но он больше коровы'.

Когда *jù...lq* употребляется в сочленном виде (*jùlq*), он ставится после слова, обозначающего качество или признак, и выражает идею высокой степени какого-то качества или признака, а иногда — наивысшей степени: *aṣq mǎ dára jùlq* (W, 172) 'одежда та красивая очень (чрезвычайно)': *Ẹ̀yíí ńfẹ́n jùlq* (Abr., 353) 'этот [есть] самый дорогой'.

Значение наивысшей степени качества может быть выражено описательно, чаще всего двумя (или несколькими) предложениями, в которых *jù...lɔ* может выступать в сочленном или расчлененном виде, а в качестве объекта сравнения употребляется местоимение *gbogbo* 'все' или сочетание местоимения *gbogbo* с личным местоимением *niwɔn* 'они': *o dāra jùlɔ o dāra jù gbogbo lɔ* (L.G.) 'она красивая чрезвычайно, она красивее всех'; *Ojo kɔ l'o gɛn jùlɔ nɛn gbogbo niwɔn* (W, 172) 'Эго же Оджо, он самый высокий среди них всех'.

Таким образом, наличие *jù* и *jù...lɔ*, употребляемых для выражения степени качества, еще не свидетельствует о существовании категории сравнения у имен прилагательных. Категорией можно считать отношение или систему синтетических или аналитических форм, противопоставленных друг другу по значению. Глаголы *jù* и *jù...lɔ* такой системы не образуют.

Местоимение

В языке йоруба имеется богатая система местоимений. В систему местоимений входят: личные местоимения (выступающие в двух формах — субъективной и объективной); притяжательные (также имеющие две формы — простую и абсолютную); возвратные; отрицательные (единая форма для всех лиц); указательные, вопросительные и неопределенные. Категория грамматического рода местоимениям не свойственна.

Личные местоимения

Личные местоимения йоруба в зависимости от той функции которую они выполняют в предложении, могут выступать в двух формах — субъективной и объективной.

Субъектной формой мы называем форму личных местоимений, в которой они выступают в предложении в качестве подлежащего:

Единственное число	Множественное число
1-е л. $\grave{e}ti, to, ng$ 'я'	$\grave{a}wa, a$ 'мы'
2-е л. $\grave{i}w\phi, o$ 'ты'	$\xi yin, \phi$ 'вы'
3-е л. $\grave{d}il, \acute{o}$ 'он', 'она', 'оно'	$\acute{a}w\phi, w\phi$ 'они' ¹⁸

Первые (полные) формы $\grave{e}ti, \grave{i}w\phi, \acute{d}il, \acute{a}wa, \xi yin, \acute{a}w\phi$ употребляются в тех случаях, когда подчеркивается субъект предложения (эмфатическое употребление). В большинстве случаев употребляются вторые (сокращенные) формы. Форма 1-го лица единственного числа ng употребляется главным образом при глаголах, стоящих в будущем времени, хотя строгой закономерности в этом не соблюдается ($\grave{e}ti \gamma\acute{o} l\phi \sim ng \acute{o}l\phi$ 'я пойду'). Форма ng может также употребляться с глаголами в отрицательной форме ($ng \grave{o} \acute{f}\acute{e} l\phi$ 'я не хочу идти'). Сокращенная форма to с глаголами в будущем времени и с глаголами в отрицательной форме, как правило, не употребляется.

Объектной формой мы называем производные формы личных местоимений, в которых они выступают в функции дополнений (с предлогом или без предлога).

Для всех лиц единственного и множественного числа (кроме 3-го лица единственного числа) объектные формы образуются от соответствующих субъектных посредством отсечения начального гласного: $\grave{e}ti \angle ti; \acute{a}wa \angle wa$ и т.д. (во втором лице отсекается начальный гласный и полугласный w : $\grave{i}w\phi \angle \phi$).

Единственное число

1-е л. mi 'меня', 'мне', 'мной', 'обо мне' и т.д.

2-е л. ϕ 'тебя', 'тебе' и т.д.

¹⁸ Некоторые авторы дают иное написание местоимений $ng, \acute{d}il$ и $w\phi$: ni или n (вместо ng), on (вместо $\acute{d}il$), $liw\phi$ (вместо $w\phi$).

Множественное число

1-е л. *ka* 'нас' ...

2-е л. *yin* 'вас' ...

3-е л. *wɔn* 'им' ...

Объектная форма 3-го лица единственного числа исторически также образована от субъектной формы *ɔm*. Однако на образование этой формы решающее влияние оказал закон эвфонической ассимиляции или гармонии гласных, характерный не только для языка йоруба, но и для других африканских языков (тви, эфик, зулу, суахили и др.). Видимо, первоначальная объектная форма произносилась как носовой (*ɔ̃*) или близкий к нему звук, причем произносился этот звук недостаточно отчетливо. В быстрой речи неясный носовой звук стал уподобляться на основе регрессивной ассимиляции предшествующему гласному. Такими гласными оказывались конечные гласные глаголов, которым в каждом конкретном случае полностью уподоблялась объектная форма местоимения, т.е. *ó n̄ i* 'он видит его'; *ó ɾà a* 'он покупает его'; *ó wò o* 'он смотрит на него' и т.д. Таким образом, в современном языке объектная форма 3-го лица единственного числа выступает в виде того или иного гласного — *a*, *e*, *ɛ*, *o*, *ɔ*, *u*, употреблению которого определяется конечным гласным звуком глагола, стоящего перед местоимением. Примеры: *ɛmí pɛ é* 'я позвал его (eo)'; *ɛmí íf é* 'я наклонил его (ee)'; *ɛmí bɔ́ o* 'я укрыл его (eo)' и т.д.

Если глагол оканчивается на носовой гласный, местоимение также представляет собой соответствующий носовой гласный: *ɛmí /ín n̄* 'я дал ему (ei)'.

Глагол определяет не только сам гласный, являющийся местоимением, но и тон гласного: если конечный слог глагола имеет высокий тон, местоимение сохраняет средний тон — *ɛmí ká a* 'я подобрал его (ee)'; если конечный слог глагола имеет средний тон, то местоимение получает высокий тон — *ɛmí pa é* 'я убил его (ee)'; если же конечный слог глагола имеет низкий тон, то местоимение опять по отношению к нему имеет более высокий тон,

т.е. произносится в среднем или в высоком тоне: *èti pè é* 'я позвал его (ее)'; Примеры: *ìwɛ ʃɛ ɛ* 'тебе нравится он (она, оно, это)'; *ó yí í* 'он поворачивает ее (его)'; *àwɛn ɔd ó* 'они думают это'; *èti kà a* 'я подсчитал это'; *àwa lù ú* 'мы бьем ее (его)'.

Та же тональная закономерность обычно прослеживается в местоимениях других лиц: *ó pè wɛn* 'он позвал их'; *èti kɔ wɛn* 'я научил их' и т.д.

Притяжательные местоимения

Притяжательные местоимения имеют следующие формы:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>mi</i> 'мой', 'моя', 'мои', 'мое'	<i>wa</i> 'наш', 'наша', 'наше'
2-е л.	<i>ɛɛ</i> 'твой', 'твоя', 'твое', 'твои'	<i>yín</i> 'ваш', 'ваша', 'ваше'
3-е л.	<i>ɛɛ</i> 'его', 'ее'	<i>wɛn</i> 'их'

Примечание. В текстовом материале было зафиксировано несколько случаев употребления формы *on* (вариант написания *òw'ón*) в роли притяжательного местоимения («его»):

Nwɛn lɔ si ɔdɔ Elempe baba iya on (Т.К., 20) 'Они пошли к Элемпе, отцу матери его'.

Формы 2-го и 3-го лица единственного числа (*ɛɛ* и *ɛɛ*) различаются только тональной характеристикой: местоимение 2-го лица произносится в среднем тоне; местоимение 3-го лица — в низком тоне.

Формы притяжательных местоимений множественного числа (*wa*, *yín*, *wɛn*) и форма 1-го лица единственного числа совпадают с соответствующими формами личных местоимений в объектной форме, но отличаются по синтаксической роли, сочетаемости с другими частями речи и значению: личные местоимения в объектной форме выступают в предложении в роли прямых или косвенных дополнений и стоят после глаголов-сказуемых; притяжательные местоимения выполняют в предложении роль определений и стоят после существительных, которые они определяют: *ol' mi* 'голова

моя'; *ɔɪn pɛ ti* 'он позвал меня'; *awɔn ɔtɔ yɪn* 'дети ваши'; *ɛti rɪ yɪn* 'я видел вас'.

Притяжательные местоимения имеют также абсолютные формы: *tɛmi* 'мой', 'моя', 'мое', 'мой'; *tɪrɛ* 'твой', 'твоя', 'твое', 'твой'; *tɪrɛ* 'его', 'ее'; *tiwɔ* 'наш', 'наша', 'наше', 'наши'; *tiyɪn* 'ваш', 'ваша', 'ваше', 'ваши'; *tiwɔn* 'их'.

Абсолютные формы местоимений множественного числа (*tiwɔ*, *tiyɪn*, *tiwɔn*) и форма местоимения 1-го лица единственного числа (*tɛmi*) исторически образовались от личных местоимений при помощи форманта *ti* (*ti* является грамматическим показателем, выражающим принадлежность; значение его соответствует значению русского родительного падежа, передающего идею принадлежности, или значению английского предлога *of*). В современном языке формант *ti* для выражения принадлежности употребляется редко). Местоимение 1-го лица единственного числа образовано за счет выпадения у показателя *ti* гласного *i* (*ti+tɛmi* < *t'ɛmi* < *tɛmi*). Местоимения множественного числа — *tiwɔ*, *tiyɪn*, *tiwɔn* образованы за счет выпадения начального гласного местоимения (*ti+ɔwa* < *ti'wa* < *tiwa*; *ti* *ɣyɪn* < *ti'yɪn* < *tiyɪn*; *ti+ɔwɔn* < *tiwɔn*). Абсолютные формы местоимений 2-го и 3-го лица единственного числа образованы при помощи форманта *ti* от неабсолютных форм притяжательных местоимений: *ti+tɪrɛ* < *tɪrɛ* 'твой'; *ti+tɪrɛ* < *tɪrɛ* 'его'. Эти две формы отличаются друг от друга только по тонам, с которыми произносятся их слоги: в форме 2-го лица *tɪrɛ* первый слог имеет низкий тон, второй — средний; в форме 3-го лица *tɪrɛ*, наоборот, первый слог произносится в среднем тоне, второй — в низком.

Употребление абсолютных форм является обязательным, если имя существительное, к которому относится притяжательное местоимение, в предложении не выражается, а только подразумевается: *O si paʃɛ ki nɔwɔn kɔ ɪla si ɔpa awɔn ijoye rɛ ɔn nɔ kɔ tɪrɛ* ' (Т.К., 22) '...И он приказал, чтобы они рисовали знаки на теле вождей его, он сам нарисовал свои [знаки]'; или, например, в предложениях типа *Tɪtani lɔwɛ yɪ?* *Tɛmi ni* 'Чья это книга? Моя'.

Употреблению неабсолютных форм в подобных предложениях невозможно.

Если существительное выражено в предложении, при нем могут употребляться как абсолютные, так и неабсолютные формы местоимений: *ilé rɛ = ilé ù rɛ* 'дом твой'; *ɔtɔ wa = ɔtɔ ti wà* 'ребенок наш' и т.п.

Лично-возвратные местоимения

Лично-возвратные местоимений йоруба имеют сложную структуру: посредством сложения морфемы *ùkára*¹⁹ 'сам', 'сама', 'само' и соответствующего притяжательного местоимения в неабсолютной форме образуются сложные слова — *ùkárãti* 'я сам', 'я сама' (букв. 'сам мой'), *ùkárẽ* 'ты сам', 'ты сама'; *ùkárũrè* 'он сам', 'она сама', 'оно само'; *ùkárũwa* 'мы сами'; *ùkárũyin* 'вы сами'; *ùkárũwon* 'они сами'.

Эти местоимения могут относиться только к субъекту действия, в предложении они всегда следуют за подлежащим: *èti ùkárãti ɛ e* 'я сам сделал это'; *dun ùkárũrè lɔ sibɛ* 'Он сам пошел туда'.

Морфема *ùkára* может подвергаться фонетическим изменениям и выступать в формах *ùkála* (*r* переходит в *l*) и *ùkàà* (выпадение *l*).

Примечание. В текстовом материале было зарегистрировано несколько случаев употребления указательного местоимения *nã* 'тот' в функции лично-возвратного местоимения: *On nã si mura* (Т.К., 22) 'И он сам приготовился'; *(i) si paɛɛ ki nwɔn kɔ ila... on nã kɔ tirè* (Т.К., 22) 'И он приказал, чтобы они нарисовали знаки... он сам нарисовал свои [знаки]'.

¹⁹ Как самостоятельное слово *ùkára* в современном языке не употребляется.

Относительное местоимение языка йоруба *íí*, 'который' не изменяется ни по родам, ни по числам, ни по лицам.

Посредством *íí* присоединяются к главным придаточные определительные предложения. В придаточных определительных *íí* выступает или в роли подлежащего или в роли дополнения. Примеры: *Ata íí o fi s'obẹ̀ yí rẹ̀ jù* (W, 140) 'Перец, который ты положил в суп этот, сильный очень'; *Bọ́ọ́a eleyi jẹ́ ọ́kọ́n nínú ohun tí ó jẹ́kí awoń Ọ́yọ́ le Ajuani kuro...* (Т.К., 19) 'Может быть, это было одной из причин, которая (она) позволила людям Ойо изгнать Аджуана прочь'; *igi íí mońrù* (Ab., 637) 'дерево, которое я несу'.

Если *íí* является подлежащим придаточного предложения, а подлежащее главного предложения (к которому относится *íí*) выражено местоимением или существительным, после *íí* в придаточном предложении обычно употребляется личное местоимение, которое выступает в той же синтаксической функции, что и *íí*: *Ẹ́fẹ́n jẹ́ ẹ́ranko tí ó dàbí màlũ gẹ́gẹ́* (Alawiyẹ, 5) 'Буйвол есть животное, которое (оно) походит на корову очень'; *Ọ́ba bí ẹ́ru tí ó tí mi ọ́tí yó kí ó sọ́ ọ́rúńr ọ́yá on fun on* (Т.К., 20) 'Король просил раба, который (он) выпил напиток, чтобы он произнес имя матери его для него'.

Из приведенных выше и аналогичных им примеров становится очевидным, что в придаточном предложении *íí* и личное местоимение (в соответствующем лице и числе) являются двумя однородными подлежащими. Видимо, потому, что они выполняют совершенно аналогичные функции и синтаксически равноценны, они могут стягиваться в одно слово. Такое стяжение, или слияние, происходит за счет выпадения гласных: *íí + ó = íó* 'который он, она, оно'; *íí + ẹ́ = íẹ́ẹ́ (íẹ́)* 'которые вы'; *íí + à wa = íàà (íà)* 'которые мы' и т.д.

Стяжение не является обязательным и может происходить не со всеми личными местоимениями — для местоимений 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа стяжение невозможно: *íímo* 'который я'; *ííàwoń* 'которые они'.

Если подлежащее главного предложения выражается не местоимением, а именем существительным, то в придаточном предложении после *íí* употребление личных местоимений не обязательно, однако возможно употребление слившихся форм: *qđún íí mbò* (Abg., 637) 'год, который приходит (наступает)' или: *qđún íó mbò* (Abg., 637).

Если подлежащее главного предложения выражается именем существительным во множественном числе, то в придаточном предложении, помимо *íí + wqn*, может употребляться сочетание *íí* с местоимением единственного числа 3-го лица *ó* или форма *íó*, образованная в результате слияния *íí* и *ó*: *àwqn qkùnpín íí wqn wá=àwqn qkùnpín íó wá* (Abg., 173) 'люди, которые (они) пришли'; *Awqn wqnúí wà láín awqn enia íí o ngbe Sudan di oni yí* (Т.К., 2) 'Они (эти) есть среди людей, которые населяют Судан до настоящего времени'.

Если подлежащее главного предложения выражается личным местоимением *èní* (1-е лицо, единственное число, эмфатическая форма), то в придаточном предложении возможны три варианта: 1) употребление после *íí* неэмфатической формы личного местоимения 1-го лица единственного числа *ta*: *èní íí to nkqwé* (Abg., 637) 'я, который я пишу письмо'; 2) употребление слившейся формы *ta*: *éni íó nkqwé* (Abg., 637); 3) употребление *íí* без последующего местоимения: *èní íí nkqwé* (Abg., 637) 'я, который пишу письмо'.

Примечание. Последний случай употребления *íí* можно объяснить тем, что эмфатическая форма местоимения *èní* исторически происходит от существительного *èní* со значением «личность», «лицо».

Если подлежащее главного предложения выражено сочетанием двух местоимений (например, *èní atí òun* 'я и он' или *èní atí èyín* 'я и вы' и т.п.), в придаточном предложении употребляется форма *íáá* (*íá*), образованная в результате слияния *íí* и личного местоимения 1-го лица множественного числа *àwa(a)* 'мы': *èní atí òun íáá lq* (Abg., 637) 'я и он (которые + мы) пошли'.

Местоимение *ii* употребляется не только для связи придаточных предложений с главными. В исследованном материале нами было зарегистрировано большое количество примеров, в которых *ii* выступало в роли «заместителя» имени существительного, упомянутого ранее: *Ede Yoruba yio tã yatq si ti Qyq* (Т.К., 4) 'Язык йоруба будет отличаться от [языка] Ойо'. В данном предложении вместо существительного *ede* 'язык' употребляется его «заместитель» *ti* (*ti Qyq*). *Bakannã ni Yoruba Qyq ati ti Ibadan* (Т.К., 4) 'Одинаковы (есть) йорубы Ойо и [йорубы] Ибадана'; вместо *Yor uba Ibadan* употребляется *ti Ibadan* и т.д.

Указательные местоимения

Указательные местоимения имеют следующие формы: в единственном числе — *ɔyi* или *yí* 'этот', 'эта', 'это'; *ɔyíyí* 'этот самый', 'эта самая', 'это самое'; *nì* или *nã* (*náà*) 'тот', 'та', 'то'; во множественном числе — *wɔnyí* или *ìwɔnyí* 'эти'; *wɔnni* 'те'.

Формы *yí*, *nì*, *wɔnyí* и *wɔnni* обычно употребляются в качестве определений и ставятся после существительных: *ìwé nì* 'книжка та', *awɔn qmde wɔnyí* 'дети эти', *enì yí* 'человек этот' и т.д.

Когда указательные местоимения выступают в роли подлежащего или дополнения, то употребляются формы, начинающиеся с гласного: *ɔyi kɔ dára* 'это нехорошо'; *ìwɔnyí kɔ rɔn* 'эти (они) не созрели'; *tani ɔyi?* 'кто это?'; *Alani ni* 'это Алани'.

Местоимение *nã* обычно относится к тому, о чем была уже речь, или к тому, что подразумевается: *Ṣugbɔn, ibo ni qba nla nã ku si?* (Т.К., 8) 'Однако, где король великий тот умер?'

Вопросительные местоимения

К вопросительным местоимениям относятся: *tani* или *tali?* 'кто?', *kíni* или *kíli?* 'что?', *títani* 'чей', 'чья?', 'чьё?', 'чьи?', *ɔwo?* 'который?', 'какой?'.

Вопросительные местоимения ставятся в начале вопросительных предложений. В местоимениях *tani* и *kíni* конечные *i*, как

правило, выпадают, в особенности, если следующее за ними слово начинается с гласного: *kil'ó wí?* = *kíli ó wí?* 'что он говорит?'; *íamí mǎ níbè?* 'кто там?'; *kil'ó nǎe?* 'что ты делаешь сейчас?'; *émo níáa nǎa?* 'какой из них?' и т.д.

Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения по своему происхождению связаны частично с именами прилагательными, частично с числительными и частично с местоимениями других групп.

Местоимения *kan*, *ɛníkan* 'некто', 'некий', 'некоторый', 'какой-то', 'кто-то' *èkéjì* 'кто-либо другой' или 'что-либо другое', *téjèjì* 'оба', 'обе', *ɛníkɛni* 'некоторые', 'кто-либо' происходят от числительных *kan*, *ókán* 'один', *éjì* 'два'; местоимение *ɛyíkeyi* 'какой-либо', 'что-либо' происходит от указательных местоимений; местоимения *gbogbo* 'весь', 'вся', 'все', 'всё' и *díɛ* 'немногие', 'несколько' — от прилагательного и существительного (*gbogbo* 'целый', 'целостность'; *díɛ* 'немногие', 'некоторые').

К неопределенным местоимениям относятся также *ohunkóhun* 'все что', 'какой бы ни', 'любой', 'чтобы ни'; *ɛlòmíràn* 'другой', 'кто-то'; *olúkúlúkù* 'все', 'каждый'. Примеры: *Gbogbo awɔn ti o fɛràn rɛ ba a wí, ɛugbɔn ko gbo, nitorinǎ, ɛníkɛni korira rɛ* (Alawíye, 5) 'Все они, которые любили его, укоряли его, но он не слушал, поэтому некоторые возненавидели его'; *Elomíràn mǎ iwé, ɛlòmíràn kò sí mǎ* (G.B., 32) 'кто-то грамотный, кто-то неграмотный' (букв. 'кто-то знает книгу, кто-то не знает'); *Ohunkóhun ti o ba ɛe, ɛe e gere* (G.B., 32) 'Все, что ты делаешь, делай хорошо'.

Неопределенного местоимения со значением «никто» в языке йоруба не существует. В этом значении употребляется сочетание *kò sí ɛníkan* (букв. 'не есть кто-то').

Числительное

По принципам образования и структуре числительные являются наиболее сложной частью речи в языке йоруба. По значению числи-

тельные делятся на количественные и порядковые. Порядковые числительные образуются от количественных посредством префиксации.

Количественные числительные в пределах первого десятка представляют собой слова различных корней:

ḡkqṇ (kqṇ), ení	'один'	éṣà	'шесть'
éjì	'два'	éje	'семь'
éta	'три'	éjǫ	'восемь'
éṣin	'четыре'	ṣṣqṇ	'девять'
àṣín	'пять'	ṣwàá (ṣwá)	'десять'

Этимология этих десяти числительных, на основе которых образуется большинство остальных числительных, почти не выяснена. По предположению английского лингвиста Р.Е.Деннета²⁰, формирование системы числительных языка йоруба связано с древними религиозными верованиями йорубов. Числительное ḡkqṇ происходит от имени существительного qkṇ (или qkàn), которое означает «дух», «божество». Числительное ení, употребляемое наряду с ḡkqṇ, также происходит от имени существительного enia (enìòṇ) со значением «существо». Числительное àṣín, по мнению Деннета, образовано из сочетания двух существительных ara + ḡṣín, которое буквально означает «тело бога». От существительного ḡṣín 'бог', 'божество' происходит также числительное ogún 'двадцать'. Числительное igba 'двести' образовано от существительного igba, которое означает «время», «период». Происхождение остальных числительных остается неясным.

Числительные в пределах второго десятка (кроме числительного ogún 'двадцать') являются производными, образованными по принципу сложения или вычитания, а именно: для образования

²⁰ См. R.E. Dennet, *How the Yoruba count*, - «Journal of the African society», vol. XVI, 1917, pp. 242-250, vol. XVII, 1917, pp. 60-71.

числительных от одиннадцати до четырнадцати к числительному $\dot{\xi}wàá$ 'десять' прибавлялась соответствующая цифра; для образования числительных от пятнадцати до девятнадцати, наоборот, из числительного $ogún$ 'двадцать' вычиталось соответствующее число, при этом в словах происходили значительные фонетические изменения.

Так, числительное $\acute{o}k\grave{h}\grave{n}l\grave{a}á$ (или $\acute{o}kanl\grave{a}$) 'одиннадцать' разлагается на $\acute{o}k\grave{h}\grave{n} + l\grave{a}á$, где $l\grave{a}á$ представляет собой результат сложения глагола $lé$ 'прибавлять', 'превосходить' и числительного $\dot{\xi}wàá$ 'десять': $lé + \dot{\xi}wàá \leftarrow le\acute{e}wàá$ (после выпадения срединных e , $\acute{e}$ и $w \leftarrow l\grave{a}á$). Таким образом, буквальное значение $\acute{o}k\grave{h}\grave{n}l\grave{a}á$ — «один — прибавить — десять».

Аналогичным путем образовались числительные $\acute{e}j\grave{i}l\grave{a}á$ 'двенадцать' («два — прибавить — десять»), $\acute{e}t\grave{a}l\grave{a}á$ 'тринадцать' («три — прибавить — десять»), $\acute{e}r\grave{i}nl\grave{a}á$ 'четырнадцать' («четыре — прибавить — десять»).

Числительные от пятнадцати до девятнадцати были образованы на основе вычитания из двадцати (глагол $dín$, употребляемый при образовании этих числительных, значит «уменьшить», «сократить», «вычесть»): $\acute{e}r\grave{i}nl\grave{a}á$ 'шестнадцать', образовано из трех корневых слов — $\acute{e}r\grave{i}n$ 'четыре' + $dín$ 'вычесть', 'сократить' + (l) $ogún$ 'двадцать', т.е. «четыре вычесть из двадцати»; $\acute{e}t\grave{a}l\grave{a}á$ 'семнадцать': $\acute{e}t\grave{a}$ 'три' + $dín$ 'вычесть' + (l) $ogún$ 'двадцать'; $\acute{e}j\grave{i}l\grave{a}á$ 'восемнадцать': $\acute{e}j\grave{i}$ 'два' + $dín$ + (l) $ogún$; $\acute{o}k\grave{h}\grave{n}l\grave{a}á$ 'девятнадцать': $\acute{o}k\grave{h}\grave{n}$ 'один' + $dín$ + (l) $ogún$.

В числительном $\acute{e}f\grave{f}dogún$ 'пятнадцать' произошли более сложные фонетические изменения. По утверждению Р.Абрахама²¹, это числительное образовалось следующим путем: от корня $dín$

²¹ C. Abraham, *Dictionary of modern Yoruba*, p. XXXIII.

сохранился только начальный согласный и вместо ожидаемого корня *àrùh* употребляется морфема *èé*, которая представляет собой устаревшую форму слова со значением «раз» (в современном языке это слово самостоятельно не употребляется).

Числительные от двадцати одного до двадцати четырех образуются на основе аналогичного прибавления соответствующей цифры к числительному «двадцать» (*òkònéléógún* 'двадцать один', *éjiléológún* 'двадцать два', *ètàléológún* 'двадцать три', *èrìnléléológún* 'двадцать четыре'); числительные от двадцати пяти до двадцати девяти образуются на основе вычитания соответствующего числа из тридцати (*èédògbòh* 'двадцать пять'; *èrìndínlógbòh* 'двадцать шесть', *ètàdínlógbòh* 'двадцать семь', *èjídínlógbòh* 'двадцать восемь', *òkòndínlógbòh* 'двадцать девять').

Аналогичным путем образуются все составные числительные свыше тридцати (от тридцати одного до тридцати четырех и от тридцати пяти до тридцати девяти и т.д.).

Числительное *ogójì* 'сорок' образовалось на основе другого принципа — из сочетания *ogún éjì*, которое означало «двадцать, взятое дважды».

Аналогично образованы и другие числительные, кратные двадцати, т.е. шестьдесят, восемьдесят и сто: шестьдесят — *ogún éta*; восемьдесят — *ogòòrín* < *ogún érin*; сто — *ogòòrùh* или *òrùh* (сокращенная форма) < *ogún àrùh*.

Четные числительные, кратные десяти, т.е. пятьдесят, семьдесят, девяносто, образуются по принципу вычитания десяти соответственно из шестидесяти, восьмидесяти и ста — *àádòòta* 'пятьдесят' (восходит к *àádín ogòòta* букв. 'десяток, взятый из шестидесяти'; слово *èwàá* 'десяток', 'десять' редуцируется в *àá*), *àádòòrín* 'семьдесят', *àádòòrùh* 'девяносто'.

Числительные свыше ста представляют собой еще более сложные образования, поскольку они подвергались очень сильным фонетическим изменениям, однако принципы их образования остаются прежними (т.е. или принцип сложения и вычитания или, если число является кратным двадцати, повторение числительного «двадцать»

определенное количество раз). Например, сто четыре — *ḡrīn lē igḡḡḡā* (принцип сложения); сто шестьдесят — *ogḡḡḡiq < ogūp ḡḡḡ* (букв. 'двадцать, взятое восемь раз'); сто пятьдесят — *ḡḡḡḡḡiq = ḡḡḡḡ ogḡḡḡiq* (букв. 'десяток, взятый из ста шестидесяти') (принцип вычитания) и т.п.

Числительное «двести» обозначается неизводным простым корневым словом *igba*. Это числительное лежит в основе образования числительных свыше двухсот, например, числительные, кратные двумстам (кроме *īlīmō* 'четыреста'), образуются как двести, взятое соответствующее число раз: *egbḡḡta* 'шестьсот', *igba ḡta* 'двести, взятое три раза'; числительные, не кратные двумстам, образуются путем вычитания из кратных одной сотни.

Таким образом, хотя система количественных числительных в целом представляется очень сложной и громоздкой, тем не менее можно установить, что в основе этой системы лежат три указанных выше принципа (сложение, вычитание или повторение какого-то числа определенное количество раз), причем для числительных, имеющих в основе десятки, промежуточным или связующим числом является пять; для числительных, имеющих в основе двадцатки, связующим числом является десять; для числительных, имеющих в основе двести, связующим числом является сто; для двух тысяч — тысяча и т.д. Однозначные числительные составляют основу исчисления. В составных числительных, образованных по принципу сложения или вычитания, исходными числами являются числительные в пределах первой пятерки.

В процессе своего образования числительные подвергались различным фонетическим изменениям, которые происходили по двум основным направлениям: выпадение звуков (гласных и согласных) или звуковые ассимиляции по благозвучию. Значительные изменения происходили и в тоновой структуре. В ряде случаев в результате очень сильных фонетических изменений этимологию числительных трудно или невозможно проследить.

Разобранные нами количественные числительные употребляются при счете, т.е. самостоятельно, не сочетаясь с существи-

тельными. При сочетании с существительными количественные числительные употребляются в тех же формах, но числительные от двух до девятнадцати при этом получают префикс *m-*, например: *ìwé tɛ̀jì* 'две книги', *ìwé tɛ̀ʒàɸ̀n* 'девять книг', *ìwé tɛ̀ɸ̀n lā́ á* 'четырнадцать книг' (в этих сочетаниях числительное выполняет роль обычного определения и следует за существительным). Числительное *q̄kɸ̀n* 'один' в сочетании с существительным обычно употребляется в краткой форме (*kɸ̀n*) и без префикса *m-*: *ìwé kɸ̀n* 'одна книга'. Числительные, кратные десяти, ста и тысяче, при сочетании с существительным префикса *m-* не принимают, причем в таких сочетаниях числительное предшествует существительному: *ogún ìwé* 'двадцать книг', *áádɸ̀q̄ɸ̀n ìwé* 'семьдесят книг', *ogbòje ìwé* 'сто сорок книг', *ɛ̀gbɛ̀ta ìwé* 'шестьсот книг'. В многозначных сложных числительных свыше ста и до ста восьмидесяти пяти при сочетании с существительными префикс *m-* присоединяется к первому корневому числительному, существительное предшествует числительному: *ìwé tɛ̀ɸ̀n lé lógɸ̀òʒɛ̀q̄n* 'сто восемьдесят четыре книги'. В числительных от ста восьмидесяти пяти до ста девяноста девяти префикс *m-* присоединяется к последнему корневому числительному: *ìwé q̄gq̄ʒàq̄n ólé tɛ̀ʒà* 'сто восемьдесят шесть книг'. Начиная от ста девяноста до двухсот пятнадцати существительное вставляется в сложное числительное между первым и вторым корневыми числительными: *igba ìwé ódín tɛ̀wáá* 'сто девяносто книг'. В составных числительных от двухсот пятнадцати и далее префикс присоединяется к последнему корневому числительному (за исключением числительных, оканчивающихся на единицу, или кратных десяти, ста и тысяче, которые вообще префиксов не присоединяют; существительные или предшествуют числительному или ставятся после первого корневого числительного: *ìwé okdò léé rúgba ódín tɛ̀ɸ̀n* 'двести шестнадцать книг', *ɸ̀ɸ̀dún rún ìwé ólé kɸ̀n* 'триста одна книга' и т.д.).

Порядковые числительные по функции и месту в предложении сходны с именами прилагательными: они являются опре-

длительными и следуют за существительными, к которым они относятся. Порядковые числительные образуются от количественных посредством префиксов ξh или $\dot{\xi}h$ ($\dot{\xi}h$): $\dot{\xi}kiní$ 'первый', $\dot{\xi}kejì$ 'второй', $\dot{\xi}k\acute{\xi}ta$ 'третий', $\dot{\xi}k\acute{\xi}rin$ 'четвертый', $\dot{\xi}karùh$ 'пятый' и т.п.

Префиксы $\dot{\xi}h$ и $\dot{\xi}h$ — фонетические варианты префикса ξh , которые образовались на основе действующей в языке гармонии гласных. В данном случае происходило согласование гласных по принципу закрытости, т.е. если в корне количественного числительного, от которого образовалось данное порядковое, имелся закрытый гласный, например i — $ení$, $\acute{\epsilon}jì$, то при присоединении префикса этот гласный сужался: $\xi \rightarrow e$ (или i). Таким образом, возникли формы с префиксом $\dot{\xi}h$ (или $\dot{\xi}h$): $\dot{\xi}kiní$ 'первый', $\dot{\xi}kejì$ (или $\dot{\xi}kejì$) 'второй', $\dot{\xi}keje$ (или $\dot{\xi}keje$) 'седьмой'. Если же корневой гласный числительного был открытым, то гласный префикса сохранялся без изменения ($\dot{\xi}k\acute{\xi}ta$ 'третий' — от $\acute{\xi}ta$ 'три', $\dot{\xi}karùh$ 'пятый' — от $\grave{a}rùh$ 'пять', $\dot{\xi}k\acute{\xi}fà$ 'шестой' — от $\acute{\epsilon}fà$ 'шесть' и т.д.). Впоследствии, по аналогии с формами $\dot{\xi}kejì$, $\dot{\xi}keje$, для числительных с открытым ξ также стали употребляться параллельные формы с префиксом $\dot{\xi}h$ ($\dot{\xi}karùh$, $\dot{\xi}k\acute{\xi}ta$), однако формы с префиксом ξh более употребительны.

Только числительные, обозначающие десятки, имеют одинаковую форму для количественных и порядковых числительных — $ogùh$ 'двадцать' и 'двадцатый', $qgbòh$ 'тридцать' и 'тридцатый', $ogóji$ 'сорок' и 'сороковой', $\acute{a}\acute{a}\acute{d}\acute{d}\acute{q}\acute{q}ta$ 'пятьдесят' и 'пятидесятый', $qg\acute{q}\acute{q}ta$ 'шестьдесят' и 'шестидесятый', $\acute{a}\acute{a}\acute{d}\acute{d}\acute{q}\acute{q}rin$ 'семьдесят' и 'семидесятый', $qg\acute{q}\acute{q}rin$ 'восемьдесят' и 'восемьдесятый', $\acute{a}\acute{a}\acute{d}\acute{d}\acute{q}\acute{q}rùh$ 'девянносто' и 'девянностый', $qg\acute{q}\acute{q}rùh$ (сокр. $\dot{q}rùh$) 'сто' и 'сотый'. Примеры: $\dot{i}wé \dot{\xi}karùh$ 'книга пятая', $qmq\ ogùh$ 'ребенок двадцатый'.

При сочетании порядковых числительных с существительными возможно их полное слияние с существительным или их непосредственное примыкание к существительному, при котором начальный гласный префикса выпадает, например: $\acute{a}j\acute{a}k\acute{\xi}ta$ 'собака третья'. Однако такое слияние необязательно, поэтому возможны

две параллельные формы: *ajá ðkɛta* (или *ìkɛta*) и *ajákɛta*. С числительными, обозначающими десятки, такого слияния вообще не происходит, поэтому встречается только одна возможная форма: *ajá ogún* 'собака двадцатая', *ajá qgbòn* 'собака тридцатая' и т.д.

Приведенные примеры количественных и порядковых числительных свидетельствуют о том, что основными путями образования числительных является префиксация и словосложение (или словосложение, осложненное префиксацией). В этом отношении числительные имеют принципиальную структурную общность с другими частями речи языка йоруба.

Наречие

Наречия в языке йоруба, как и в других языках, выражают признак признака и в предложении сочетаются с глаголами, прилагательными или другими наречиями. По значению они распадаются на следующие группы: наречия времени (*lóni* 'сегодня', *nígbdyí* 'теперь', *lọla* 'завтра' и т.д.), места (*níbè* 'там', *níbi* 'здесь' и пр.), образа действия (*dàradàra* 'хорошо', *yárayàra* 'быстро', *gǎn* 'точно' и т.д.), причины или следствия (*nitorinā* 'поэтому'), степени (*rátarátá* 'полностью', 'целиком', *féřè* 'почти'), количества (*lóròlórò* 'много', *dię* 'немного', 'слегка', *léraléla* 'неоднократно', 'повторно' и т.д.).

Так, если наречие относится к непереходному глаголу, оно обычно стоит непосредственно за ним: *O wa kiakia* (Delanq, LXVI) 'Он пришел быстро' или выносится на конец предложения: *Emi yio lq lola dajudaju* (Delanq, 58) 'Я уеду завтра наверняка'.

Наречие выполняет функцию обстоятельства. Его место в предложении зависит от того слова, с которым оно сочетается.

Если наречие относится к переходному глаголу, оно ставится после существительного или местоимения, выступающего в роли прямого дополнения: *Mo tọ Jesufu dajudaju* 'Я знаю Джозефа хо-

рошо' (букв. 'определенно'); *Ng ko ni i rara* (W, 154) 'Я не видел его совсем'.

Наречия образа действия и степени могут предшествовать глаголу-сказуемому: *Niŋŋ fεrε subu sinu koto* (W, 152) 'Они едва не упали в ров'. В этом случае, если глагол имеет при себе временные и видовые показатели или отрицательные частицы, наречия иногда ставятся после некоторых показателей непосредственно перед глаголом: *Mo a tete wa lpla* (Delanq, LXXI) 'Я быстро приду завтра'; *Mo ti tete wa* (ibid.) 'Я быстро сходил'; *Ng ko o tete wa* (ibid.) 'Я не приду быстро'; *O ti fεrε pa a* (W, 152) 'Он едва не убил его'. Видовой показатель *n̄/m̄* никогда не отделяется от глагола и наречия обычно предшествуют ему: *Mo tete nwa* 'Я быстро прихожу' (Delanq, LXVI). Показатель *mā* в большинстве случаев также не отделяется от глагола, хотя случаи отделения возможны: *Eti a tete mā wa* 'Я буду обычно быстро приходить' (Delanq, LXVI), но *Mo ti mā tete wa* 'Я обычно быстро приходил' (Delanq, LXVI).

Структурно наречия йоруба могут быть разделены на непроизводные (*gān* 'точно', *ní* 'раньше', 'прежде') и производные (*níbé* 'там', *rátarátá* 'полностью', 'целиком').

Большинство производных наречий образовано при помощи редупликации и словосложения; некоторые наречия образуются путем лексикализации словосочетаний. Способом редупликации от глаголов, прилагательных или наречий других групп образованы, в частности, наречия образа действия: *wàgawàgà* 'быстро', 'поспешно' (*wàrà* 'спешить'), *wérewéwé* 'скоро', 'быстро' (*wéwé* 'скоро', 'быстро'), *dájúdájú* 'определенно', 'наверняка' (*dájú* 'определенный', 'ясный').

Некоторые из наречий, произведенных при помощи редупликации, могут полностью совпадать по форме с качественными прилагательными и различаться только по своей синтаксической роли в предложении, например, слово *dáradára* (*dára* 'быть хорошим') в одних предложениях выступает то как наречие — *O sùn dárádára*

(W, 151) 'Он спал хорошо' (выполняет функцию обстоятельства, сочетается с глаголом), то как прилагательное — *ęşin dárádára* (Abr., 127) 'лошадь хорошая' (выполняет функцию определения, сочетается с именем существительным). В таких случаях имена прилагательные могут иметь вторую параллельную форму, образованную также редупликацией, но иного характера: *dídára* 'хороший'.

Способом словосложения образовано большинство наречий времени и места. Этимология наречий этого структурного типа очень прозрачна, и их значение определяется суммой значений компонентов: *níhín* 'здесь' (*ní* 'в' + *ihín* 'место это', букв. 'в месте этом'); *níbẹ̀* 'там' (*ní* 'в' + *ibẹ̀* 'место то', букв. 'в месте том'); *sílẹ̀* 'вниз', 'внизу' (*si* 'в' + *ilẹ̀* 'земля', букв. 'в землю'); *lókẹ̀* 'вверх' (*li* 'в' + *ðkẹ̀* 'верх', 'верхушка'); *lóni* 'сегодня' (*li* 'в' + *ðní* 'сегодня' (*li* 'в' *oni* 'сегодняшний день') и т.д.

Способом лексикализации словосочетаний образованы такие наречия, как *nígbdàgbogbo* 'всегда' (*ní* 'в' + *igbà* 'время' + *gbogbo* 'все'); *níbdòmíròṅ* 'где-то', 'где-нибудь' (*ní* 'в' + *ibẹ̀* 'место' + *òmíròṅ* 'другое'); *báyí* 'так', 'таким образом' (*bá* 'встречать', 'находить' + *eyí* 'этот') и т.п.

В некоторых случаях наречия образуются посредством редупликации в сочетании со словосложением и с инфиксацией соединительного элемента: *nígbdàkígba* 'часто' (*ní* 'в' + *igbà* 'время' + *ki* + *igbà* 'время').

Особую структурно-семантическую группу наречий составляют ономастопозитические слова, передающие впечатление от внешнего образа предмета или действия (слуховое, зрительное, моторное, осязательное и т.п.). Фонетическая форма этих наречий, содержащая определенные элементы звукоподражания, усиливает, подчеркивает или как-то оттеняет идею, выраженную словами, к которым они относятся. По значению ономастопозитические наречия можно считать наречиями степени или качества.

Структурно они в большинстве случаев состоят из двух идентичных частей, поскольку образуются посредством редупликации: *rúsúrúsu* 'очень', 'сильно', *gínín* 'очень' и др.

Своеобразие ономастопозитических наречий проявляется не только в их роли и значении, но и в сочетаемости с другими словами. В отличие от прочих наречий они обладают связанным лексическим значением и могут сочетаться с прилагательными, глаголами или наречиями, обладающими только определенной семантикой. Так, например, наречия *gògò* и *gókírókí* могут сочетаться только со словами *rón* 'быть красным или оранжевым' и *ripa* 'красный', 'алый', характеризуя оттенок цвета: *o ripa gògò* = *o rón gògò* 'оно красновато-оранжевого цвета с золотым отливом'; *o rón gókírókí* 'оно светло-оранжевое'. Наречие *rúsúrúsu* также сочетается только с этими словами, характеризуя степень цвета: *o rón rúsúrúsu* 'оно (это) очень красное'. Наречие *gògò* может еще сочетаться с прилагательным *dón* 'блестящий' или с глаголом *dón* 'блестеть', 'сиять', играя роль усилителя значения: *o dón gògò* 'он очень блестящий' или 'он блестит ярко, сильно'.

Сфера употребления таких наречий очень узка. Каждое наречие может сочетаться с двумя или несколькими словами, а иногда только с одним словом — прилагательным, глаголом или другим наречием. Например, наречие *fiófió* сочетается обычно с глаголом *ga* 'быть высоким', подчеркивая степень высоты: *igi nã ga fiófió* ('G.B., 56) 'дерево это высокое очень'.

Наречие *rérééré* может сочетаться только с прилагательным *ré* 'законченный', 'полный', 'целый'. Значение этого наречия усиливает идею «законченности»; например, предложение *O ré ré réré* ('Abr., 548) означает «он полностью (целиком) закончен».

Наречие *biri-biri* может относиться только к прилагательному *xi* 'темный' или к глаголу *xi* 'темнеть'; наречие подчеркивает степень темноты: *O xi biri-biri* 'Стало совсем-совсем темно (очень-очень темно)'.

Наречие *béré-béré* сочетается только с прилагательным *dúdu* 'черный' или глаголом *dúdu* 'быть черным', *o dúdu héré-béré* 'это очень черное' или 'это густо черное'.

Наречие *gbàgàda* 'ясно' сочетается только с глаголом *tútù* 'объяснять', 'толковать', например: *Ó tútù òrò yìí gbàgàda* (Abr., 657) 'Он объяснил это слово ясно'.

Наречие *rin-rin* сочетается только с прилагательным *wúwo* 'громоздкий', 'тяжелый', подчеркивая степень тяжести: *Ó wúwo rin-rin* (Abr., 674) 'Он (она) очень тяжелый (громоздкий)'.

Наречия *jan-jan* и *giri-giri* сочетаются с прилагательным *gbónó* 'теплый', 'жаркий' и с глаголом *tún* 'сиять', 'светить', 'палить' (о солнце) и употребляются в следующих предложениях в значении «очень», «чрезвычайно»: *O gbónó giri-giri* (Abr., 247) 'Очень тепло, очень жарко' (о погоде); *Òrùn tún jan-jan* (Abr., 429) 'Солнце палит, ослепляет'. С глаголом *tún* 'светить', 'сиять' (о лампе, костре и пр.) употребляется другое наречие *jòjò* с аналогичным значением «очень ярко», «сильно»: *O tún jòjò* (Abr., 652) 'Она (лампа) светит ярко'.

Наречие *ráú-ráú* 'полностью', 'совершенно' сочетается с тремя глаголами — *sq* 'разбивать', 'ударить', *jó* 'гореть', 'сжигать' и *pa* 'убивать', 'уничтожать', например: *Ó sq igbá yìí ráú-ráú* (Abr., 221) 'Он разбил эту бутылку вдребезги; *Igi yìí jó ráú-ráú* (Abr., 349) 'Это дерево сгорело дотла'; *Pa wón ráú-ráú* (Abr., 537) 'Убей их — уничтожь'.

Наречие *níní* сочетается с прилагательным *tútù* 'холодный' и глаголом *tútù* 'быть холодным' и употребляется в значении «очень», «чрезвычайно» в предложениях типа: *Ó tútù níní lóóní* (Abr., 658) 'Очень холодно сегодня', и т.п.

Подобных наречий довольно много. Из приведенных примеров видно, что они однотипны по форме и выполняют аналогичные функции в предложении. Являясь наречиями с усилительным значением, они выполняют функции обстоятельств образа действия. Сочетаясь со словами, обозначающими признак или качество, они показывают степень проявления этого качества или признака. Принцип строго ограниченной лексической сочетаемости является

специфической чертой данной группы слов и не характерен для других частей речи языка йоруба.

Междометие

Характерной чертой языка йоруба является его высокая эмоциональность и экспрессивность. Различные оттенки чувств и переживаний передаются не только интонацией и мелодикой высказываний, но и посредством ряда междометных выражений, широко распространенных в языке.

Междометия йоруба характеризуются своеобразной тонкой окраской; многие из них произносятся со скользящим тоном. Например, при выражении удивления или испуга употребляются междометия: *jɛ́l*, *ɔ́l*, *páì*, *ɛmɔ́l*, *hɛ̀rɔ̀*, *ẽrɔ̀*, *ẽrɔ̀gíràl*, *kinlál*

Отвращение выражают междометия: *ɛ̀ɔ́l*, *ɛ̀iyɔ́l*

Досаду или раздражение:

Hoɓ (*hɔɔɔ*) — междометие, с которым обычно обращаются к какому-то лицу с вопросом или, наоборот, отвечают на чей-то вопрос.

Ora! — обозначает категорическое подтверждение, согласие, клятву.

O! — означает положительный ответ на предложение (соответствует русским выражениям «решено!», «ладно», «хорошо!»).

Hówì или *Náwì* — междометия, передающие различные оттенки чувств или переживаний в зависимости от ситуации (удивление, нетерпение, уступку, радость, торжество и пр.). При выражении удивления или восхищения употребляются также междометия *káàl* *gbáàgàl* *ìòòl*. На русский язык их можно перевести выражениями «подумать только!» или «можете себе представить!»

Некоторые междометия образованы посредством лексикализации словосочетаний, подвергшихся фонетической редукции. Например, междометия, выражающие просьбу или приказание соблюдать тишину: *aióíõ* (*aióíóó*) (букв. 'шума довольно!') или *kagbóhùn*! образовано из сочетания 'дайте нам ухлышать глос'. Междоме-

тно, с которым обычно обращаются к высокопоставленным лицам: *Kábídy's í!* (букв. 'пусть жизнь продлится').

В приветствиях часто употребляется междометное восклицание *õ*, *ɛ ku*, которое образовалось из сочетания *ɛ ò a kú* 'вы не умрете'. Например; *Õ, ɛ ku āro!* (*ɛ k'arq*) 'Доброе утро!'; *Õ ɛ ku rɔle* 'Добрый вечер!'.

Можно привести еще один пример очень своеобразных междометий. Это междометные выражения, употребляющиеся при передале чувства презрения или пренебрежения. Они представляют собой образования редуплицированного характера типа: *bóto-bòto! káṣa-káṣa!, bāṣa-bāṣa!* и т.п. В этих сочетаниях не столько сами звуки, сколько тоны, с которыми произносятся слоги, имеют значение: в них обязательно первый слог произносится с высоким тоном, второй — со средним, третий — с низким и четвертый — со средним. Это тональное строение сохраняется для них неизменным, тогда как их звуковой состав может варьироваться (*báti-bàti báto-bàto - bára-bàra - ráda-ràda - réde-réde - rádi-ràdi - sába-sàba - kála-kàla - káti-kàti*). На русский язык эти междометные восклицания могут быть переведены словами «чепуха», «пустяки», «ерунда».

Служебные слова

Служебные слова языка йоруба составляют категорию несамостоятельных слов, которые противопоставляются знаменательным словам — частям речи. Характерным признаком служебных слов является их неспособность выступать самостоятельно в качестве членов предложения. Назначение служебных слов в языке сводится к выражению различных смысловых отношений между знаменательными словами; они служат средством связи знаменательных слов между собой или для связи предложений.

К служебным словам йоруба относятся предлоги, союзы, глаголы-связки, модальный глагол *lẹ̀*, отрицательные и вопросительные глагольные частицы. Своеобразным видом служебных слов

можно также считать видо-временные и модальные глагольные форманты. С одной стороны, они обладают признаками морфем, поскольку они не имеют знаменательного значения, выполняют в языке исключительно формообразовательные функции и самостоятелно, вне сочетаний с глаголами, не существуют. Некоторые из этих показателей (*l' / m', mǎ*) обладают признаками морфем префиксального характера, поскольку они не могут быть отделены от глагола другими словами (показатель *l' / m'* во всех случаях, при этом в большинстве источников он даже пишется слитно с глаголом; показатель *mǎ* — в некоторых случаях). Следовательно, по своей роли в языке они равнозначны формативам знаменательных слов. Тем не менее они не настолько тесно смыкаются с глагольной основой, чтобы образовывать синтетические формы глагольного спряжения (какие образуют личные окончания глаголов во флективных языках). Относительная подвижность, т.е. возможность отделения их от глаголов наречиями свидетельствует о том, что глагольные форманты обладают какими-то признаками слов, хотя и лишенных вещественного значения. Выполняя в языке чисто служебную роль, глагольные форманты представляют собой элементы аналитических форм глагола, употребляемые для выражения тех или иных грамматических значений.

Предлоги в языке йоруба представлены двумя структурными типами: первообразные (непроизводные) и производные. К первообразным относятся односложные предлоги: *ni (li)* 'в', 'к', *si* 'к', 'в', *bá* 'с', *dè* 'для', *dé* 'в', 'на', 'к', *ṣún* 'для', *mó* 'против' и другие. К производным относятся предлоги: *lábẹ* 'под', *níwaju* 'перед', *lára* 'в', 'среди'; *lẹ́hìn* 'сзади', *lọ́ju* 'перед'; *lágbedetẹ̀jì* 'между', *lóri* 'на', *lọ́wọ* 'от' и др.

Большинство производных предлогов этимологически представляет собой сочетание первообразных предлогов и существительных: *lọ́ju* 'перед' (*li + ojú* 'глаз', букв. 'в глазу'), *lẹ́tí* 'около', 'рядом' (*li + etí* 'ухо', букв. 'в ухе'), *lẹ́hìn* 'сзади' (*li +*

ḡhín 'спина'), lǎ́ín (lǎ̀án) 'среди', 'между' (lì + à̀án 'середина', 'центр'), lóri 'на' (lì + orí 'голова') и т.д.

Предлоги служат для связи именных частей речи с глаголами и между собой. В зависимости от того, какого рода отношения выражают предлоги, их можно разделить на ряд групп: предлоги, служащие для выражения пространственных отношений *ḡni* (lǐ) 'в'; 'к', lǎ́i 'от', 'из', lé́í 'около', lǎ́e 'под' и т.д.; предлоги, выражающие временные отношения (lǎ́igbà 'во время', 'в течение', é́lè 'после'); предлоги, выражающие целевые отношения (dè 'для', fún 'для'); причинные (nílorí 'из-за', 'в связи') и другие отношения. Примеры: *O rà ìwé kan dè mi* (G.B., 60) 'Он купил книгу одну для меня'; *O ba mi lq lana* (G.B., 60) 'Он со мной ходил вчера'; *O kqrin fun mi* (G.B., 60) 'Он пел для меня'.

Отличительной особенностью первообразных предлогов *nì* (lì) и *sì* является возможность слияния их с именем существительным, к которому они относятся. Гласный *i* этих предлогов опускается и предлог непосредственно примыкает к существительному (на письме предлог отделяется от существительного апострофом): *Ó wá n ile* 'Он пошел домой'; *O fi i s'idi igi* (W, 131) 'Он положил это под деревом' (букв. 'к подножию дерева'); *O lu mi l'ori* (W, 132) 'Он ударил меня по голове'. Слияние не является обязательным, поэтому сочетания *nì ile*, *lì ori* и т.д. также употребительны.

Разница между предлогами *nì* и *lì* чисто фонетическая: перед существительными, начинающимися с гласного *i*, и перед существительными иностранного происхождения употребляется предлог *nì* (*nì ilú* 'в стране', *nì m̀r̀t̀d̀* 'в автомобиле'); перед остальными существительными употребляется предлог *lì* (*lì ɛ́ni* 'во рту', *l'óju* 'в глазу').

Союзы йоруба делятся на две группы — сочинительные и подчинительные. Каждая из групп в зависимости от характера связи в свою очередь делится на ряд частных подгрупп. Сочинительные союзы служат для связи однородных членов предложения.

Для связи предложений служат как сочинительные, так и подчинительные союзы.

В группу сочинительных союзов входят соединительные: *ati* 'и', *si* 'и', *rɛlɛ* 'и', *ɔn* (он) 'и', 'да'; разделительные: *tabi* 'или', *ki...*, *bɛni ki* 'и... и'; противительные: *ʒɛgbɔn* 'но', 'однако', *sibɛ* 'тем не менее', 'все же', 'однако'.

Союз *ati* употребляется как для соединения отдельных членов предложения, так и предложений: *Ni igbà atijɔ Ijara ati Ɔkɛrɛ jɛ ɔrɛ* (Alawiye, 13) 'В давние времена черепаха и белка были друзьями'.

Союз *ati* может сокращаться в *ti...*: *Bayi ni nwɔn sɛ ti gbogbo wɔn fi ra ara rɔ...* (Т.К., 4) '...Так они делали, и все они объединились...'.

Союз *si* обычно употребляется для связи предложений, при этом он занимает особое место. Он ставится не между двумя предложениями, а во втором предложении обычно после подлежащего: *O ni dwo teji ni ori rɛ b si ni ráákò ni ɛsɛ* (Alawiye, 5) 'Он имеет два рога на голове своей, и он имеет копыта на ногах'; *O dara tobɛ gɛ o si jɛ iyawo qba* (Т.К., 9) 'Она была очень красивой и она была женой короля'.

Если сказуемое второго предложения выражается глаголом с видо-временными формантами или отрицательными частицами, союз *si* может быть поставлен после отрицательной частицы или глагольного форманта и таким образом оказывается внутри сказуемого: *Ɔdɔran ɔjɔ ní in ɛsɛ ni ibiti baba nla wɔn ti wa, nwɔn ko si le gba ibiti Oduduwa ba wa lɔ...* (Т.К., 5) 'Девяносто дней ходьбы было [от] места, [в котором] предок их был, и они не могли выбрать дорогу, [по которой] Одудува пришел...'.

Союзы *rɛlɛ* и *ɔn* употребляются для соединения отдельных слов, при этом они преимущественно соединяют имена существительные: *ɔbɛ ata dɔn ɛrɔn ló* (Alɔ., 494) 'суп из перца и мясной суп'.

Примеры на другие сочинительные союзы: *Ɔkɔnrin ni tabi obɔnrin ni?* (Alɔ., 628) 'Это мужчина или женщина?'; *Nwɔn si mbɛ Asin iti, ʒɛgbɔn kò gbɔ* (Alawiye, 14) 'И они долго просили крысу, но она

их не слушала'; *síbɛ̃, kò dára* (Абр., 590) 'однако, это не хорошо (все же это не хорошо)'.

К подчинительным союзам относятся: временные (*bí* 'когда', 'после', *nígbaàí//ígbaàí* 'когда', *njɛ* 'тогда', 'потом', 'после', *ki* 'прежде', 'до того, как'); причинные (*nítóɾí* 'потому что', 'из-за', 'благодаря', *nítóɾíi* 'потому что', 'так как', 'поскольку', *nítóɾipe* 'так как'); условные (*bí* 'если', *bíkɔ́ɛ, bíkɔ́ɛbí* или *bí kɔ́ɛɛ* 'пока не', 'кроме, как'); уступительные (*bótilɛ̃* 'хотя', 'даже если'); сравнительные (*bí* 'как'); целевые (*pé kí* 'чтобы'); следствия (*nítóɾína* 'поэтому').

Примеры на подчинительные союзы: *Bi o ti ri mi o sare lɔ* (W, 167) 'Когда он увидел меня, он убежал'; *Nigbati mo lɔ si Ifɛ mo lɔ s'ile Qba* (W, 165) 'Когда я поехал в Ифе, я зашел в дом Оба'; *O jɛ ɛranko ti o lewu rɪpɔ fup awɪp ɔdɛ nitoripe o le fi dwo rɛ kan enia pa* (Alawiye, 5) 'Он является животным очень опасным для охотников, потому что он может одним своим рогом убить человека'; *Bi o ba dàbi irɔ, ki ɔba ranɛɛ lɔ pɛ e* (Alawiye, 8) 'Если ему это кажется неправдой, пусть король пошлет позвать ее'; *O fɛran rɛ bi mo ti fɛran rɛ* (G.B., 65) 'Он любит тебя, как я любил тебя'.

Структурно союзы, так же как предлоги, могут быть непроеводными (*si* 'и', *ɔn* 'и', *ati* 'и', *bí* 'если') и производными, образованными посредством словосложения (*nítóɾí* 'потому что' < *ní* 'в' + *itoɾí* 'причина') или путем лексикализации словосочетаний (*nígbaàí* 'когда' = *ní* 'в' + *igba* 'время' + *í* 'которое').

К глаголам-связкам относятся *ní* 'быть', *jé* 'быть' и *ɛe* 'быть'. В отличие от самостоятельных глаголов *ɔd* 'быть' (в смысле «существовать») и *bɛ* (с тем же значением) эти глаголы не могут самостоятельно выполнять функции сказуемых²². Например: *O jɛ alejo* (W, 136) 'Он есть незнакомец'; *O ɛe alaisi* (W, 136) 'Он есть мертвый'; *Awa tɛfa ní* (W, 134) 'Мы шестеро есть'.

²² Глагол *ní* иногда может употребляться в функции сказуемого со значением «иметься, находиться», однако такие случаи не часты.

Глагол *ni* в отличие от *je* и *ge* может употребляться не только в функции грамматической связи. Очень часто он служит для выделения того или иного члена предложения, получая таким образом стилистическую, а не грамматическую нагрузку. В таком эффатическом употреблении *ni* ставится непосредственно за тем словом, которое выделяется, причем само выделяемое слово может быть вынесено в начало предложения. Иногда при помощи *ni* выделяется целое придаточное предложение. Примеры: *Eti ni yio lo* (W, 144) 'Это я пойду' (букв. 'я есть пойду'); *Okunrin yi ni to ti lara* (W, 144). 'Это тот человек, (которого) я видел вчера'; *Teti ni lwe yi* (Авт., 435) 'Моя книга это'; *...bayi ni wun ge...* (Т.К., 4) '... так именно они делали...'

Синтаксис

Способы выражения связи слов в предложении

В связи с отсутствием в языке йоруба морфологической изменяемости слов (т.е. отсутствием склонения имен существительных и местоимений, согласования между именами существительными и прилагательными и т.п.) основным способом выражения синтаксических связей слов в словосочетаниях и предложениях оказывается порядок слов, употребление служебных слов или то и другое вместе. В устной речи в установлении синтаксической связи между словами решающее значение имеет интонация¹.

1 Вопрос об интонации как о средстве выражения синтаксической связи между словами, так же, как и вопрос об интонации предложения в языке йоруба, совершенно не разработан. Если вопросом тональности в языке йоруба (т.е. «интонацией» слова) занимались и продолжают заниматься некоторые исследователи, проблема интонации предложения и ряд проблем, связанных с ней (например, синтагматическое членение предложения), нигде и никем не разрабатывались.

Между компонентами словосочетаний языка йоруба обнаруживается сочинительная и подчинительная связь,

Посредством сочинительной связи связываются однородные члены предложения.

Подчинительная связь осуществляется способом управления и примыкания. Согласование, при котором подчиненное слово согласуется с подчиняющим в падеже, числе и роде, в йоруба не имеет места, поскольку в этом языке полностью отсутствуют формы изменения по падежам, родам и числам.

Управление выражается как связь подчиняющего слова с подчиненным посредством предлогов и при наличии определенного порядка расположения управляющего и управляемого слова. Примыкание является основным и наиболее типичным видом синтаксической связи слов. Оно осуществляется путем непосредственного соположения подчиненного и подчиняющего слова без каких-либо формальных показателей или изменений внутри слова.

Словосочетания, которые характеризуются тем или иным типом синтаксической связи, могут быть устойчивыми (существующими в речи как готовые лексические единицы или закрепленные фразеологические словосочетания, обладающие обычно идиоматичностью) и свободными (создающимися каждый раз по воле говорящего; их значение выводится из значения составляющих их слов).

К фразеологическим устойчивым словосочетаниям в йоруба относятся различные идиоматические выражения типа *inu mi dún* 'я доволен', 'я рад' (букв. 'живот мой радуется'); *álú ǵe mí* 'я сожалею', 'мне жаль' (букв. 'жалость делает меня'); *ǵun kún mí* 'мне хочется спать' (букв. 'сон наполняет меня'); *otútú mí* 'мне очень холодно' (букв. 'холод взял меня очень'); *ebi ra mí* 'мне хочется есть' (букв. 'голод убивает меня') и т.п. Например: *Inu awq̄n enia dun purq̄ lati ǵi i re o tun pada bq̄* (Т.К., 10) 'Люди ее рады были очень видеть (ее), что она снова вернулась обратно'.

Из свободных словосочетаний следует особо отметить широко распространенные атрибутивные сочетания, состоящие из двух или более имен существительных, непосредственно примыкающих друг к другу. Способ связи между компонентами таких сочетаний называется сопряженным состоянием. Смысловые взаимоотношения между компонентами определяются порядком расположения их по отношению друг к другу. Связь между компонентами может быть определительной, притяжательной, связью по принадлежности, связью целого по отношению к части и т.п., например:

iwé baba 'книга отца'; *ṣékọ́n omi* 'капля воды'; *ara oke Afrika* (Т.К., 5) 'горная часть Африки' (букв. «часть» + «гора» + «Африка»).

При постановке нескольких имен существительных в сопряженное состояние образуется цепь последовательного подчинения, т.е. второе существительное определяет первое, третье определяет второе, четвертое определяет третье: *ara ila ṣun Africa* (Т.К., 1) 'сторона линии солнца Африки' (т.е. восточная часть Африки); *iran awọ́n ọmọ́ Oduduwa* (Т.К., 2) 'потомки детей Оудуву'.

Имена существительные, находящиеся в сопряженном состоянии, могут иметь определения, выраженные другими частями речи (например, прилагательными, местоимениями, числительными), которые также входят в комплекс сложного атрибутивного сочетания, например: *baba-nla orilẹ́-ede awọ́n Yoruba* (Т.К., 3). Стержневым компонентом в этом именном словосочетании является *baba-nla*, состоящее из существительного *baba* 'отец' и прилагательного *nla* 'великий' ('отец великий', т.е. предок). Определением по отношению к нему является *orilẹ́-ede* 'нация', которое представляет устойчивое идиоматичное словосочетание, образованное посредством сложения двух существительных *orilẹ́* 'место происхождения племени или рода' и *ede* 'язык'. Оно в свою очередь определяется именем существительным в форме множественного числа *awọ́n Yoruba* 'йорубы'. Связь между *orilẹ́-ede* и *awọ́n Yoruba* является связью по принадлежности. Таким образом, все

сочетание в целом имеют следующее значение: «предок нации Йорубов».

Следует также особо отметить своеобразные словосочетания типа *omi tútù*, *fià dúdú* и т.п. (*omi* 'вода'; *tútù* 'холодный' и 'быть холодным'; *fià* 'шапка'; *dúdú* 'черный' и 'быть черным'). Своеобразие этих сочетаний заключается в возможности их двоякого толкования. В качестве вторых компонентов в них выступают слова, которые мы выделили в особую группу так называемых переходных слов на том основании, что они в одной и той же форме могут выступать как в функции сказуемых, так и в функции определений. Если исходить из того, что *dúdú* является глаголом-сказуемым, то все сочетание воспринимается как субъектно-предикативная конструкция и переводится «шапка есть (является) черная». Если же допустить, что *dúdú* — прилагательное-определение, то сочетание будет представлять собой атрибутивное сочетание со значением «черная шапка». Нередки случаи, когда характер и значение подобных сочетаний возможно определить только в более широком контексте, например:

Omi tutu le mu ki ofun tutu pupu (W, 73) букв. 'Вода холодная могла вызвать (причинить), чтобы горло было холодное очень'. Данное предложение — сложно-подчиненное. В главном предложении подлежащее — *omi*, сказуемое — *lè mú*; *tútù* — является прилагательным и выступает в роли определения к подлежащему *omi*. Никакое другое толкование в рамках данного контекста невозможно, поскольку при наличии сказуемого *lè mú* в данном предложении *tútù* нельзя истолковать как сказуемое, выраженное глаголом.

В придаточном предложении, наоборот, *tútù* выступает в роли сказуемого, выраженного глаголом со значением «быть холодным», «стать холодным», «холодить», но не в роли определения-прилагательного. В рамках этого предложения возможна только такая интерпретация, так как для каждого предложения йоруба обязательно наличие сказуемого.

Структура простого предложения

Характерной особенностью простого предложения в языке йоруба является его обязательная двусоставность. В любом, самом кратком нераспространенном простом предложении, обязательно наличествуют оба главных члена предложения — подлежащее и сказуемое. Если предложение имеет безличный характер, в нем обязательно присутствует грамматическое подлежащее, выраженное личным местоимением 3-го лица единственного числа *ó* 'он', 'она', 'оно', например: *ó gb'ré* *re...* 'слышно, что...' (букв. 'оно слышит, что...'); *ó dábi éni* *re...* 'кажется, что...' (букв. 'оно кажется человеку, что...').

Как указывалось выше, в языке йоруба отсутствует страдательный залог.

При передаче пассивных конструкций русского, английского и других языков в йоруба употребляется обычная активная конструкция, в которой деятель (если он выражен) является подлежащим в предложении, а лицо или предмет, испытывающий на себе его действие, — дополнением. Так, предложение «Та змея была убита Кехиндой» переводится на йоруба *Kékindé ni ó ra ejò nã* (букв. 'Кехинда — это она убивала змею ту'). Если же деятель не упоминается, в качестве формального подлежащего употребляется личное местоимение *a* (краткая форма от местоимения *àka* 'мы'), которое в данном случае не обозначает какое-либо конкретное лицо, а имеет обобщенное или неопределенно-личное значение ('кто-то', 'какое-то, некоторые люди'), например: «я люблю — меня любят» переводится на йоруба: *A f'èr'è* *ní*, букв. 'кто-то, какие-то люди любят меня'.

Иногда в роли грамматического подлежащего может выступать существительное *àká* в форме множественного числа: *a y'òr'á* *àká* 'люди': *A y'òr'á* *àká* *gò...* букв. 'люди говорят' ... или 'люди думают...'.

Поскольку в таких предложениях также не подразумевается соотнесения с какими-то конкретными лицами, их можно перевести русскими неопределенно-личными предложениями «говорят, что...» или «думают, что...»

Auqa òlía tò pé ìgbà fẹ̀nà yíó gbóná pàpọ́ l' qdán yí (L.L.) 'Думают, что лето это будет жарким очень в году этом'.

В предложениях назывного характера обязательно наличествует глагол *ní* 'быть', выступавший в роли сказуемого:

Ènì ní 'Я есмь'; *Ìsẹ́ ní* 'Книга есть' ('Это есть книга'); *Ẹgbọ́n ìq ní* (Т.К., 1) 'Но ошибка есть' ('Но это есть ошибка').

По цели высказывания предложения в языке йоруба могут быть повествовательными: *Qraṅṅa qba Ìlú ní ẹ̀ni kẹ́rín...* (Т.К., 2) 'Орангун, король Ила, был человеком четвертым...'; вопросительными: *Ẹ́e q ní ì l'ana?* (L, 41) 'Ты видел это вчера?'; побудительно-повелительными: *Má gbọ́!* (W, 146) 'Не слушай!'; восклицательными: *Ó kí q!* (L, 27) 'Добро пожаловать!' (букв. 'Он приветствует вас!').

Члены предложения

Подлежащее. В функции подлежащего чаще всего выступают существительные и местоимения. Имена существительные могут выступать в этой функции самостоятельно или в различных сочетаниях с другими частями речи, например, с прилагательными, местоимениями, числительными или другими существительными, которые являются определениями по отношению к самому подлежащему.

Ìbùsq mẹ́rínlá ní qnà ìbì tí nìsq nílátì sá ẹ̀rẹ nā gbà íó (Alawiye, 6) 'Расстояние в четырнадцать миль, которое они должны были пробежать, считалось достаточным' (букв. 'миль четырнадцать в дороге, где они должны бежать состязание то, считалось достаточным');

Qrq nira auqn baba nla yín ní (Т.К., 1) 'Слово о предках ваших есть'.

Igbimq ilu pataki ni Oyọ Mesi (Т.К., 6) 'Совет городских вождей есть Ойо Меси' (букв. 'совет города главных есть Ойо Меси').

Простое предложение может иметь два или несколько однородных подлежащих, но только одно сказуемое:

Erin, Ẹkun, Túrùkú, ati awọn ẹranko nla miran pẹlu rejo (Alawiyẹ, 6) 'Слон, леопард, кабан и другие большие животные собрались'.

Если с одним и тем же подлежащим связаны по смыслу два или несколько однородных сказуемых, то каждое из них образует свое самостоятельное предложение, в котором при данном сказуемом употребляется свое грамматическое подлежащее, выраженное личным местоимением в соответствующем лице и числе. Предложения соединяются соединительными союзами *si* 'или', *ati* (*ti*) 'и' в сложносочиненное предложение:

... *Qrānyan l' o ẓẹgun awọn ti o ti wà nibẹ tẹlẹ ti o gba ilẹ lq yanturu* (Т.К., 4) '... Ораньян — это он завоевал их, которые были там раньше, и он захватил земли огромные'; ... *Apāra san ti o jo ile rẹ ti o jo ọrọlọrọ iyaawo, ẹrú ati qmọ* (Т.К., 22) 'Гром ударил, и он сжег дом его, и он сжег многих жен, слуг и детей его'.

Из местоимений в роли подлежащего могут выступать личные местоимения в субъектной форме, вопросительные (*kíni* 'что?'; *kaní* 'кто?'), неопределенные (*kan*, *ẹ̀nìkan* 'некто', 'нечто' 'кто-то', и в придаточных определительных предложениях относительное местоимение *í* 'который'. Примеры:

ẹ̀nìkọ́n wá, ẹ̀nìkẹ̀jìí lq (Abr., 189) 'одни (букв. 'кто-то') пришли, другие ушли'; ... *ẹ̀nì kẹ́fà ní Oluporo qba awọn Porọ, ẹ̀nì kẹ́jẹ sí wá ní Qrānyan ti iṣe baba nla Alafin qba wọn Oyọ* (Т.К., 2) '...человек шестой был Олупопо, король Попов, и человек седьмой был Ораньян, который был предком алафина, короля Ойо';

В функции подлежащего может часто выступать инфинитив, обычно осложненный формантом *lati* (*ati* — фонетический вариант):

Ati ní eyiti o dara jù wọn nibikibi ní ode aiyẹ jẹ iṣoro (Т.К., 1) 'Найти эту, которая (она) прекраснее всех в мире, было трудно';

Orānyan ronu titi, ati pada sile jẹ iṣoro (Т.К., 5) 'Ораньян думал долго, возвратиться домой было трудно'.

Сказуемое. По составу сказуемые разделяются на два типа — простые и составные, которые в свою очередь разделяются на именные и глагольные.

Простые сказуемые выражаются первообразными или сложными производными глаголами в том или ином времени, виде или наклонении:

Nwọn mǎ nkọ ild oju (Т.К., 2) 'Они [обычно] рисуют лицевые знаки' (*кọ* 'рисовать', 'писать').

Ijara nkqrin bayi fun igbà pipẹ (Alawiye, 14) 'Черепашка пела так в течение долгого времени';

A ko mọ qba ti o jẹ qkọ rẹ yi gān (Т.К., 9) 'Мы не знаем короля, который (он) был мужем ее точно';

Olukọ ti lu ọmọ na (W., 86) 'Учитель побил ребенка того'.

Mo ti owo gbà (Abg., XXVI)¹ 'Я получил деньги' (*rigba* 'получать').

Составные именные сказуемые состоят из именной части и связки. В качестве связки могут выступать глаголы *jẹ*, *je* и *ni* 'быть'. Именная часть выражается именем существительным, именем прилагательным, местоимением, числительным или целым номинативным словосочетанием'.

Eniti o jẹ aṣaju awọn Yoruba ni iṣinajo nla ti a nsọrọ rẹ yi ni Oduduwa (Т.К., 2) 'Человек, который (он) был вождем йорубов в

¹ В последнем примере простое сказуемое выражено сложным двойным глаголом, который расщеплен дополнением на свои составные компоненты. Хотя сказуемое и состоит из двух частей, эти части однородны: они выполняют единую синтаксическую функцию и семантически выражают одно действие. Компоненты составных сказуемых всегда неоднородны (т.е. связка + именная часть или модальный глагол + инфинитив).

путешествии валиком, [q] которым мы говорим это, был Одудува' (имя существительное);

O ʒe enia (W, 136) 'Он есть человек' (имя существительное);

Pa jǐlala ni (W, 73) 'Город далекий есть' (имя прилагательное);

O jɛ okan pataki (W, 74) 'Она есть вещь дорогая' (сочетание существительного с прилагательным).

Как явствует из приведенных выше примеров, глагол-связка может предшествовать или следовать за именной частью. Обычно при выражении именной части существительным или сочетанием существительного с другими словами связка предшествует именной части сказуемого. В остальных случаях она обычно выносится на конец предложения. Глагол *ni*, употребленный в качестве связки, как правило, ставится после именной части.

Когда в роли сказуемого выступают глаголы с качественным значением (типа *dàgbà* 'быть старым', *wón* 'быть дорогим', *dídí* 'быть черным', *dagúgbó* 'быть старым', *gùl* 'быть высоким' и т.д.), они образуют сказуемое самостоятельно, т.е. без связки. В данном случае такие сказуемые являются не составными, а простыми:

Afo ti o wón ni (W, 73) 'Скатерть, которая она [есть] дорогая, имеется';

Piti wón ti wa jina (Т.К., 1) 'Место, [откуда] они пришли, [есть] далекое';

A o ti i re wón dara rirɔ (Т.К., 1) 'Мы увидим, что они [суть] красивые очень'.

Составные глагольные сказуемые выражаются посредством модального глагола *lè* или модальным сочетанием *ni láti* с инфинитивами:

A le ʒe àbùfo (Т.К., 1) 'Мы можем сделать предположение';

Nigbatì enia ba di Kakanfo, nini awón akan ti o nilati ʒe ni re ki o fa ori rẹ patakata (Т.К., 6) 'Когда человек становится Каканфо,

среди вещей, которые он должен делать, есть, чтобы он брил голову наголо';

O nilati jẹ pe niwọn ti ba awoṣe ọlẹ́jù pataki kan gbe pọ́ rí (Т.К., 1) 'Это должно быть, что они, которые с какими-то важными цивилизованными [племенами] жили, смешивались раньше'.

Дополнение. Дополнение выражается различными частями речи — существительными, местоимениями, инфинитивами или сочетаниями существительных с другими частями речи. Примеры:

Agada kò mọ́ oṣi alágbèḍḍe 'Меч не пощадит головы кузнеца' (поговорка);

Mo ti pe ọ́ (W, 86) 'Я позвал тебя';

Mo lu ilu rẹ́ yá (W, 83) 'Я разбил барабан его' (*lu... yá* 'разбивать', 'бить');

Awoṣe ijoye dọ́balẹ́ fun Ọba (W, 83) 'Вожди распростерлись (пали ниц) перед королем'.

Инфинитив в функции дополнения может выступать как с формантом *lái*, так и без него:

A ko le ẓiye teji gara lati wipe awoṣe Yoruba l'ọ́ ẹ́e uṣe (Т.К., 1) 'Мы не можем сомневаться совсем [в том, чтобы] сказать, что [это] йорубы сделали их';

Mo fẹ́ lẹ́, ẓigbọ́n ng ko rí aye lẹ́ (W, 102) 'Я хотел пойти, но я не нашел времени пойти'.

Дополнения в зависимости от характера синтаксической и семантической связи с глаголами могут быть прямыми и косвенными. Синтаксическая связь определяется местом дополнений в предложении и отсутствием или наличием предлогов, связывающих их с глаголами-сказуемыми. Этот вопрос подробно рассматривается в разделе о порядке слов в предложении.

Определение. Определение может выражаться различными частями речи — именами прилагательными, местоимениями, числительными, именами существительными и глаголами.

Существительные-определения занимают обычно постпозитивное положение по отношению к определяемому слову:

ede Yoruba (Т.К., 4) 'язык Йорубов' ('Йорубский язык'); *awqп ara Eḡṛi* (Т.К., 1) 'жители Египта' ('египтяне'); *igi-imú Ijara* (Alawiye, 14) 'нос черепахи'.

Определяющее имя по своим функциям и значению приблизительно соответствует значению индоевропейского *genitīvus partīvūs*. В большинстве случаев определяющее существительное непосредственно примыкает к определяемому без каких-либо показателей, синтаксические отношения определения и определителя выявляются только по их позиции. В очень редких случаях существительное-определение присоединяется к определяемому при помощи форманта принадлежности *ii* (*ii* иногда употребляется для выражения отношений по принадлежности; грамматическое значение этого форманта приблизительно соответствует значению русского родительного падежа или значению английского предлога *of*). Например: *aya ii qba* (G.B., 9) 'жена короля'; *bàbá ii Òjò* (Abg., 640) 'отец Оджо'. Однако такие случаи единичны, и языковой нормой является опущение *ii* (*bàbá ii Òjò* = *bàbá Òjò*). Даже когда в определительное сочетание входит не одно, а несколько определений, выраженных именами существительными, более употребительными являются конструкции без *ii*:

ilè ẹ̀rẹ ẹ̀rí odò (Alawiye, 7) 'грязная (болотистая) земля речного берега' [букв. 'земля' + 'грязь (болото)' + 'берег' + 'река' = 'земля грязи (болота) берега реки']

Если одно из сопряженных имен существительных употребляется во множественном числе, перед ним соответственно может быть поставлен показатель множественного числа *awqп*: ...*o jẹ aḡḡji awqп Yoruba*... (Т.К., 2) '...он был вождем Йорубов...'

Определение может выражаться глаголами. В таких случаях глагол выступает в форме инфинитива с формантом или без форманта *lái* (*lái*):

O si ti nwa qna ati ti idi ohun (Т.К., 9) 'И она искала способ, [как] обнаружить причину этого';

...*ng ko ti aye lq* (W, 102) '... я не нашел времени пойти'.

Обстоятельство. В функции обстоятельств могут выступать наречия, прилагательные, имена существительные и местоимения с предлогами и глаголы.

Обстоятельства места и времени обычно выражаются наречиями места и времени или именами существительными с предлогами (иногда в сочетании с другими частями речи). Например, обстоятельство места, выраженное наречием: *Duro sibe* (W, 154) 'Останься там'; обстоятельство времени, выраженное наречием: *Itan bi awq̄n q̄ba nla ti a ngburo gbogbo loni ti ʒe b̄eɾe* (Т.К., 2) 'История [о том], как великие короли, [о] которых мы слышим от всех сегодня, начали править'; обстоятельство места, выраженное существительным с предлогом: *Iwq̄ ʃe ba wq̄n lq̄ s'odo* (W, 142) 'Ты хочешь пойти с ними к ручью'; обстоятельство времени, выраженное сочетанием существительного с числительным и предлогом: *Ni q̄j̄q̄ kan Q̄r̄l̄l̄ k̄ede pe on ʃe ba ʃ̄ʃ̄q̄n sare īje* (Alawiye, 6) 'В день один (т.е. «однажды») лягушка объявила, что она хочет бежать с буйволдом наперегонки'; обстоятельство времени, выраженное сочетанием существительного с местоимением и предлогом: *Awq̄n wq̄nȳi wà l̄ā̄n awq̄n enia ti o ngbe Sudan di oni yi* (Т.К., 2) 'Эти [люди] есть среди людей, которые населяют Судан со дня этого' (т.е. до настоящего времени).

Обстоятельства образа действия часто выражаются качественными наречиями или прилагательными: *O wo inu odo finifini* (W, 153) 'Он посмотрел в ручей осторожно'; *O zi le sare pupq̄* (Alawiye, 5) 'И он может бегать много'; *O n̄ʒiʒe d̄arad̄ara* 'Он работает хорошо'.

В функции обстоятельств причины обычно выступают имена существительные с предлогами: *On ati awq̄n q̄mq̄ baba r̄e j̄à nitori q̄ii q̄kà* (Т.К., 5) 'Он и дети отца его подрались из-за вина'; *Nipa agbara Q̄ḡnȳan awq̄n Ȳoguba ʃq̄nka lq̄* (Т.К., 4) 'Благодаря могуществу Ораньяна Йорубы заселили соседние земли' (букв. 'через силу Ораньяна Йорубы распространились').

В функции обстоятельств цели чаще всего выступают инфинитивы, которые могут употребляться как в сочетании с формантом *l'ai* (*ai*), так и без него: *Emi o wa s'ile rē lati ri q* (W, 90) 'Я приду в дом твой, чтобы повидать тебя'; *Ẹbun lẹ fẹ aṣẹ l'odo* (W, 93) 'Эбун пошел мыть одежду в ручье';

При анализе текстов встретился пример, в котором целевое обстоятельство было выражено своеобразной конструкцией из двух инфинитивов, непосредственно примыкающих друг к другу: *Igbati niwọ ba nḃr ni lle lẹ wa jagun niwọ a ti ḁkil* (Т.К., 9) 'Когда бы они ни приближались к Иле Ифе, чтобы подойти и сражаться, они обычно брали веревки' (букв. 'когда бы они ни приближались к Иле Ифе подойти сражаться, они обычно брали веревки').

Порядок слов

Порядок слов в современном языке йоруба относительно твердый. Это важнейшее синтаксическое средство связи слов в словосочетаниях и предложениях. В подавляющем большинстве случаев он сохраняется неизменным и не зависит от смысловых оттенков высказывания. Отступления от обычного расположения членов предложения и нарушения фиксированного порядка слов возможны только в эмоционально окрашенной речи и при эмфатическом выделении того или иного члена предложения (главным образом в поэзии и разговорной речи).

На первом месте в предложении обычно стоит подлежащее:

Ẓango gba imọran wọn (Т.К., 20) 'Шанго принял совет их'
A ko mọ qḡangan ibẹ nisisiyi mọ (Т.К., 1) 'Теперь мы не знаем больше точного места там' (букв. 'Мы не знаем точное место теперь больше').

Подлежащему в предложении могут предшествовать только обстоятельственные слова или обстоятельственные обороты (обстоятельства места, времени, образа действия и реже — причины):

Diḡdiḡ awọn Yoruba a mǎ wa si ilu nǎ (Т.К., 4) 'Постепенно йорубы приходили в город тот';

Ni lle lɛ ʒi loni ɔpɔlɔpɔ, awɔn ɛrɛ...ni (Т.К., 1) 'В Иле Ифе этом сегодня много статуй... есть' ('В этом городе Иле Ифе в настоящее время находится много статуй'):

Nira agbara Ɔr̃nyan awɔn Yoruba ʃonka lɔ (Т.К., 4) 'Через (благодаря) силу Ораньяна йорубы распространились' ('Благодаря могуществу Ораньяна йорубы заселили соседние земли').

В некоторых случаях постановка обстоятельства перед подлежащими приобретает эмфатический характер:

Bayi ni itan nã lɔ (Т.К., 3) 'Вот как история эта рассказывает' (букв. 'таким образом есть история эта идет'). Однако и обстоятельственные слова (в особенности краткие, неразвернутые обстоятельства, выраженные одним словом), как правило, выносятся на самый конец предложения:

Ɔr̃nyan ronɪ titi (Т.К., 5) 'Ораньян раздумывал долго (постоянно)'.

Сказуемое занимает второе место после подлежащего, независимо от характера предложения:

Enia kɔ mɔ ibiti Ɔr̃nyan ku si gã (Т.К., 8) 'Люди не знают, где Ораньян умер точно';

ʒugbɔn, ibo ni ɔba nla nã ku si? (Т.К., 8) 'Но где [есть] король великий этот умер?';

Bi o ba lɔ si lle lɛ o le ti iboji Ɔr̃nyan dãdã (Т.К., 8) 'Если вы поедете в Иле Ифе, вы можете увидеть могилу Ораньяна'.

Однако сказуемое может выражаться не только первообразным глаголом; очень часто в роли сказуемого выступают сложные глаголы, которые при наличии дополнений расщепляются дополнением на свои составные компоненты (см. раздел «Глагол»).

В этом случае в зависимости от характера предложения второй компонент сложного глагола может быть вынесен на самый конец предложения или поставлен в середине предложения после дополнения:

Nwɔn ba Yoruba tan (Т.К., 2) 'Они относятся [к] йорубам' (*ba ... tan* 'относиться', 'быть связанным');

О на fi ikaṅṅa di eḥin mo Ijara ni igiimiṅ! (Alawiye, 13) 'Она повернулась со злостью [и] вцепилась зубами черепахе в нос!' (di... mɔ 'вцепиться', eḥin 'зуб', 'зубы').

Таким образом, сказуемое никогда не может предшествовать подлежащему; даже если подлежащее имеет определение, выраженное словосочетанием или целым определительным предложением, которое отделяет подлежащее от сказуемого, сказуемое ставится после группы подлежащего.

Qɔɔ nira awoṅ baba nla yin ni (Т.К., 1) 'Слово о предках ваших есть' (qɔɔ nira awoṅ baba nla yin – группа подлежащего);

Ni Ile Ife yi loni, qɔqɔqɔ awoṅ ɛre ti nwoṅ ti fi amɔ, okuta, ati irin ɛe ni (Т.К., 1) 'В Иле Ифе этом сегодня множество статуй, которые они сделали [из] глины, камня и железа, есть'.

Единственным случаем, когда сказуемое может предшествовать подлежащему, является отрицательная конструкция с глаголом si 'быть', 'находиться', 'существовать' – ko si (глагол si употребляется в современном языке йоруба только в отрицательном значении в указанной конструкции):

Ko si awoṅ qɔaju ti o ɛe pataki ni ara ila ḡrun (Т.К., 1) 'Не было цивилизованных [людей], которые действительно главными были в стране Востока'.

Конструкция ko si не обязательно выносится в начало предложения. Обороты типа iya ko si mɔ (D, 205) 'матери нет больше' (в значении «мать больше не живет») также широко распространены в языке.

Сказуемое может предшествовать подлежащему в эфатических конструкциях. Такие предложения характерны только для эмоционально окрашенной речи или поэзии:

Bakannā ni Yoruba Qyq ati ti Ibadan (Т.К., 4) 'Одинаковые есть йоруба Ойо и йоруба Ибадана' (имеются в виду диалекты Ойо и Ибадана; перед этим абзацем дано описание различных диалектов и говорилось об отличии одного диалекта от другого).

В редких случаях, также с целью особого эмфатического выделения, в начало предложения выносятся дополнения или определения. Обстоятельства, как уже указывалось, могут предшествовать подлежащему, при этом в одних случаях такая постановка обстоятельства приобретает эмфатическое значение, в других — нет:

Lati ara awq̄n meje wq̄nyi ni q̄ba ilẹ Yoruba ti jade (Т.К., 2) 'От этих семи (букв. 'от тела семи этих') короли земли йоруба произошли' (в предложении подчеркивается, что предками йорубов были именно эти семь человек);

Ṣugbq̄n ija ni Oduduwa ba kuro ni ibiti o ti wa ni ara oke Africa; lilẹ ni nwq̄n le on ati enia rẹ jade (Т.К., 5) 'Но с борьбой Одудува покинул место, [где] он был в горной части Африки, изгнанный [он был], они выгнали его и людей его прочь'.

В таких эмфатических оборотах, как указывалось ранее, при выделяемом слове или группе слов обязательно употребляется показатель эмфатического выделения *ni*, который ставится непосредственно после выделяемого слова или словосочетания (*bakannā ni...*, *lati ara awq̄n meje wq̄nyi ni...*, *ija ni...*, *lilẹ ni...*).

Прямое дополнение обычно непосредственно следует за сказуемым, если сказуемое не выражено сложным глаголом:

Ẹni awq̄n q̄m̄q̄ Yoruba... (Т.К., 1) 'Вы видите сынов йоруба...';
A le ẹe àbùso... (Т.К., 1) 'Мы можем сделать догадку (=предположение)...'.

При выражении сказуемого сложным двойным глаголом прямое дополнение расщепляет сложный глагол на его компоненты и ставится между ними:

Mo ti ri iwe rẹ gba (W, 107) 'Я получил письмо твое' (*ti...gbà* 'получать');

Nwq̄n gbe e wa... (Т.К., 8) 'Они перенесли его...' (*gbe ... wa* 'переносить').

Прямое дополнение, расщепляющее сложный глагол, может определяться целым придаточным предложением; в этом случае

между компонентами глагола ставится весь сложный комплекс дополнения:

On 'si le fi kùmp ti on fi lù ú pa han qba pɛlu (Alawiye, 9) 'И она может показать дубинку, которой она убила его, коралю' (*fi ... han* 'показывать').

При сказуемом, выраженном модальным глаголом в сочетании со смысловыми глаголами, прямое дополнение, как правило, следует за всем сказуемым (*Émi lè ní i* 'Я могу видеть его'). Однако возможна постановка прямого дополнения между модальным и смысловым глаголом, хотя такие случаи редки:

Ng o lq gbɛsan lara awɔn ti o le baba nla mi jade kuro (Т.К., 5) 'Я пойду отомстить жителям, которые могли предка моего выгнать прочь'.

Косвенное дополнение при наличии прямого обычно следует за прямым дополнением, а при отсутствии прямого присоединяется к глаголу-сказуемому посредством предлогов:

O bɛrɛ imɔran lqɔq qba lɔariba (Т.К., 5) 'Он попросил совета у короля Ибариба';

O fi i 'sori apoti (W, 112) 'Он положил это на коробку';

Mo pada lq 's'ile (W, 115) 'Я вернулся домой (букв. 'в дом')'.

Если сказуемое выражено сложным глаголом, имеющим прямое и косвенное дополнение, то в большинстве случаев прямое дополнение, расщепляя глагол, ставится между его компонентами, а косвенное дополнение ставится после второго компонента сложного глагола,

Awɔn ara lɔdɔhɔmì ati awɔn Porɔ a tã ti ɛbin wa sun 'Alaɕin Qyɔq nigbakan (Т.К., 4) 'Жители Дагомеи и Попо обычно приносили подарки для алафина Ойо в то время' (*ти... wa* 'приносить', *ɛbin* 'подарок').

При сказуемых, выраженных сложными глаголами, один из компонентов которых является глагольным, а второй адвербиальным или предложным элементом, в роли «расщепителя» может выступать не прямое, а косвенное дополнение. Прямое дополнение

(если оно имеется) в таких случаях следует за вторым компонентом сложного глагола:

O fi qkq pa ɛɛin na (W, 113) 'Он убил копьем лошадь ту' (*fi ... pa* 'убивать').

В очень редких случаях в роли «расщепителей» сложного глагола выступают оба дополнения, прямое и косвенное, при этом косвенное дополнение предшествует прямому:

O le fi òwo rɛ kan enia pa (Alawiye, 5) 'Он может рогом своим одним человека убить' (*fi ... pa* 'убивать', *òwo* 'рог'; *enia* 'человек').

При сказуемых, выраженных сложными глаголами, компонентами которых являются глагольные элементы, прямое дополнение расщепляет сложный глагол, а косвенное дополнение следует за вторым элементом сложного глагола:

Nwɔn nru koroɓa wɔn lɔ s'odo (W, 114) 'Они несут ведра свои к воде' (*ru ... lɔ* 'нести', 'тащить').

O wa igi na mɔ ori rɛ (W, 114) 'Он держит дерево то [на] голове своей' (*wa ... mɔ* 'держать', 'укреплять').

Обстоятельственные слова, как уже указывалось, или выносятся на самый конец предложения, или ставятся в начале предложения, предшествуя подлежащему. Реже односложные обстоятельства могут быть поставлены в середине предложения (например, между подлежащим и сказуемым или между глагольным показателем и основным глаголом в сказуемом):

Ki iɛ ilɛ yi ni nwɔn ti kɔ bɛrɛ gɛgɛ bi orilɛ ede kan (Т.К., 1) 'Это не есть земля эта, [где] они впервые начали [жить] как нация одна' (*ko* 'впервые');

Awɔn ɛya kan tilɛ wà ni Sudan nã di oni yi ... (Т.К., 2) 'Племена некоторые действительно есть в Судане том до дня сегодняшнего' (*tilɛ* 'действительно');

Nigbati nwɔn kɔ de, ilu nã l'o-si jɛ ilu kini ti nwɔn tɛ do (Т.К., 1) 'Когда они впервые пришли, город тот, он и был городом первым, который они основали';

Амрл ɛ̀ɔ̀à yí ɛ̀m ɔ̀p ílɛ ílɛ... (Т.К., 10) 'Пломена эти онова вошли в город...' (ɛ̀m 'снова').

Определение обычно занимает постпозитивное положение по отношению к определяемому слову, независимо от того, чем выражается определение:

Enia nla bi Olokun... ni ère ti o duro fun ìranti rẹ̀ (Т.К., 1) 'Человек великий /такой/, как Олокун... имеет статую, которая стоит для памяти ее (=чтобы ее помнили)' (*nla* 'великий', 'большой' — имя прилагательное; *rẹ̀* 'его', 'ее' — притяжательное местоимение);

O ni agbara nla (Alawiye, 5) 'Он имеет силу огромную'.

Если к одному и тому же слову относятся несколько определений, выраженных различными частями речи, то эти определения обычно располагаются следующим образом: непосредственно после определяемого слова ставится определение, выраженное именем прилагательным; за ним следуют определения, выраженные местоимением или числительным:

Baba mi ni ile nla kan l'ọja (W, 73) 'Отец мой имеет дом большой один на рынке'; ... *baba nla yin* (Т.К., 1) '... отцы великие ваши'; ... *awọp ẹranko nla miran* (Alawiye, 6) '... животные крупные другие'.

Если одно из определений выражается местоимением, а другое — числительным, то, как правило, определение, выраженное местоимением, предшествует определению, выраженному числительным:

... *ọmọbinrin rẹ̀ kan* (Alawiye, 7); '... дочь ее одна'; ... *ọmọ rẹ̀ ọtẹrinla* (Alawiye, 6) '... дети ее четырнадцать' ('ее четырнадцать детей').

Если само определение в свою очередь определяется другим определением (например, прилагательное определяется наречием), то второе определение следует за первым:

... *niwọp dara pipo* (Т.К., 1) '... они красивые очень (чрезвычайно)'.

Единственным случаем возможного препозитивного положения определения по отношению к определяемому слову являются атрибутивные сочетания, в которых определения выражаются именами существительными, выполняющими функцию приложений по отношению к определяемому слову, например:

Ogānyan jẹ alagbara ọba (Т.К., 8) 'Ораньян был силач — король'.

Препозитивное положение определений возможно также в тех случаях, когда в качестве определений выступают числительные, кратные десяти, ста и тысяче, некоторые местоимения (*gbogbo* 'все' 'весь', 'воя'; *olúkúlùkù* 'каждый'), а также собирательные имена существительные (типа *ṣìṣìṣì* 'множество', *ṣpṣpṣp* 'множество', 'изобилие', 'богатство' и др.). Примеры:

ogun iwé 'двадцать книг'; *ogóḍje iwé* 'сто сорок книг'; *ṣpṣpṣp ẹ̀bùn* (Alawíye, 8) 'многие подарки'; *gbogbo enia* (Alawíye, 14) 'все люди'; *gbogbo ojú ọ̀nà nǎ* (Alawíye, 6) 'все воины дороги той'.

В сочетаниях с местоимением *gbogbo* возможно как постпозитивное, так и препозитивное положение определений:

Ó ní òun gbogbo = *Ó ní gbogbo òun* (Abr., 246) 'Он обладает всем' (*òun* — полная форма личного местоимения 3-го лица единственного числа, обычно употребляемая при выделении подлежащего и иногда — дополнения; букв. 'он имеет его все').

В таких атрибутивных сочетаниях, если при определительном слове употребляется показатель множественного числа *awọ̀n*, он занимает свое обычное положение, т.е. непосредственно предшествует определительному слову:

gbogbo awọ̀n ẹ̀ranko (Alawíye, 5) 'все животные'; *gbogbo awọ̀n ọ̀tọ́ ogun gẹ́* (Т.К., 1) 'все войны его'; *ṣpṣpṣp awọ̀n ẹ̀re* (Т.К., 1) 'многие фигуры'; *olúkúlùkù àwọ̀n ọ̀tọ́n* (Abr., 473) 'все дети' (букв. 'каждые дети').

Однако поскольку значение множественности заключено уже в самих местоимениях или существительных, показатель *awɔn* не обязателен:

Mo nɔ́n gbogbo owo' mi (Abg., 246) 'Я истратил все деньги мои'.

Сложное предложение

Простые предложения могут объединяться в сложные как равноправные (сочинительная связь) или как зависимые, подчиненные одно другому (подчинительная связь).

Сочинительная связь обычно осуществляется посредством сочинительных союзов. Наиболее употребительными сочинительными союзами являются соединительные союзы *si* 'и', *ati* (*ɛ̀*) 'и' и противительный *ɕugbɔn* 'но', 'однако'. Бессоюзная связь простых предложений в сложносочиненное возможна, хотя широкого распространения она не имеет и не является типичной для языка йоруба.

Примеры на сложносочиненные предложения с союзами *ɕugbɔn* и *ati* (*ɛ̀*):

'Qrɔ́nyan ni abikèhin ɔmɔ Qkanbi, ɕugbɔn sibèsibè nǎ' on l'ò lagbara ju gbogbo awɔn ɔmɔ rẹ̀ lɔ (Т.К., 2) 'Ораньян был последним ребенком Оканби, но несмотря на это, он был сильнее всех его детей';

Bayi ni nwɔn ɕe ti gbogbo wɔn fi pa ara rẹ̀ ti nwɔn di ɔkannǎ (Т.К., 4) 'Так они делали, и все они объединились, и они стали одним и тем же'.

Пример на бессоюзную связь сочинительных предложений:

Ko rẹ̀ pupɔ nǎ ogun tun de, awɔn ɕyà yi tun wɔ inu' ilu gbogbo enia salɔ; dipo ki Mɔremi sa, o fi ara rẹ̀ silẹ̀, o jẹki nwɔn tu on (Т.К., 10) 'Немного [времени спустя] после этого война началась снова, эти племенные вожди снова вошли в город, все убежали; вместо того, чтобы Мореми убежать, она осталась (= отдала себя), она позволила им схватить себя'.

Нередко установить границы простых предложений в рамках сложносочиненного предложения бывает трудно, например, когда простые предложения соединяются посредством союза *si* который обычно ставится после подлежащего второго предложения, даже если оно выражается целым словосочетанием:

Bayi ni Qrañyan wi, gbogbo auwɔn qmɔ oɔun rɛ ʼsi tɛlɛ e (Т.К., 5)
'Так, Ораньян говорил, и все воины его последовали за ним'.

Подчинительная связь простых предложений в сложноподчиненное осуществляется посредством различных подчинительных союзов и при помощи относительного местоимения *ii*. Наиболее употребительными подчинительными союзами являются *nígbàtí* (*ígbàtí*) 'когда', *bí* 'когда', 'если', *nítorí* 'потому что', 'из-за', *nítoríre* 'так как', *ré kí* 'чтобы', *ré* 'что' и др.

Как в главном, так и в придаточных предложениях сохраняется тот же порядок слов, который характерен для простого предложения. Слова, связывающие главное предложение с придаточным, ставятся в начале придаточного предложения. При одном главном предложении может быть несколько придаточных. Связь между придаточными предложениями бывает сочинительной (однородные придаточные предложения) или подчинительной (последовательное подчинение).

Основные типы придаточных предложений

Определительные придаточные предложения связываются с главным посредством относительного местоимения *ii*. Характерным для придаточных определительных предложений (в тех случаях, когда *ii* выступает в функции подлежащего в придаточном) является обязательное наличие в них второго формального подлежащего, выраженного личным местоимением, с которым *ii* может сливаться (см. раздел «Относительные местоимения»), например:

Lɛhin eyi rɛlu on ni qba ii o da Èsɔ́q́silɛ (Т.К., 6) 'Кроме этого, он был королем, который (он) основал Эшо'.

Придаточные определительные предложения могут стоять после главного или внутри него, т.е. после того слова, к которому они относятся:

...аиџи *Ẹṣq ni аиџи ti пиџи wà lati mǎ'ṣq qba ati ilẹ̀ gẹ̀ nira ogun* (Т.К., 6) 'Эши (букв. 'Эши есть они'), которые (они) существуют, чтобы постоянно охранять короля и дом его посредством войн';

Аиџи *Ora ti olu ilu иџи njẹ Sabongidda ni ede tiиџи* (Т.К., 4) 'Оры, которых главный город их есть Сабонджидда, имеют язык свой'.

Определительные предложения — широко распространенный тип придаточных предложений в йоруба. При выражении качественной характеристики предмета они более употребительны, чем простые определения или предикативные конструкции. В некоторых случаях употребление определительных придаточных предложений необходимо:

Qṛqqrin kan ti o bíni mbò (L.G.) букв. 'человек один, который он есть злой, идет' ;

Qṛq ti o иџи nṣire (L.G.) букв. 'ребенок, который он есть любимый, играет' ; от глаголов *bíni* 'быть злым' и *иџи* 'быть любимым' прилагательные не образуются.

Однако даже в тех случаях, когда употребление определения, выраженного одним словом, возможно, очень часто употребляются придаточные определительные предложения. Например, говорящий на языке йоруба обычно не употребляет прилагательное *ḍkeji* в значении «будущий», «следующий», «наступающий» (день, год, час, время и т.д.), хотя такое прилагательное с указанным значением существует в языке. Вместо простого определения он употребит придаточное определительное предложение типа *ti o mbq* 'который наступает':

Oun o wa l'qḍin ti o mbq (W, 89) 'Он придет в году, который [он] наступает'.

Дополнительные придаточные предложения всегда следуют за главным и присоединяются союзом *pe*:

Itan 'sq sun ni pe 'awon eya kan ni Gold Coast ti a pre ni Ga' (Т.К., 4) 'История рассказывает всем, что племена некоторые есть [на] Золотом Берегу, которые мы называем Га';

A kd gbr pe o tun pada wa (Т.К., 8) 'Мы не слышали, что он вернулся снова'.

Бессоюзное присоединение придаточных дополнительных предложений встречается редко.

Временные придаточные предложения могут стоять как после, так и перед главным предложением. Они вводятся союзами *nígbàtí* (*ígbàtí*) 'когда', *bí* 'когда', *ki* 'до того как', *njẹ* 'после того как', 'тогда':

Ṣugbọn awon Yoruba pọ nigbati wọn ni ile Egypt (Т.К., 2) 'Однако йорубы были многочисленны, когда они покинули землю Египта';

Igbati Oṣānyan si ri i pe on di alagbara o pinnu ati pada (Т.К., 5) 'И когда Ораньян увидел [это], что он стал сильным, он решил вернуться обратно'.

Союзом *bí* 'когда' часто вводятся временные придаточные предложения, действия в которых были совершены до начала действия в главном предложении:

Bi mo ti paṣi irin-ajo mi mo ranṣe si qre mi (W, 167) 'Когда я закончил мое путешествие, я послал письмо своему другу'.

Условные придаточные предложения обычно предшествуют главному и вводятся союзом *bí* 'если':

Bi o ba mura ni Oyọ ti o lẹ si ara qna Ibini, nkan ti o mǎ kọ se akiyesi nipa ede...ni eyi.. (Т.К., 4) 'Если бы вы попали прямо в Ойо и поехали бы в сторону (в направлении) Бенина, вещь, которую вы заметили прежде всего относительно языков..., было следующее...'

Союзом *bí* могут вводиться как ирреальные, так и реальные условные предложения, относящиеся к настоящему или будущему:

Bí o lù mí èmí yíó lq 'Если ты ударишь меня, я уйду'.

Придаточные предложения цели и причины всегда следуют за главным. Придаточные цели присоединяются союзом *pe' kí* 'чтобы'; придаточные причины вводятся союзами *nítorí* 'потому что', *nítorííí* 'потому что', 'так как' и *nítorípe* 'потому что', 'так как':

O pínli atí pada lq 'sí íbítí nwón tí le baba rẹ̀ àgbà jade kí on lq gbẹ́san lara awón tí o hu íru-íwa bẹ́ (Т.К., 5) 'Он решил вернуться в место, [из] которого они изгнали деда его, чтобы отомстить (букв. 'чтобы он пошел отомстить') жителям тем, которые вели себя таким образом';

O le ní íbojì Qrǎnyan dǎdǎ, nítorí nwón tí okuta gígún kàn mọ́ ilẹ́ ní qgangan íbẹ́ tí nwón pre ní qra Qrǎnyan (Т.К., 8) 'Ты можешь увидеть могилу Ораньяна хорошо, потому что они установили камень длинный один в землю как раз в том самом месте, который они называют столпом Ораньяна'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Образцы текстов на языке йоруба

Ẹnyin qm̩qde, q̩r̩q kan w̩d̩ ti a s̩e s̩q fun yin loni, nkan ti baba Taiwo ati Kẹhinde ti s̩q fun w̩q̩n ni ti o si y̩e ki gbogbo ẹnyin qm̩qde g̩b̩o p̩eḽu. Q̩r̩q nipa aw̩q̩n baba nla yin ni. Bi ẹ ti nrin kiri ti ẹ nri aw̩q̩n q̩m̩q Yoruba, ẹ le s̩e bi ibiti ẹ ti nri w̩q̩n loni ni nw̩q̩n ti b̩e̩r̩e ni ode aiye; s̩ugb̩q̩n ir̩q̩ ni, ki iṣe il̩e yi ni nw̩q̩n ti k̩o b̩e̩r̩e g̩e̩g̩e bi onil̩e ede kan. Ibiti nw̩q̩n ti wa jina, ara ila ṽṽṽṽ Africa ni, a ko m̩q q̩gangan ib̩e̩ nisisiyi m̩q, nitori q̩j̩q̩ ti p̩e, ó lé ni ẹgb̩e̩run q̩ḽḽḽḽ bayi ti aw̩q̩n Yoruba ti de ibiti nw̩q̩n w̩d̩ loni¹.

Буквальный перевод

Вы дети, слово одно есть, которое мы хотим сказать вам сегодня, вещь, которую отец Тайво и Кехинды уже говорил им, и это есть то, которое оно подходит, чтобы все вы дети послушали также. Слово о предках великих ваших это есть. Когда вы ходите вокруг и вы видите сынов Йоруба, вы можете предположить, где

¹ Орывок взят из сборника «Taiwo ati Kẹhinde», составленного известными писателями, собирателями текстов на языке йоруба D.O. Fagunwa и L.J. Lewis. Данный сборник включает тексты полупоэтического, исторического и этнографического характера, связанные главным образом с приходом и становлением народности йоруба.

вы видите их сегодня, есть ./откуда/ они начали в мире; но ошибка это есть, это не есть земля эта, ./откуда/ они впервые начали, как нация одна. Место, /из/ которого они пришли, далеко, /в/ направлении линии солнца Африки есть, мы не знаем точное место там теперь больше, потому что дни были долгими, это есть более чем тысяча лет таким образом, что йорубы достигли места, /в/ котором они находятся сегодня.

Литературный перевод

Вам, дети, мы хотим рассказать сегодня то, что отец Тайво и Кехинды уже говорил им, и то, что полезно послушать всем детям. Это рассказ о ваших великих предках. Когда вы странствуете и встречаете йорубов, вы можете предположить, что места, где вы их видите сегодня, и есть те места, откуда они начали свое существование. Но это не верно. Это не та земля, откуда йорубы произошли, как единая нация. Земля, из которой они пришли, далеко — в восточной части Африки. Теперь мы уже не знаем точного места их происхождения, потому что с того времени, как йорубы достигли тех областей, где они живут сейчас, прошло более тысячи лет.

Ẹṣọ̀n jẹ ẹranko ti o dàbí málú gẹgẹ. O ni ̀dwo meji ni ori rẹ, o si ni pátàkò ní ẹsẹ; ̀ṣugbọ́n o tóbí ju málú lq; o ni agbàr nla, o si le sare pupọ. O jẹ ẹranko ti o lewu pupọ fun awọn odẹ, nitoripe o le fi ̀dwo rẹ kan enia pa.

Nitori agbara nla ti Ẹṣọ̀n ni yi, ìgberaga rẹ pọ̀ pupọ. Ni ìgbà kan o bẹrẹ si fi gbogbo awọn ẹranko ti o kù dá àpapá. Gbogbo awọn ti o ̀fẹ̀ràn rẹ ba a wi, ̀ṣugbọ́n ko gbọ; nitoriná, ẹnikẹni korira rẹ².

² Отрывок взят из сборника сказок «Alawiye», составленного J.F. Qdunjọ.

Буквальный перевод

Буйвол есть животное, который он похож на корову точно. Он имеет рога два на голове своей, он также имеет копыта на ногах; но он больше коровы; он имеет силу большую, и он может бегать очень. Он есть животное, которое оно опасно очень для охотников, потому что он может рогом своим одним убить человека.

По причине силы большой, которую буйвол имеет эту, гордость его огромная очень. Однажды он начал в конце концов всех животных, которые остались, бить насмешками. Все они, которые любили его, укоряли его, однако он не слушал; поэтому все возненавидели его.

Литературный перевод

Буйвол — это животное, очень похожее на корову. У него на голове рога, а на ногах — копыта. Но он больше коровы, он очень сильный и может быстро бегать. Он очень опасен для охотников, потому что своими рогами он может убить человека.

Буйвол очень гордился своей огромной силой. Однажды он начал высмеивать всех остальных животных. Все те, которые любили его, укоряли его, но он их не слушал, тогда все возненавидели его.

Краткий словарь-комментарий к текстам

А

a 'мы', личное местоимение 1-го л. мн.ч., сокращенная форма.

a 'его'; адаптированная объектная форма личного местоимения 3-го л. ед.ч.

Africa 'Африка'.

agbara 'сила', 'мощь', 'власть'.

àiyé = *aye* = *ode aiyé* 'мир' ('земной шар'), 'свет'.

ara 'сторона', 'часть', 'направление'.
àrará 'насмешка', 'злая сатира', 'шутка'.
ati 'и', союз.
awon показатель мн.ч. имен существительных.

B

baba 'отец', 'предок'.
ba ... wi 'обвинять', 'укорять', 'ругать', сложный (двойной) глагол.
bayi 'так', 'таким образом', наречие.
begē 'начинать'.
bi 'когда', 'если'; союз.
bi в сочетании с *gege=gege bi* 'в соответствии', 'в качестве', 'как'.

D

dá 'бить', 'сбивать'.
dàbi 'быть похожим', 'походить', 'казаться', глагол.
dé 'достигнуть', 'прибывать'.

E

ede 'язык'.
enia 'существо', 'человек'.

E

é 'вы', личное местоимение 2-го л. мн.ч., сокращенная форма.
éṣàn 'буйвол', 'бизон'.
ẹgbẹgún 'тысяча', числительное.
ẹnikẹni 'некоторый', 'кто-либо', 'все', неопределенное местоимение.
ẹyíni ẹyìn 'вы', личное местоимение 2-го л. мн.ч., полная форма.
ẹsẹ 'нога'.

F

fẹ́ 'хотеть', 'желать'.
fẹ́ràn 'любить', 'нравиться'.

fi 'в конце концов', 'в конечном счете', 'в результате'.

fi 'посредством', 'с', предлог.

fil 'для', предлог.

G

gɛgɛ 'точно', 'как раз', наречие.

gɛgɛ bi 'в соответствии', 'в качестве', 'как'.

Gb

gbogbo 'весь', 'всякий', 'каждый'.

gbɔ 'слушать'.

I

ibɛ 'место'.

ibɛtɛ 'начало', 'становление'.

ibiti 'где', 'там, где', (букв. 'место которое'), наречие.

igbà 'время' (*ni igba kan* 'однажды').

igberaga 'гордость', 'высокомерие', 'чванство', 'тщеславие'.

ila 'линия'.

ilɛ 'земля'.

irɔ 'ошибка', 'ложь', 'неправда'.

ise глагол *ɛe* 'быть' с показателем длительности действия (при наличии отрицания *ki* показатель длительности *n'/m'* меняется на *i*).

J

jɛ 'быть', глагол-связка.

jila 'быть далеким', глагол.

jù ... lɔ — глаголы, употребляющиеся при именах прилагательных для выражения идеи сравнения (*jù* 'превосходить', *lɔ* 'идти').

K

kan=kon=ɸkon 'один'.

Kɛhinde — женское имя.

ki показатель повелительного наклонения, употребляющийся для выражения побуждения к действию (часто употребляется в косвенной речи со значением «чтобы»).

ki 'не', отрицательная частица при глаголах.

kiri 'вокруг', 'кругом', наречие.

kɔ 'не', отрицательная частица при глаголах.

korɔ 'ненавидеть', сложный глагол.

kɔ 'впервые', наречие.

ku 'оставаться'.

L

le 'мочь', 'уметь', модальный глагол.

le 'увеличиваться', 'быть более чем...'

lewɔ 'быть опасным', глагол.

loni 'сегодня', наречие.

lo 'идти'.

M

mɔli 'корова', 'бык'.

meji 'два', числительное (употребляется в функции определения при существительном).

mɔ 'знать'.

mɔ 'более', 'больше', наречие (употребляется в отрицательных конструкциях во временном значении: «мы больше этого не знаем...»).

N

n показатель длительности действия (при глаголах).

ni 'быть' (употребляется или как глагол-связка, или для эфатического выделения членов предложения).

ni 'в', 'на', предлог.

ni 'иметь'.

nira 'о', 'об', предлог.

nisisiyi 'теперь', наречие.

niŋeŋi 'потому что', 'по причине того, что', союз.

niŋeŋiã 'потому что', союз.

nã 'вещь', 'что-то'.

nla 'большой', 'великий', прилагательное.

niŋŋeŋŋeŋ 'они', личное местоимение 3-го л. мн.ч., сокращенная форма.

О

o 'он', 'она', 'оно', личное местоимение 3-го л. ед.ч., сокращенная форма.

ode aiyeɛ diyɛ 'мир' ('земной шар'), 'свет',

oni 'голова'.

onile edeɛ onile 'нация', 'народность'.

õgã 'солнце'.

oko 'рог'.

О

oɔɔ 'охотник'.

oɔɔ 'год'.

oɔɔɔɔ 'точное место', 'точка'.

oɔɔ 'день', 'дата'.

oɔɔ 'ребенок'.

oɔɔ 'слово', 'тема'.

Р

ra 'убить'.

raiaiko 'копыто'.

re 'быть длительным, долгим', глагол.

reli 'с', 'также', союз.

re 'быть огромным', 'быть обильным', глагол.

rirre 'очень', наречие.

Р

re 'его', 'ее', притяжательное местоимение 3-го л. ед.ч.

ri 'видеть'.

rin 'ходить', 'бродить'.

S

sare 'богаты',

sebi 'предположить', 'подумать'.

si 'и', 'также', союз.

sq 'говорить', 'сказать'.

S

şugboŋ 'но', 'однако', союз.

T

Taiwo — мужское имя.

ti 'который', относительное местоимение.

ti=ati 'и', союз.

ti показатель законченного действия (при глаголах).

tobi 'быть большим', глагол.

W

wà 'быть', 'находиться'.

won 'им', 'их'; объектная форма личного местоимения 3-го л. мн.ч.

Y

yé 'быть подходящим, надлежащим', глагол.

yi 'этот', 'эта', 'это', указательное местоимение.

yin 'ваш', 'ваша', 'ваше', 'ваши'; притяжательное местоимение
2-го л. мн.ч.

Yoruba 'йоруба' (*awon Yoruba* 'йорубы').

Библиография

- «Народы Африки», под ред. Д.А. Ольдерогге, И.И. Потехина, М., 1954.
Abraham R.C., *Dictionary of modern Yoruba*, London, 1958.
Akintan E.A., *Modern grammar of Yoruba language*, Lagos, 1949.
Akintan E.A., *Lecture on the fundamental principles of the Yoruba language*, Lagos, 1947.
Bowen T.J., *A grammar and dictionary of the Yoruba language with an introductory description of the country and people*, Washington, 1858.
Crowther S.A., *Vocabulary of the Yoruba language*, London, 1843.
Crowther S.A., *A grammar of the Yoruba Language*, London, 1852.
Delano I.O., *Atúmò Ede Yoruba. A short Yoruba grammar and dictionary*, London, 1958.
Dennet R.E., *How the Yoruba count*, - *Journal of the African Society*, vol. XVI-XVII, 1917.
«A dictionary of the Yoruba Languages», London, 1957.
Ellis A.B., *The Yoruba speaking peoples of the Slave coast of West Africa*, London, 1894.
Gaye J.A. and Beecroft W.A., *Yoruba grammar*, London, 1951.
Loyd J., *The Tones of Yoruba*, - BSOS, t. 3, 1923, N 1.
Johnson S., *The history of the Yorubas*, London, 1921.
Lašebikan E.L., *Learning Yoruba*, London, 1958.
Lašebikan E.L. and Lewis L.I., *A Yoruba revision course*, London, 1949.

- Melzian H.G., *Beobachtungen über die Verwendung der Töne in der Yoruba Sprache*, - MSOS, 1943.
- Meinhof C., *Die Sprachen der Hamiten*, Hamburg, 1912.
- Olmsted D., *The phonemes of Yoruba*, - «Word», vol. 7, 1951, N3, pt 3.
- Olmsted D., *Comparative notes on Yoruba and Lucumi*, - «Languages», vol. 29, 1953, N2.
- Rowlands E.C., *The mid tone in Yoruba*, - «Afrikanistische Studien», hrsg. von J. Lukas, Berlin, 1955.
- Rowlands E.C., *Types of word junction in Yoruba*, - ESOAS, vol. XVI, 1954, pt 2.
- Siertsema B., *Some notes on Yoruba phonetics and spelling*, - BIFAN, 1958, t. XX, N 3-4.
- Siertsema B., *Stress and tone in Yoruba word composition*, - «Lingua», vol. VIII, N 4, 1959.
- Siertsema B., *Problems of phonetic interpretation. Nasalized sounds in Yoruba* - «Lingua», vol. VIII, 1958, N 1.
- Siertsema B., *Problems of phonetic interpretation. Long vowels in a tone language*, - «Lingua», vol. VIII, 1959, N 1.
- Ward I., *An Introduction to the Yoruba language*, Cambridge, 1952.
- Welmers Wm.E., *Are West African languages monosyllabic?* - «Journal of the American Oriental Society», 1949.
- Westermann D. and Ward I., *Practical phonetics for students of African languages*, London-New York-Toronto, 1957.
- Westermann D., *Grammatik der Ewe-Sprache*, Berlin, 1907.
- Westermann D., *Die Westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu*, Berlin, 1927.
- Westermann D., *Die Sudansprachen*, Hamburg, 1911.
- Westermann D. and Bryan MJA., *Languages of West Africa Handbook of African languages*, pt II, Oxford, 1952.

Условные сокращения

- BIFAN - «Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire».
- BSOS (BSOAS) - «Bulletin of the School of Oriental Studies» («Bulletin of the School of Oriental and African Studies»).
- MSOS - «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen».
- Abr. - R.C. Abraham, *Dictionary of modern Yoruba*, London, 1958.
- Alawiye - «Alawiye». Iwe-keta. 'Lati qwq J.F. Qdunjò, London-New York-Toronto, 1955.
- G.B. - J.A. Gaye and W.S. Beecroft, *Yoruba grammar*, London, 1951.
- D. - «A dictionary of the Yoruba language», London, 1957.
- L. - E.L. Laşebikan, *Learning Yoruba*, London, 1958.
- L.G. - Latif Gudlock (уроженец г. Лароса).
- M.G. - E.A. Akintan, *Modern grammar of Yoruba language*, Lagos, 1949.
- R. - E.C. Rowlands (преподаватель Лондонского университета, специалист по западноафриканским языкам).
- T.K. - «Taiwo ati Kẹhinde». Iwe kẹrin. 'Lati qwq D.O. Fagunwa ati I.J. Lewis, London, 1957.
- W. - J. Ward, *An Introduction to the Yoruba language*, Cambridge, 1952.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	5
Введение	7
Фонетика	21
Письменность	36
Лексика	40
Морфология	45
Части речи	47
Имя существительное	47
Глагол	64
Имя прилагательное	82
Местоимение	89
Числительное	98
Наречие	105
Междометие	110
Служебные слова	111
Синтаксис	116
Приложение	141
Библиография	150
Условные сокращения	152

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
11	6 и 14 св.	} контракции коотракция	контракции контракция
21	2 св.		
34	12 и 13 сн.		
34	7 сн.		

Виктория Константиновна
ЯКОВЛЕВА

*

ЯЗЫК ЙОРУБА

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

*

Редактор издательства В.Д. Артамошина
Технический редактор Т.А. Волченкова
Корректор М.К. Киселева

*

Сдано в набор 31/VII-1962 г.
Подписано к печати 15/III-1963 г.
А-03169. Формат 60х92¹/₁₆ Усл.п.л. 9,75
Печ.л. 9,75 Уч.-изд.л. 7, 10
Тираж 1400 экз. Зак. 1394
Цена 36 коп.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

*

*

Производственно-издательский комбинат ВИНТИ
г. Люберцы, Октябрьский проспект 403